

Иоанн Блаженный (Береславский)

300-летняя Брачная ночь Атлантиды

«300-летняя Брачная ночь Атлантиды»: Мир Софии; М; 2005
ISBN 5-98290-046-X

Аннотация

Богоотеческие корни атлантической цивилизации на примере греческих мифов
Автор книги - один из самых загадочных писателей современности. Он говорит о себе, что сошел свыше, чтобы открыть человечеству любовь, какой нет на земле. В его произведениях соседствуют мистика и поэзия, универсальная мудрость древних религий и пророческие озарения о человечестве грядущего. Нестандартный и яркий мыслитель, духовный романтик и поэт, всегда неожиданный и неповторимый, он обладает поразительной способностью видеть сверхъестественное в обыденном и среди повседневности открывать грандиозные новые горизонты.

Иоанн Блаженный

300-летняя Брачная ночь Атлантиды

Измир, Кемер, август — сентябрь 2005

1. Всплывшая Атлантида

11.08.05 Измир

От автора

Чего собственно ради пишется очередная книга? Ради той неопишуемой радости, какая достается победителю увенчанному, способному среди мирского одержания похотью и чревом войти в высоты девственные.

Возможно ли такое на земле? Да, скажу вам: больше чем на небесах. Ведь и ангелы пали, уведенные вслед за Люцифером. А от земли среди отребья змеиноного и похоти козлоногой взошли ангелоподобные лики девственных святых и просияли в мирах вечных.

Об одном хотел я сказать человеку: о неистощимом потенциале девства. О преимуществе выбора в сторону девства, как бы ни обрушивался враг со своей проклятой рациональной и отмирской аргументацией. «Потеряешь последние силы. Где тебе взять энергию? Нищее убожество. Презрен всеми. Одинокый, бесплодный банкрот. Твои усилия кончаются ничем. Гордец. Будь как все...»

Нет и трижды нет! Человек достоин своего призвания к девству. Через него открывается Царство Божие на небесах и на земле.

Нескончаемо петь эту песнь, чтобы однажды человек протер глаза, воскрес из мертвых и устремился к девству. Презрел прочие идеалы. Объявил девство идеалом поколения, цветущим и благоуханным цветком жизни.

Через девство возвращаются человеку мир и Бог, мир с ближними, мир в семьях и мир в мире. И напротив, похотью только умножается зло, кровь, бессмыслица и задущенное одиночество в ночи.

Посмотрите, сколь великолепны культуры древности! Какие высоты — о, какие высоты Непорочного Зачатия, Грааля. Какие парения белого орла и страсти по Лебедю-Юпитеру. Какие прекрасные совершенные души. Какие составы. Какие бессмертные тела. Какие подвиги и дерзновения и какие им за то венцы.

Увенчается человек венцом победителя в девстве и возрадуется наконец-то. А до того

— скорбь, пустыня, одиночество. Испытания, искушения. Призраки мира, иллюзии общения. Рабство у похоти. Погоня за страстями, наслаждениями. Городские фата-морганы и уплывающие идола...

Персефона, или высшие тайны подземных сфер

09.08.2005 Измир

Оклеветанный Христос. Пророки с пробитыми барабанными перепонками. Затравленные инквизицией святые. «Ликвидированная», списанная со счетов, затравленная Божия Матерь (Ее явления с I по XXI век, «забытые легкомысленно» или в лучшем случае благоразумно «переложенные», занимающие какое-нибудь десятое место после «посланий апостола Павла») ... Оклеветанный человек. Оклеветанный мир. Запертый в темницу Бог. Обезображенное лицо древних цивилизаций («язычники», «уроды», «недо»).

Вот только некоторые из великих счетов, предъявляемые сегодня церковной мафии — виновникам близкой гибели 84 цивилизации, прямым наследникам ядовитых пауков жрецов Египта, мудрых шаманов Вавилона, кельтских друидов-каннибалов...

Христос ими осмеян и осквернен как никто. Сравнить их с известными искажителями древнего Яхве, ветхозаветными фарисеями — распинателями иерусалимского Мессии — было бы слишком мягко.

Культура, оставленная христианами, столь низка и смехотворно-убога, что и говорить о ней нечего. Римская цензура «продула» лучшее, что было в христианстве: поспешила вздернуть на виселице и развеять в прах янов гусов, жаков де моле, жанн д'арк, галилео галилеев. Террористическая секта Рима держала под своим инквизиторским прицелом лучшие умы и самые благородные сердца человечества. Православная преисподняя — не лучше. Римляне и греки для них «враги», «язычники», «развратники»...

Феноменальная «затопленная» культура Атлантиды фантомирована этими жрецами. Мамоно-педо-монахо-догмато-мафия как заведено в этой конторе, приписала греко-римским временам свойственное ей. Средневековое искусство только прочитало инквизиторские приговоры Риму и Афинам, когда превратило великих античных богов и героев в пышных развратно-грудастых персонажей «легенд и мифов».

К

Прекрасная затонувшая Атлантида впустила помазанника в священные воды морского Грааля. Что ж: мир отверг пророка — Морская Держава распечатала для него врата.

Первое, о чем с премудрой скорбью поведали мне в Атлантиде: великая цивилизация сочла для себя лучшим (так именно было сказано) уйти в воды мирового океана, в чудесные морские просторы «перевернутого неба». Непонятая миром, Атлантида ушла на дно морское — не по грехам, не по чьей-то вине и даже не по воле Вышнего, а на вершине своего умонепостижимого страстного, как цивилизация, на десятки тысяч лет опередившая ход общечеловеческой истории.

Римо-юридическая доктрина «спасения» и «искупления» имела следствием запечатанность неба и Царствия. Спросите у конторы: где святые? Где сейчас падре Пио и Златоуст? И вам ответят: как где? Падре Пио на иконках, поминается на мессах, Златоуст в тринадцати томах полного собрания сочинений... «Не морочьте голову. Где сегодня эти святые?» Разведут руками: «Не знаем». Понятия сегодня-Христос, сегодня-святые для них не существует. Есть для них только то чего нет, что списано в анализы прошлого.

Святые между тем — не столько прощенные (хотя и так), сколько обоженные, теотические существа. У них свои престолы и миссии во Втором Пришествии Христа. Их явления в час откровения Истинствующей Церкви будут неописуемыми, солнечными, вездесущими, сопровождающимися неслыханными чудесами. Есть свой солнечный престол

и у Серафима Саровского преподобного, у Серафима Преумиленного, у блаженной Евфросинии Почаевской, у Франциска Ассизского и Екатерины Доэрти.

Пресвятая Дева, восхищенная на брачный одр с Соловьиной горы, была возведена в лик Первообоженицы. Вслед за Ней Мария Магдалина, Иоанн Богослов, первообожженный из мужей Иосиф Аримафейский, апостол Павел, рыцари Круглого Стола и сонмы сонмов совершенных святых. Пройдя свои лестницы пути и искупления, взойдя по ступеням Премудрости к вершинам Брачного чертога, они стали теотическими существами, полубогами. Восприняты в лик совершенных учеников Христовых, истинных сынов Божиих, ангелов, архистратигов, серафитов солнцеликих, огненнокрылых херувимов.

Культуру Греции не понять без категории обоженных. Всевышний (Зевс-Юпитер) окружен «олимпийскими богами» — совершенными святыми. Им приданы вышечеловеческие составы. Они таинственные существа, никак иначе не определимые, в условном человеческом измерении нареченные великими богами и богинями, героями, нимфами...

Отмыть золото среди нескончаемых песков древних цивилизаций приходится с помощью ключа «эримизации»: придания образа человеческих доблестных рыцарей и героев божественным существам. Прочитать Грецию сегодня, как и Евангелие, следует очами Премудрости, чтобы не споткнуться и не уйти куда-нибудь в другую степь.

Евреи отвергли Богородицу вслед за Христом. Эллины интересовались Господом в земные дни и, несомненно, спасли бы Его от распятия, если бы Господь соблаговолил встретиться с ними. Из Иерусалима посылали «стукачей» в эфесские общины, чтобы те разведали месторасположение Пречистой и выдали Ее. Обращенные в веру греки восстали на них, а эфесские власти предупредили Иерусалим: если они и дальше будут истребовывать их «премудрую Богиню», взошедшую на вершину горы как на эфесский Олимп, они пойдут войной на Иерусалим и обратят его в руины.

Христос ближе к Греции, ближе к Афинам, чем к Иерусалиму! Надо только понять Афины и Иерусалим не в категориях Льва Шестова, христианства и его несчастного детища — еврокультуры. В Атлантиде Христа и Богородицы несравнимо, в миллион крат больше, чем в христианстве.

Как счастлив я впустить Христа в Атлантиду, морскую державу, и упокоить Его среди ведущих хороводы девственных океанид и беззаботно резвящихся в цветущей Никейской долине прекрасных молитвенных дев, нимф красоты и совершенства!

Деметра — среди самых совершенных. Она и в переводе — Divus Mater: мать Бога. Мария Деметра — Мать человеческая. От Богородицы в ней много больше, чем в запечатленной сегодня на дешевых католических иконках и православных спичечных коробках. Деметра — дочь Всевышнего, любимейшая в свите Юпитера. Равнобоженная, обожаемая римлянами Церера — мать богооткровенных «семян» с неба, небесных подсолнухов, фиалок, маргариток, преблагоуханных белых лилий, нардовых составов. Таинственная дева, Богородица римская. Древние отождествляли ее с таинством зачатия, плодоношения, плодородия, питались ее плодотворною силой. От ее взора расцветали цветы на лугах, травы на пашнях. А животные мирно покоились в тенистых лесах, благоуханных ароматами горного Олимпа.

В греческой «Теогонии» говорится: отцом юной прекрасной Персефоны, любимейшей дочери Деметры, стал сын Хроноса Зевс. Сказано: «стал». Не «зачала от» (даже непорочно, от Духа Святого), а наречен был отцом.

Греки обожают свою мать девственного плодородия, изобилия и жизни Деметру. Деметра не отводит взора от Всевышнего. И следствие ее предстояния во «вращающемся внутреннем солнечном диске» — непорочное зачатие от луча славы.

Если зачатие Деметрой (сестрой Юпитера) Персефоны от брата — инцест, тогда и Брачный одр Иисуса и Марии на Соловьиной горе инцест. И любовь Отца к Сыну в Пресвятой Троице — и впрямь инцест, как полагает кардинал Эрсилио Тонини.

Инцестуозные фантомы — плод фантазии доминиканских инквизиторов, авторов отточенных катехизисов, папских энциклик и смертных приговоров для святых. В действительности же на солнечных Олимпах царит первородная непорочность. И только ее очами можно понять тайну зачатия Деметрой Прозерпины.

Атлантиде известно 12 способов непорочного зачатия. Религия греков и римлян гораздо более монотеистична, чем «крепкий» монотеизм московских инквизиторов, обожествляющий палачей, садистов и изуверов типа Иосифа Волоколамского. О христианских святых в Четьих-Минях обычно говорится: «благочестиво воспитанные» (родовые, наследственные) или «мученики» (свидетели веры). А о римских обоженных?

О, я хочу еще глубже постичь Христа — для чего отправляюсь странствовать в древнюю Атлантиду, в Древний Рим, в Афины, Гелиополь и Мемфис... В земные дни Премудрость занесла скорбящую Пречистую куда-то на Афон, потом в греческий Эфес. Где сегодня странничал бы Ты, сладчайший Христе, убегая от кощеева всевидящего ока римского престола? Уж не в Оздере ли под Измиром? Уж не на древнем ли Крите укрылся бы Ты как странник под юродивой палаткой где-нибудь в 5 км от туристического пятизвездочного отеля?

Персефона — олицетворенное совершенство Всевышнего

...Божественная Персефона со своими подругами-океанидами беззаботно резвится на цветущей Никейской долине. Подобно легкокрылой бабочке перебегает она от цветка к цветку. Подобно чудесной пчелке вкушает пыльцу растений и, восхищаясь их ароматами, возносит хвалу Всевышнему. Вместе с юными непорочными девами переносится в морскую стихию и ликует в окружении свиты дочерей мирового Океана, купаясь в белой пене и вода ослепительные хороводы на морской поверхности. Персефона перебегает от розы к розе. Ее неопикуемый восторг вызывают душистые фиалки, белые лилии-касабланки, красные гиацинты и еще какие-то неведомые, с неба упавшие полевые цветы.

Божественная дочь Деметры и Всевышнего восхищается запахами не эмоционально. В каждом из цветков ей видится дар вышней мудрости, отражение вечнодевственной красоты, миниатюрная вселенная Всевышнего. Восторг Персефоны неопикуем. Сколь же прекрасны хороводы дев! Какие высокие миры предназначил Всевышний для слуг Своих — водимых, видящих, непобедимых, непятнаемых!

Современный мир вообще утратил высоту девственных игр. Способен ли нынешний человек понять высоту приведенного расцвеченного по Гомеру описания? Но серафиты их поймут. Так живут девственники. Они восхищаются красотой Всевышнего и повсюду видят престолы Его Славы. Девство открывает им таинственные врата полевых цветов и речных лилий. И они буквально без ума от совершенной музыки Царствия, безмолвно звучащей в морских солнечных закатах, во взмахе крыльев бабочки, в стрекоте кузнечиков.

Непорочные не просто слиты с природой. Они умеют читать в ней начертания божественные.

Как прекрасна Персефона! Как чист ее ум! Какая великолепная богиня, созданная царствовать на Олимпе с Артемидой, Афиной, Апполоном и Дионисом!

Деметра не нарадуется своей дочери. Персефона — само олицетворенное совершенство Всевышнего. Какой крест несет подобной высочайшей метки душа, кружа с океанидами над морскими просторами или вместе с харитами среди полевых цветов!

Какой же удел Таинственный Всевышний определил для столь высокого теотического существа?

Дальше христианам можно не читать. Слишком чувствительным натурам — тоже. По превосходящей любви — превосходящая премудрость и превосходящее страстное. Этот уникальный закон Универсума Софии в сказании о Деметре и Персефоне запечатлен идеально.

Премудрость определила этой величайшей душе стать царицей мрачного Тартара.

Тысячелетиями будет восседать на золотом троне среди чудовищных сторожевых псов и злобных эриний вместе с Плутоном, братом Юпитера (Аидом).

О возможно ли подобное? Богородица, спускающаяся в ад? Христос, беседующий с атлантами во время Своего схождения в преисподнюю?

«О почему? — рвет на себе волосы Деметра. — Какая вопиющая несправедливость!»

А Премудрость не предъявляет великой богине, матери Персефоны никаких аргументов. Одинок брату Зевса Аиду в этом царстве кошмарных снов и кривых зеркал среди летающих теней и бесконечных стонов огненных языков. Неистовая, чисто греческая доброта Всевышнего такова, что Свою непорочную вестницу, непорочно зачатую дочь от первообожженной Деметры Он посылает в царство мрачных теней осветить его. Одинок и скучно Плутону. Но еще безысходнее — нескончаемым жертвам Аида. Как же осветится их царство благороднейшей Персефой!

Какие неслыханные перспективы! У христиан никакой связи между небом и адом. У греков — олимпийская наследница Персефона, вечнодевственная красота, не успев и побывать в мире, не став женою какого-нибудь греческого царя или посвященной девой-жрицей в храме, отправляется в царство теней, похищенная Аидом.

Какое неопишуемое страстное, достойное ее одной! После Христа «Неизвестного» (Мережковский), после Христа Истинного, как Его открывают на Соловках, понять это проще, чем во времена греков и римлян...

Персефона больше не увидит светлейшего солнца Олимпа. Многие годы не сможет она вкушать сладчайший аромат цветов. Но она сможет много больше.

Неопишуемый (да-да!) мир водворится в преисподней. Сколько истошных воплей затихнет. Свет Всевышнего проникнет в подземные миры.

Каково серафической деве Персефоне пребывать в мрачном Аиде среди зловонных миазмов, грязных страстей, отвратительных криков и орудий пыток? Об этом знает только госпожа Премудрость, дающая великим душам посильное страстное...

Аид знает: убедить Персефону будет невозможно. И он решается ее похитить.

Ему удастся уговорить покровительницу земли, священную Гею, вырастить в Никейской долине неопишуемой красоты чудесный цветок. Чем-то он подобен маку, но россыпь черных тычинок вкраплена в его облик.

«Что это за цветок? — спрашивает Персефона. — Я никогда не видела ничего подобного. Нет, он не земного и даже не небесного происхождения. Какой таинственный аромат!» Наивная Персефона не подозревает: этот цветок происхождением из Гадеса, подземного сада.

О неопишуемое богословие цветов, неизвестное даже девам, резвящимся под просторами южного солнца! Цветок Гадеса, заключающий в себе богословие подземных сфер (искупительную истому миллионов и стоны: «Откройте! Простите! Помогите же!») еще прекрасней, прекрасней райских цветов.

Персефона не может оторвать от него глаз. Она никогда не сталкивалась с подобной богословской светописью. А какой аромат! Боже, какой аромат! Цветок отдает чем-то ладанным и одновременно сладчайшим. Это сила искупления, превосходящая возможности земли. Это благодатная сумма скорбящих миллионов. Это их искупительная пыльца.

Персефона вкушает запах и не может остановиться. Она закрывает глаза и слышит стоны, и благоухание нарда над умирающими, и хор небесных птиц над усопшими, переносимыми в царство вечных снов на ладье Харона.

Персефона потрясена дивным цветком. Она отдает ему предпочтение перед духовными мирами, запечатленными в богословско-цветовой гамме прочих цветов. Она хотела бы изучить его и иметь при себе.

Привычным движением она и срывает стебелек. Тотчас же под нею разверзается земля. Владыка преисподней на золотой колеснице, запряженной черными конями, уносит ее с собой.

Парки и Мойры (покровительницы судеб) спокойны. Персефона сделала свой выбор. Из всех небесных и земных цветов она избрала этот — таинственный цветок Гадеса. Значит, ей предстоит тысячелетиями вкушать ароматы подземного страстного душ, еще преданных страстям, но уже преображающихся и очищающихся в них.

Внешне — похищение, захват, насилие. В духовном мире — условия царской свободы.

«Ма!... Дем!...» Крик ужаса прорезал воздухи вселенной.

Никто не видел, что произошло.

Солнечный бог Гелиос, летающий по небу на колеснице с запряженными крылатыми конями, был единственным кто услышал с высот светлого Олимпа голос Персефоны. Но земля оцепенела. Могла ли мать, которая одно с дочерью, не услышать ее крик?

Словно молния пронзила сердце Деметры. Что с Персефой? Кто посмел покуситься на ее любимую дочь? Персефона под покровом Всевышнего! Ни о каких разбойниках и злых духах не может быть речи.

Но обнажился в душе этот адский крик, адский душераздирающий вопль. В мгновение ока оказалась Деметра в Никейской долине. «Где моя дочь? Где Персефона?» — надрываясь от плача, спрашивает она у океанид, ее подруг. Но те разводят руками.

О любовь, какой нет на земле! Нет ее и на небесах. А в священных и светлых мирах Олимпа она есть.

Деметра обезумела. Величайшая скорбь овладела ее сердцем. Почему молчат небеса? Где Персефона?

Молчит Всевышний. Олимп замер.

Деметра облачается в траурные одежды. Девять дней как тень ходит по земле, проливая горькие слезы, ничего не понимая. Она стучится в дома, просит о помощи, кричит: «Помогите! Идите на поиски вместе со мной! Куда пропала божественная Персефона?» Но люди как ошалелые тени бегут от нее прочь, не понимая, кто пред ними.

На десятый день Деметра приходит к солнечному Гелиосу и молит его со слезами:

— О лучезарный Гелиос! На своей золотой колеснице ты объезжаешь небо, землю и все моря. Ты видишь все, что происходит. Ничто не может скрыться от твоего взора. Снизойди же к горю несчастной матери и скажи: где моя дочь Персефона? Где мне искать ее? Какое злодеяние произошло? За какие грехи наказаны я и моя дочь? Или Владыка наш сошел с ума и казнит самого себя, предав Свою непорочную дочь каким-нибудь преступникам? Что произошло? О, не скрой от меня правды! От горя я лишилась ума. Я ничего не хочу знать. Я ничего не хочу слышать. Я не хочу возвращаться на Олимп... Скажи мне, где моя дочь? Где моя дочь?

Деметра как бесплотная тень касается руки Гелиоса.

— Великая и пребожественная сестра Всемогущего! Мое сердце разрывается при виде твоего горя. Знай же, что по воле Всевышнего твоей дочери Персефоне определен удел царицы умерших. Ничего нельзя изменить. Подобаает смириться.

Ни слова не молвила Деметра в ответ Гелиосу. Кровь в ее жилах застыла. Почему Всевышний не посоветовался с ней? Почему Премудрость не взяла у нее согласия? Почему ей не был объяснен план Вышнего? Или ее жалели? Разве есть нечто, чего она не может вместить? Тогда зачем небеса воздают ей божественные почести и славят ее миры видимые и невидимые?

Нет, все боги Олимпа и сама Премудрость Всевышнего не стоят того, чтобы пожертвовать ими ради Персефоны!

Такова эта безумная превосходящая любовь. Для нее не существует логики, границ, авторитетов — в том числе божественных. Она превосходит самые высокие превосходства и царствует над всем, даже над небесными законами.

Деметра решает покинуть Олимп. Она забывает про свою миссию ниспосылательницы божественных семян, и облачаясь в траурные одежды, как тень ходит среди смертных, круглосуточно рыдая. Ее горю нет конца.

Безумная страстная мать Деметра! Персефона довольна своим уделом. Подобно Серафиму Умиленному, будет она вставлять горящие свечи в сердца. Она утешает своего мужа Аида. Аиду бесконечно одиноко, и его девственная жена готова разделить удел со своим мужем.

Даже в аду существуют непорочные браки. Преисподняя для греков — как бы перевернутое Царство.

Прекрасные. Аид и Персефона восседают на золотом престоле среди нескончаемых мрачных пустынь, химер с обглоданными костями, душераздирающих криков диких животных. «Неужели нет закона и суда над нами? — стенают нагие тени. — Неужели мы, преступники закона, вовеки обречены влачить жалкое существование в царстве теней безысходно и безвозвратно?»

Кто утешит их, если не дочь твоя — Персефона? О, как она скорбит о своей небесной мамочке. Часу не проводит она без слезной молитвы о ней. Но сердце ее разрывается при виде скорбей узников подземных сфер. И она творит свой праведный суд.

Утешься, Деметра. Миллионы душ обрели покой.

Не чудо ли: среди первородного греха в преисподней водворилась первородная непорочность? Закрыт ли ад с водворением в нем Персефоны?

Но Деметра безутешна. Не может быть, не может быть! Никто и ничто не может разлучить уз безумной превосходящей любви. Если Деметру не понимает даже божественный Зевс, она не хочет знать его.

Деметра буквально тает на глазах. Она находит утешение среди смертных — ведь ее дочь теперь царит среди бедных земнородных. Хотя бы этим Деметра хочет быть ближе к Персефоне.

Холодные ветры пришли на землю. Листья завяли и опали. Леса стоят как скелеты. Трава поблекла и цветы засохли. Не дают плодов виноградники. Опустели плодородные нивы. Повсюду голод, плач и стоны.

— Безумная Деметра, вернись на Олимп! Наберись мужества продолжать свою миссию!

— Нет. Оставьте меня. Не могу.

В Элевсине Деметра остановилась у городской семьи и присела на камень скорби близ «Колодца Дев». Мать отдала бы бессмертие (она уже пожертвовала Олимпом и своей миссией), чтобы только опять увидеть Персефону.

— О скорбящая Деметра! Твоя дочь взята в преисподнюю не как грешница — как величайшая из помазанниц. Музыкой превосходящей любви она будет упокоять злобных и мстительных чудовищ. Смирись же.

Нет. Мать не может простить богам этот страшный предсмертный душераздирающий крик. Почему так поступили с ее дочерью? Ее предал Бог — она предаст Бога. Ее оставили одну — она оставит в одиночестве олимпийских богов и все творение.

Она согласна на любую работу. Она пристроится стирать белье, качать детей, топтать точило. Только бы куда-то скрыться с глаз долой — чьих угодно. Только бы развеять свою смертную тоску по безумно любимой дочери.

Священноминэо — Превосходящая Любовь божественная, теогамическая — не укладывается в рамки «эрос», «агапэ», «сторге» (родственническая), «филия» (братская) и пр. Но проявляется во всех формах, в том числе и любви Отца к Сыну в Троице или матери к дочери (Деметра, Персефона).

В Элевсине ее увидели дочери местного царя. Девочек поразила благообразная женщина, точно каменная статуя стоящая у Колодца Дев, с глубочайшей скорбью на лице глядя куда-то вдаль.

«Кто вы? — участливо спросили они. — Не можем ли мы вам чем-то помочь? Кто

причинил вам горе?»

Деметра сказала им: «Меня зовут Део. Родом я с Крита. Морские пираты напали на наш корабль, и я с трудом выбралась из их плена. Отведите меня в дом вашего отца. Я готова быть последней служанкой, подметать полы, воспитывать детей».

...Она совершала один за другим безумные поступки и все больше уходила в глухую смертную тоску. Чтобы окончательно не сойти с ума от горя, просила как можно больше работы — уничиженной, последней. Но от нее исходил божественный свет. В ней признавали богиню.

В доме элевсинского царя Келея и жены его Метаниры Деметра хочет даровать бессмертие их маленькому сыну Демофонт. По ночам она, обернув Демофонта в пеленки, бросала его в пылающую печь, питала своим молоком, дышала бессмертным дыханием богини, натирала амброзией (пищей богов, дающей бессмертие) и, пылая огнем вышней любви, закаляла в печи.

Метанира однажды увидела сына лежащим в огне и смертельно испугавшись упростила Деметру не делать ничего подобного.

Боги хотели бы обжечь в печи бессмертия человечество. Но препятствием тому метаниры, келеи и прочие земные родители. Метанира, увидев своего младенца в огненной печи, пришла в неопиcуемый ужас. Руки ее дрогнули, и со сведенными челюстями она прошептала: «Только не это, госпожа моя!»

— Несчастная, — ответила Деметра. — Божественные существа не нарушают законы Универсума. Если мать против, не может быть насилия над сыном. Разве не желает мать благоденствия своему сыну? Я хотела дать рожденному тобой смертному превосходящие дары. Я хотела вернуть его в бессмертие. Я питала его от своих девственных сосцов. Я сделала бы его прекрасным рыцарем пренепорочности. Я обожгла бы его в печи страстного. Возжгла бы в его сердце любовь к Всевышнему и помазала мировым народом и амброзией его духовные составы.

Я, богиня Деметра, оставила Олимп, плодородные нивы, леса и виноградники и посвятила себя без остатка воспитанию твоего сына, чтобы сделать его равным Аполлону и Гермесу. И ты, несчастная, оказалась первым врагом благополучия Демофонта. Неразумная мать! Я хотела сделать твоего сына бессмертным, неуязвимым для греха и стрел лукавого. Я провела бы его ступенями метаноической лестницы и в глубинах Элевсинский пещер возвела на высочайшую ступень обожения, сделав бессмертным. Знай же: я Деметра, божественная Мать, дающая силы и радость смертным и помазанникам.

Деметра преобразилась перед Келеем и Метанирой. Пребожественный свет разлился по покоям элевсинского царя. Деметра сияла, величественнейшая и прекраснейшая. Золотистые волосы ниспадали на ее плечи, и глаза горели божественной премудростью. От одежд Ее изливалось благоухание.

— Я Деметра, дающая силы и радость детям моим!

Деметра повелела установить в Элевсине храм и учредить празднество в ее честь.

Небеса простираются перед нею: опасность грозит всей земле. Быки тщетно таскают за собой плуг на пашне. Гибнут целые народы. В храмах перестали куриться жертвенники бессмертным богам.

Снова и снова Зевс отправляет посланника-Гермеса к Деметре с просьбой вернуться на Олимп. Но Деметра отгоняет его прочь, как привидение. Крик Персефоны стоит у меня в ушах, и я ничего не могу поделать с собой. Даже если все творение погибнет, я не изменю своего решения. Пусть винит себя тот, кто принял решение разлучить меня с моей прекрасной дочерью и послать ее в мрачное царство мертвых».

Бог богов освобождает Персефону из преисподней, несмотря на великую скорбь владыки Аида. Персефона дает слово своему мужу хранить завет брачных уз, для чего соглашается проглотить гранатовое семечко. Две трети времени она теперь будет проводить

у своей матери на земле и одну треть — в мрачном Аиде.

Какова же радость Деметры, когда она видит свою дочь, возвратившуюся на золотой колеснице в сопровождении прекрасноликого Гермеса! Деметра забывает о своей горе и возвращается на Олимп. Мир оживает и правда восстанавливается. Вновь зеленеют луга, пестреют цветы. Возвращается жизнь на земле.

Но какая превосходящая любовь, превосходящее страстное! Каждый год Деметра опять облачается в траурные когда Персефона, верная своему обету, возвращается в подземное царство.

Сколь велики мудрость и сострадание олимпийских совершенных! Не в силах видеть ее превосхищенного страстного, Зевс дает согласие в «нарушение» законов (никто не возвращается из подземных сфер) отпустить Персефону, если муж ее даст на то согласие. Гермес, посланец богов, просит Аида смириться. Аид побеждает свою личную любовь к Персефоне, свою смертную тоску. Владыка преисподней готов нести свой крест облегчения загробных мук несчастных, обреченных вечной печалью...

Ничего нельзя понять! Зевс (таинственное Божество) нарушает законы мироздания и дает согласие выволить Персефону из преисподней, вернув ее в объятия божественной матери. Плутон, опять же в нарушение законов, дает согласие отпустить жену с единственным условием, что она проглотит зерно граната в знак супружеской верности. Деметра отказывается от своей божественной миссии Млекопитательницы сущего, становится страстной юродивой смертной... В траурных одеждах проливает слезы у Колодца Дев в Элевсине, забыв обо всем, кто она, к чему призвана... Небо прощает ей все, даже восстание на волю Вышнего.

Любовь выше богов. Любовь выше закона. Таков единственный евангельский мотив религии Атлантиды.

Куда никто из смертных не входит, вхожи Гермес и Ирида — вестники Всевышнего. А за ними — Орфей и Богородица, Дионис и Христос. Деметра не соглашается вернуться на Олимп, обрекая на гибель, по сути, все творение. Откуда никто не возвращается на лодке сурового Харона, знающей лишь одностороннее движение ледящих вод Стикса, на золотой колеснице вылетает Персефона.

Персефона — сладчайшая дочь Всевышнего, чье сердце разрывается от смертной тоски. Чем, если не соображениями вышней любви, руководствуется эта прекраснейшая и смиреннейшая дева, готовая нести свое ярмо «адаптационного» страстного? Представьте, каково ей — чистейшей божественной деве, олицетворенной дочери света — влачить дни свои с жалким судьей подземного мира, разбираясь в клоачных страстях несчастных и благодатью вечного девства облегчая их страдания! Каково ей менять вечный мрак на пренебесный свет и ежегодно возвращаться из объятий мрачного мужа своего Плутона в объятия сладчайшей своей матери, пребожественной Деметры.

Нет, Персефона не «повинуется закону», когда, отбыв положенный срок с Деметрой на Олимпе и предаваясь божественным играм и страстям, она слышит внутренний зов. Персефона влюблена в Аида. Она руководствуется одной любовью.

Какое сверхчеловеческое страстное! Какая сверхчеловеческая мудрость! Какие превосходящие степени любви и сострадания! Как могут подобной высоты личности, исповедующие превосходящее превосходящих Таинственное Божество своим началом и Отцом небесным и земным, быть «кумирами», «бесами»? Навешанные христианами фантомы, осквернение памяти величайшей из цивилизаций.

На нее нет никакого закона. Важно только одно: войти в измерение в этой солнечной превосходящей любви. Обрести этот внутренний маленький солнечный диск — величайшее сокровище смертного.

Вчитайтесь в сердце Прозерпины. Возжженная свеча любви влечет ее не только к мужу — могущественному царю преисподней, равному по величию Зевсу. Персефона любовью, какой ее любит мать, влюблена в несчастных узников. «О сладчайшая мать и богиня, —

воскликает она Деметре. — Прекрасно хороводить среди нимф и муз, предаваться чтению божественных книг, созерцать благоуханные цветы, падающие с неба, и блики Грааля на лазурной поверхности непорочного моря. Но разве не ты провела меня через вершины посвящения в страстное? Насколько же выше светлых ангельских игр — сойти в царство вечного мрака, помазать несчастных прокаженных, безысходных, вопящих. О, как они нуждаются в любви! Отпусти меня. Не терзай больше мое сердце, пребожественная мать моя Деметра. Я всего лишь твоя дочь. На моем месте ты поступила бы так же».

Каково же ей, прилепленной девственными частицами к Всевышнему, олицетворению олимпийского света, находиться среди змей и вурдалаков, видеть растерзанные чудищами окровавленные и изъеденные тела несчастных! Боже, какой крест и какое неисповедимое величие!

И опять — единственный мотив: не сводимая ни к каким нормам и аргументам превосходящая, разгорающаяся еще и еще, не имеющая границ любовь.

Силой этой любви Персефона, истинная дочь божественной Деметры, помазует смертных амброзией и нардом. Отлепляет их от «змеева отродья», от проклятых химер земного прошлого и учит о величии Вышнего.

«О царица наша Персефона, величайшее из утешений, знак несказанной милости Всевышнего! — вопят миллионы несчастных в преисподней. — Теперь мы постигли: законы совершенны. Премудрость богов нескончаема. Согласно законам мы обречены на вечное страдание. Выхода из преисподней нет. Но разве не в нарушение законов Премудрый повелел тебе треть времени проводить среди нас, не судя и не обрекая, а помазая нас и наставляя, прощая, покрывая? Разве не в нарушение законов ты принесла небесные блаженства в преисподнюю и возвращаешься оттуда, откуда нет возврата, в объятия своей небесной матери? Мы, несчастные смертные, хотели бы из преисподней вернуться на землю и услаждаться земными благами. Ты же, пребожественная Персефона, из преисподней возвращаешься к вершинам горного Олимпа! И Премудрость попускает тебе не ослепнуть и не превратиться в прах! Как можешь ты совершать подобные головокружительные путешествия, без того чтобы сойти с ума?»

Согласно божественным законам мы обречены на вечные мучения. Но есть нечто выше закона — высшая любовь. Скажи нам: есть ли и у нас надежда покинуть эту мрачную юдоль, это царство вечных стонов и страданий и вернуться в объятия наших ближних, и вести жизнь прекрасную и вечную подобно той какую ведешь ты?»

«Да. В свой час», — отвечает им сладчайшая Прозерпина и впадает в еще более экстатическое страстное, прославляемая уже не только заключенными подземных сфер, но и олимпийскими богами за свое великое сердце и несказанную премудрость.

«Страсти по Деметре», «Страсти по Персефоне», «Страсти по Аиду»... Степень превосходящей любви, превосходящего страстного, премудрости и сострадания здесь такова, что выливается в сплошную «Девятую» Бетховена и «Magnificat» Баха.

Божественная любовь Священнотеогамия побеждает здесь не только врагов (смерть, ад, страх, болезнь, плоть, дьявол, родовая программа, корысть, крадущиеся во след призраки и атакующие помыслы). Любовь эта побеждает волю олимпийских богов и заставляет Саму Премудрость и Таинственное Божество изменить свое решение.

«Достойная дочь Деметры Персефона!» — восклицают участники элевсинских мистерий, спускаясь в подземные пещеры, где проходят путь победы над «внутренним тартаром», приобщаясь к высоким тайнам Вышнего.

Каждый год Персефона покидает Деметру и с Олимпа возвращается к Аиду. Христиане сказали бы: несет свой крест. Деметра опять надевает траурные одежды и спешит в Элевсин к своим детям — посвящать их помазанием безумной смертной тоски. Неразлучная со своей дочерью, в духе пребывает она вместе с нею даже в «геевне огненной»...

Никаких «крестов», кеносисов, смирения и прочих инквизиторских аксессуаров.

Единственный достойный этих божественных существ мотив — превосходящая любовь, превосходящее страстное.

Чтобы постичь эти состояния, необходимо в них войти и принести обеты. Посвященные знают об этом, готовясь к элевсинским мистериям до часа наступления их. Тайна помазания — единственно в этом: через обет отречения от низших страстей, от плотских похотей и мизерабельных привязанностей, через рассеяние внутренних химер войти в высокие сферы пребожественной любви и стать подобно Деметре и Персефоне, Ириде и Гермесу вестниками высшей любви.

Как помогает Мария-Деметра понять Пресвятую Богородицу! Прекрасно паломничать по местам Ее явлений в Харольдсбахе, Грушево, в Африке и Аргентине. Но насколько выше этих паломничеств иные — мистические и метаисторические!

Сколь усадительно паломничество в морскую державу Атлантиды, где можно увидеть сияние Божества Пречистой Девы в неизреченных ликах! Достаточно взглянуть только на античные изображения Деметры. От мудрой девы веет юной чистотой, жертвенной готовностью служить и той незакатной красотой Вечнующего Девства, какой любуются олимпийские боги и их блеклые отражения — смертные на земле. Теми вечнодевственными семенами, коими Деметра, богиня плодородия, щедро рассыпает дары людям и вознаграждает труды земледельцев, богатыми урожаями наполняя их амбары. Той красотой девства, какой цветут и благоухают яблоневые сады и при полуденных лучах солнца зеленеют виноградники, пробуждается природа и все живое. Они славят сладчайшее божество Вечного Девства, дарующего жизнь смертным и уже бессмертным, вечным.

Морская держава, ад — только немногие проявления, жалкие крохи триотической короны превосходств: Любви, Страстного и Премудрости. «Столп» династии богов, Колодец Дев, солнечный Олимп, царство Плутона, Прозерпина во главе элевсинской мистерии, украшающая статую Деметры с колосющимися зернами в руках, — гимн Вечнующему Девству, вечной жизни, вечной правде.

Боже, кто достоин в томительной ночи, чей стон может быть услышан только чутким слухом? Прозерпина, царица преисподней, спешит. Ад для нее не только подземная сфера. Божественная Персефона, дочь премудрой Деметры, не ограничена царством Аида. И золотой трон, на котором она восседает с мужем своим, и золотая колесница с впряженными в нее черными конями — только внешние атрибуты, символы таинственных начертаний. Прозерпина в действительности никуда не удаляется, равно как и Деметра. Она пребывает в сфере, которая «есть и есть и есть», равно как Всевышний «Есмь-и-есмы-и-есмы».

Ад и рай, и просветленный Олимп, и способность видеть насквозь, проходя взором сквозь пещеры, огненные печи, огненные свадьбы, таинственные закалки и помазания, происходят в земных (или околоземных) сферах. Царство мрачного Тартара — среди обычных смертных и их яичных скорлуп, среди их нескончаемых стонов. И сколь же высока теогамия греков и римлян, если беспредельная милость Таинственного Божества может затем только послать душу на дно Тартара, чтобы помазать ее к вышней любви, открыть ей золотые ворота и вернуть на вожделенный Олимп — сокровище Всевышнего, царство вечного света, созерцания и радости!

Братья Диоскуры Кастор и Полидевк, или Братская любовь между мужами славы

10.08.2005 Измир

Твой отец — Всевышний, — говорил Кастор Полидевку. — А я обычный Тиндарид, смертный. Ты из рода обоженных. Я всего лишь твой молочный брат. Я не смею смотреть в твои глаза, сын Вышнего.

— Господь дал нам общую мать, возлюбленный Кастор, чтобы призвать тебя к обожению. И сочетал нас вечными братскими узами.

Кастор, получается, “загнал” Полидевк в ад, а Полидевк вознес Кастора на Олимп... Но в том-то и дело, что Гадес (Аид) греков — не ад в привычном понимании. Ад действительно существует. Но создан он Всевышним не для грешников. Ад — место гонителей вестников Божиих в их земные дни. Ад для сынов дьявола. «Идите в огонь геенский, проклятые, сыны дьявола, в огонь уготованный для него и сынов его». Для сынов Божиих и сынов Адама согласно видению Самого Спасителя преисподняя не предназначена.

Гадес или Аид у греков хотя и был страной мрачной печали и безысходной скорби, но из него открывалась солнечная перспектива.

60 лет уже поет одну эту песню: «Поспеш». Что успеть? Убогий век. Репортажи закончились. Книги написаны. Что еще?

...В этот убогий век рождается Роза серафитов.

В Измире оказаться — что в совке 70-х годов. Обывательский родовой куроок. Пузатенько-похотливые купальщики, отдыхальщики. Культразвлечения, диско. Нескончаемые тела, умножающиеся как паюсная икра морская. Беспросветная басурманщина. Суховеи в пустыне.

Успеть бы, успеть бы...

О, братская любовь какой нет на земле и в помине! Намек у нее у евреев (отношения сына царя Саула Ионафана и Давида). В Новом Завете о ней ни слова. Нет ее ни в Священном Писании, ни в предании. Разве что верный никомидийский лев, до последнего дыхания благодарный своему монаху, вынувшему из его лапы от занозу.

Это не презренная монахами «филия» (братская любовь типа «товарищества», содружества солдат) и не агапэ (небесная, заоблачная). Именно братская любовь — между мужами славы. Немыслимая и невозможная, непредставимая вообще в настоящем порядке. Но ей одной только и стоит предаться. Она единственная в еще неисчерпанном божественном потенциале.

Священные римляне воздвигали храмы в честь братьев Диоскуров и поклонялись им. Юпитер в награду за эту братскую любовь назвал их Утренней и Вечерней звездой, созвездием Близнецов.

Кастор — сын прекрасной царственной Леды и царя Спарты Тиндарея. Полидевк — сын Всевышнего и прекрасной Леды.

О девственном совершенстве Леды в Спарте ходят легенды. Леда воистину прекрасна — но не внешней красотой, а духовной. Олимпийские божества в восторге от нее. Что делает она в этом мире? Не запятнанная первородным грехом, неуязвимая дьяволом, чистейшая умом, невинная сердцем — как затесалась она среди смертных?

Как она сострадательна и глубока! Какой таинственный и неопиcуемый брак у нее с царем Спарты Тиндареем. Вроде бы двоих детей родила ему (дочь Клитемнестру и сына Кастора), а отношения их неземные. Одно присутствие прекрасной Леды облагораживает без того благородного царя Спарты.

Днями и ночами прекрасная Леда предается молитве, совершает освячительные обряды, омывается в спартанских купелях. Ее характер загадочен даже для греков. Многие именуют ее богиней, своим кумиром и готовы трижды отдать жизнь за великолепную царицу, чье чело озарено сиятельной славой Всевышнего. Поэты слагают гимны в ее честь. А Леда остается «не от мира сего» — ангельски чистым ребенком, порхающей бабочкой.

Она более чем легенда. Она живое устремление человека к высотам Божества. Доказательство победы неотмирских печатей в обывательском аду, именуемом «все для тела».

Плотское в Леде составляет как бы видимость. Плоть ее «подобна тени». Зато

прекрасная душа наполняет и населяет пространство. Окружающие любят не столько внешней красотой, сколько светиликом Божеством, слепившим ее по совершенным канонам...

Такова мать двух героев, сподобившаяся дважды непорочно зачать. Достигнув совершенной теотической ступени в богосупружеских объятиях, прекрасная Леда от Всевышнего рождает двух героя Полидевка (совершенная сумма добродетелей вечного девства) и прекрасную Елену (позднее похищенную Тесеем и возвращенную ее бессмертным братом).

Но прежде этих поистине богородичных зачатий — ее непорочный брак со спартанским царем. Неописуемо, немыслимо! У Богоматери нет земных детей. Такое возможно только в иной, не в иудейской или христианской, а в несравненно более высокой цивилизации — атлантической. Люди в ней стояли на несколько ступеней ближе к Божеству, и богосупружество было не сказать чтобы правилом, но вожденной целью. А непорочное зачатие от Бога свыше — частым явлением, рассматриваемым как схождение с неба богов, слияние их с человеком через изменение его составов, кровей, частиц, напылений, программ.

Атланты были более податливы к лепке Всевышнего, чем позднейшие их аналоги «хомо сапиенсы».

Прекрасная Леда любит своего мужа. Но еще больше влюблена она в Мужа вечной славы Христа. От Него подобно Марии Магдалине зачинает атлантического Иосифа, ослепительного атлантического сэра Галахада — Полидевка.

Греческие сказания феноменально описывают это непорочное зачатие. Способ его неслыхан. Его можно назвать шквалом штурмовых «атак» свыше. Оно точно сорвано из свитков Грааля и списано с неба.

Юпитер приходит к Леде в образе белого лебедя: Лоэнгрин на золотой ладье, спешащий на помощь Эльзе Брабантской.

...Однажды в росистое утро Леда вышла на берег реки Эврот полюбоваться игрой красок природы и восславить Вышнего. Каково же было ее удивление, когда она увидела летящего низко над водой белоснежного лебедя. Лебедь судорожно размахивал крылами и кричал. За ним гнался хищный орел...

Что это? Чистый Грааль. Белый лебедь — символ вечного девства. Хищный орел с острыми когтями, настигающий свою жертву и готовый схватить и растерзать ее — дух мира, преследующий девство. Другая аналогичная пара: святые в церкви — и хищники из института (инквизиторы, попы). Скольких белых лебедей удалось им растерзать!

На берегу реки Эврот мечется белый лебедь. Вот-вот настигнет его орел. Увидев его, Леда как мать простерла руки. Лебедь ударился с лету о нее, и она прикрыла его своим девственным телом.

Так гениально описывает античное иносказание одно из величайших непорочных зачатий, шедевр теогамии, жемчужину богосупружества — богосупружескую пару Юпитера и прекрасной Леды.

Мраморные афинские барельефы пытаются изобразить в прямом смысле соитие лебедя с девственной супругой Ледой... Безумие! Древнегреческое сказание раскрывает одну из 15 священных тайн Грааля — непорочное зачатие, именуемое «белая лебедь».

Штурм неба и ответный шквал атак Всевышнего... Неописуемо в настоящем и более чем реально в грядущем веке.

Что это? Вышняя любовь ударила в сердце Леды. Ее существо прониклось сиянием Божества. Бог ударился о нее, проник в неисповедимую глубину.

Есть в человеке внутреннее лоно, о котором он не подозревает. В лоно зиждительное и зачинающее и проникает божественный свет непорочного зачатия.

Леда влюблена в Таинственное Божество. Она была готова, подобно Божией Матери. Выйдя на берег реки, засвидетельствовала о своей готовности перед лицом Всевышнего.

И Юпитер отвечает ей взаимной влюбленностью. Оставляя свой Олимп, прекрасную Геру и сонм божеств, он становится супругом прекрасной Леды, царицы Спарты. Сын их

Полидевк вместе с Кастором именуется Тиндаридом, поскольку воспитывается как царский отрок.

О если бы знал человек, каким потенциалом обладает! Как сокрушился бы он о своей убогости. С какой легкостью оставил бы внутреннюю свою маленькую родовую преисподнюю! Выбрался бы из презренного цыплячьего яйца на свободу и вместе с евангельским Господом нашим и Его апостолами сказал бы: «Познавший истину единственно свободен».

Братья Диоскуры (сыны Божии, как их называли древние) были влюблены в свою мать. Они созерцали ее как совершенное проявление Всевышнего, животворящий свет, прекрасную икону. Мать для них была совершенным идеалом женщины. Такова жена в истинном смысле — если сам Всевышний избирает ее себе в жены. Не нарекут ли ее сыновья вслед за голгофским Христом: «Жено» или «Мати»?

О других женщинах не может быть речи. Рожденные от прекрасной Леды точно от реки жизни навечно в плену совершенного вечного девства. Для них оно именуется однозначно: их непорочная мать, прекрасная Леда. Притом Кастор рождается обычным образом (от земного мужа), а бессмертный Полидевк — от Всевышнего.

Греко-римские сказания — сплошные теогамические браки. Иначе как богосупружеским страстным не назовешь союз восседающих на золотом троне в мрачной греческой преисподней Плутона и Прозерпины. Царя и царицу Аида, судей последней правды и бескрайнего милосердия, связывают отношения столь потрясающие, что эта пренебесная любовь служит единственными воротами выхода из преисподней. Душам объясняют: согласно законам выйти из ада невозможно. Гадес охраняется псами, змеями, гидрами, медузами-горгонами и прочими ужасающими чудищами. Но есть любовь, на которую закон не действует. Ей подвластны и сфинксы, стоящие у входа в подземный мир, и суровый Харон, перевозчик на утлой ладье в царство мертвых...

Братья влюблены и друг в друга девственной таинственной любовью, возможной только между святыми Диоскурами — «Серафимовыми братьями» атлантической цивилизации. О, им еще предстоит пройти свои Соловки, совершить свои страстные подвиги, быть преданными, оклеветанными, скрываться в гигантском дупле от врагов, умирать в луже собственной крови... Но выше братской любви нет ничего.

Каждая из разновидностей вышней любви превосходит другую. Нет ничего выше супружеской теогамической. А братская — выше. Нет выше братской теогамической (богосупружество любви), а родственническая — выше, если в ее ткань вплетаются Деметра и Персефона. Братья влюблены и друг в друга девственной таинственной любовью, возможной только между святыми Диоскурами — «Серафимовыми братьями» атлантической цивилизации. О, им еще предстоит пройти свои Соловки, совершить свои страстные подвиги, быть преданными, оклеветанными, скрываться в гигантском дупле от врагов, умирать в луже собственной крови... Но выше братской любви нет ничего.

Каждая из разновидностей вышней любви превосходит другую. Нет ничего выше супружеской теогамической. А братская — выше. Нет выше братской теогамической (богосупружество любви), а родственническая — выше, если в ее ткань вплетаются Деметра и Персефона.

Кастор любит Полидевком как иконой. Его брат — сын Вышнего. Неслыханно! Значит и он — через мать, совершенно обоженную Юпитером — частично божество, больше человека смертного. Может ли Кастор отвести глаза от Полидевка, который воплощает в себе земное совершенство Леды и неописуемую красоту олимпийских божеств? Как же иначе почитать Всевышнего ему, смертному человеку по имени Кастор, если не в своем божественном брате-близнеце — подлинном Диоскуре, сыне Таинственного Божества?

О какие неописуемые начертания! Какая игра красок, какие совершенные формы телосложения, какие сладчайшие глаза! Какие прекрасные глаголы небесной любви шепчут

уста! А какое даровитейшее сердце у Полидевка! Кастор сравнивает его со своим женским идеалом (матерью, прекрасной Ледой) и находит гораздо прекраснее. Ведь красота небесная и вечная превосходит земную, сколь бы та ни была совершенна.

Божественный Полидевк любит Кастора как совершенной иконой земного святого. Нет, даже на небесах не существует подобной красоты. Сколь таинственен человек в своем неземном совершенстве! Он превосходит ангелов и соперничает с божествами светлого Олимпа. Многие могут Аполлон, Дионис, Артемида и Афина. Но не могут того, что может Кастор, земной смертный.

Полидевк любит своим другом и не нарадуется небесной радостью жениха. Ему, бессмертному, теперь открыто, почему Юпитер возделел к прекрасной Леде! Как отец его к Леде, Полидевк возделел к Кастору. Как Леда жаждала супружества Всевышнего и его обручального кольца, Кастор тянется к Полидевку.

Ни о малейшей похоти не может быть речи. Их отношения совершенны, аристократичны и божественны. Дети Леды и Зевса — продолжение брачных уз их родителей. Еще более близкие, продолжающиеся до невозможности плотские и сверхплотские, человеческие и сверхчеловеческие, божественные и неопишуемые, запредельные. Кастор переливается небесным источником в Полидевка. А Полидевк возжигает в сердце Кастора негасимую свечу неисповедимой любви ко всему творению и самому Всевышнему.

Совершенная братская любовь — одно из врат вечного девства. Не было и нет такой любви между мужчинами на земле. Одни сплошные «перевертыши» да искажения...

Премудрость, предвидя эти сладчайшие богосупружеские узы, наделяет Полидевка бессмертием, а Кастора оставляет смертным. Через божество Полидевка Кастор поднимется к богам и станет теотическим небесным ангелом. Через смертного друга своего Кастора Полидевк в совершенстве познает человеческую природу. Исполнит свой долг — откроет смертному таинственное Божество как Агнца — и восхитится в светлый Олимп, на еще большие высоты недоступные богам. Так предусмотрела их вечная Мать, Премудрость.

Любимое занятие Кастора — править колесницей. Видит он колесницу Гелиоса на золотых конях или запряженную черными конями колесницу Аида. Кастору дана власть укрощать неукротимых коней. Полидевк отличается неслыханной физической силой, достойной героя. Он первый кулачный борец в Греции. Оба слагают стихи и предаются созерцательной молитве. Изучают науки, искусства и ремесла.

Но наивысшую радость для них составляет их таинственное общение, чудесный диалог. Годы проводят они вместе и не знают большей радости, чем находиться неразлучно. Неопишуемый мир, таинственная благодать и поднебесная гармония сопровождают их братское общение. Особый ангел Всевышнего приставлен к богосупружеской паре. Словно Юпитер с олимпийской свитой и прекрасная дева, их земная мать и ангел, продолжают свой чудесный диалог в своих детях.

Никогда им не наговориться. Темы бесед словно сыпятся с неба, осеняют свыше. Преосененная мысль переходит в чистейшее созерцание.

Как они служат друг другу, проникнуты друг другом! Больше чем живут один в другом. Входят куда-то дальше чем можно войти в ближнего, каким-то запредельными последними вратами. Насквозь проходят друг через друга — более чем братья или побратимы, друзья или спутники, близнецы.

Ими любит вся Греция. Их братство прославит позднее и Рим как совершенство отношений между людьми.

Они полноценны и счастливы. С великой скорбью смотрят они, как люди влюбляются, заводят детей, подвергаются фатальным программам, скорбят, плачут... Не могут подняться ни на вершок выше ступени им определенной. Над ними довлеют Парки и Мойры, девы судеб. Они ничего не могут сделать. Они рабы.

«Я живу твоей любовью». — «И я живу твоей любовью, Полидевк. Нет ничего кроме

любви». — «Да, нет ничего кроме бескорыстной братской истинной любви. Нет ничего выше и прекраснее ее. Воистину так».

Как они пьют из одного источника, обрета его в ближнем своем! Кастор — из источника бессмертия, Полидевк — из таинственных вод, предназначенных для человека смертного, вод вечных...

«Сладчайший мой брат, я люблю тебя вечно и неопишимо. Моя любовь к тебе невыразима. Так только отец мой Тиндарей любит мать нашу, прекрасную Леду — но еще больше. Так только отец мой Юпитер влюблен в нашу мать — и еще в тысячу раз больше».

О, невыразимая любовь нуждается в вечности. Она готова на любые жертвы. Она победит смерть, страх, помыслы и предрассудки. Она готова сражаться до последней капли крови за свою истину. Она нуждается в вечности, какой бы она ни была, хотя бы носиться братьям среди мрачных теней преисподней или пребывать среди совершенных богов Олимпа.

Так и рассудит Всевышний. Этой любви наслаждаться в страстном среди химерических теней царства усопших и сиять пренебесной красотой на Олимпе.

Что предстоит Диоскурам? Подвиги. Участие в походе аргонавтов. Поход в Аттику для освобождения прекрасной Елены... Но и нечто большее — борьба с другим, тeneвым братством.

Еще предстоит отстоять Диоскурам свою совершенную братскую любовь перед своими двоюродными братьями по земной матери — Линкеем и Идасом, сыновьями мессенского царя Афарея.

Оба последних — копии, подражания Диоскурам. Идас столь мужественен и бесстрашен, что отваживается на сражение с самим Аполлоном (и, кстати, выигрывает схватку: Зевс разнимает сражающихся, велит Марпессе самой выбрать себе мужа и та выбирает Идаса, понимая что Аполлон бросит ее к старости). Линкей славится на всю Мессену своим даром прорицания. Боги наградили его каким-то таинственным зрением, которое проникает даже недра земли. Ничто не может скрыться от его взора.

Диоскуры подружились с Афареидами. Но могут ли два обычных брата-героя состязаться с пребожественной парой Диоскуров?

Однажды при дележе военной добычи Идас и Линкей нарушили закон братства — обманули Диоскуров и присвоили себе их долю. Какой удар они нанесли Кастору и Полидевку! какой гнев божеств навлекли на себя! Что может быть ужасней, чем нарушить обет братской верности и бескорыстного служения друг другу, принесенный всеми четырьмя?

Диоскурам открыто: братство предается земной страстью. Обет вечного братства может существовать только среди целомудренных и должен стать всецелым. Совершенное братство едва ли возможно среди имеющих земных невест.

Замыслив свою кражу, Идас и Линкей советовались со своими невестами. Они хотели бы приобрести стада и боольшую часть добычи для своих будущих жен. Глубочайшую скорбь вызывает Диоскуров своекорыстие.

Не отомстить означало бы осквернить самое высшее, что есть между ними — обет братской любви. Кастор и Полидевк решают вернуться в Мессену и похитить стадо, уведенное Афареидами из Аркадии. И более того — похищают невест своих двоюродных братьев.

Они хотели бы освободить братьев от уз земного брака. Сделать их выше, себе подобными. Но жажда совершенства и небесного полета присущи единственно Диоскурам. На земле ей больше нет аналогов. Кто эти жалкие сыновья мессенского царька?

Начинается полоса тяжелых скорбей и гонений. Кто кому нанес боольший удар: Идас и Линкей, предавшие Диоскуров с невестами, или Кастор и Полидевк, решившие похищением невест Афареидов не столько отомстить, сколько показать какой удар им нанесен?

Сказание гласит: два героя решают укрыться в дупле большого дерева и переждать, пока их будут преследовать Идас и Линкей. Диоскуры рассчитывают врасплох напасть на них врасплох, взять обоих в плен и благородно освободить, испросив взамен лишь обета вечного девства.

Зачем бесстрашным и доблестным рыцарям убогое дупло большого дерева? Ужели Диоскуры испугались смертельной опасности? Разве возможно подобное для героев?

Неизбежна эта пора «большого дупла» (или длительного затвора) в жизни совершенных богоподобных братьев. Они, собственно, и не выходят из затвора своего общения. Их диалог абсолютно уникален, единственен и невозможен среди смертных (да и бессмертных тоже). Понять их никто не может. Восстановленный Это налаженный неопиcуемый язык между Творцом и творением. Совершенный диалог Всевышнего с Адамом. Пренебесная любовь, переходящая в созерцательную нескончаемую внутреннюю музыку молитвы.

Но не удастся скрыться Диоскурам от «третьего глаза» колдоватого Линкея, видящего все насквозь. Прозрел Линкей местонахождение Кастора и Полидевка, с высот Тагета увидел братьев в дупле дерева. Кастор еще не успел выйти из места своего добровольного заточения, как копьё Идаса пробило его грудь. Но здесь же настиг убийца Полидевк, и мощь его была столь стремительна, что оба Афареида обратились в бегство. Полидевк догнал их у могилы отца. Здесь убил Линкея и вступил в смертный бой с Идасом.

Но Зевс прекратил поединок. Сверкнувшей свыше молнией испепелил он Идаса и тело Линкея. Миссия двух героев братской любви еще не совершилась.

Полидевк спешит на место, где лежит смертельно раненый Кастор. Еще какой-то час назад они смотрели в глаза друг друга и ласкали сердца нежнейшими богосупружескими объятиями. Еще час назад Полидевк был влюблен в весь мир в лице своего единственного ближнего Кастора, а Кастор влюблен во Всевышнего в лице своего божественного Полидевка.

И вот он лежит, и кровь сочится из его раны.

Склонился над братом Полидевк. Рыдает и не может остановиться. Горько плачет он, видя как смерть разлучает его с братом. Жизнь покидает бессмертного Полидевка. Ничто ему уже не сладко. Нет, этого не может произойти! Душа Полидевка в Касторе. Вместе с Кастором должен умереть и он. Они дали обет неразлучности в настоящем веке. И в вечности смерть их не разлучит. Этим они победят ее.

Полидевк впадает в страстное безумие. Он рвет на себе волосы. Тщится исцелить своего брата. Омывает водой его раны. Целует умирающего друга.

Последнее предсмертное объятие... И Кастор, бездыханно откинув голову, упокоится на земле.

— Нет... Нет!!! — Полидевк оглашает поднебесную. — Не может быть! Смерть не разлучит нас. Кастор, мой сладчайший Кастор, разве я не учил тебя тайнам бессмертных богов? Разве не посвятил тебя в высшую тайну обожения?

В экстазе Полидевк воздевает руки к Всевышнему. Ему является Таинственное Божество.

— Сын мой, я вижу твою скорбь. Ты должен выбрать одно из двух. Премудрость восхитит тебя на Олимп в сонме вечно юных и светлых богов нашего Царствия. Ты пребудешь среди них в преблагоуханных ароматах среди совершенных и бессмертных. Твои страдания и бессмертная братская любовь достойно запечатлятся на твоём челе. Тебе уготовано особое место на Олимпе. Ты заслужил его. Будь мужественен и забудь о Касторе, — испытывая сердце своего сына, говорит Зевс.

— Нет, сладчайший отче! Ничто не сладко мне. Нет ничего выше братской любви. Она выше олимпийских богов. Земля выше неба. Смерть выше бессмертия. Все, что ты предложил, я предпочту Кастору. Куда он, туда и я. Если как обычный смертный он сойдет в царство теней, я пойду вместе с ним, хотя я учил его обожению. Не для того ли Премудрость сочетала нас братскими богосупружескими узами, чтобы Кастор стал через меня

бессмертным и был причислен к лику Олимпийцев? Но если ты, всевышний отче, рассудишь что место ему среди смертных, уподобь и мой удел ему. Нет для меня ничего слаще Кастора, Кастора, Кастора, — буквально истаивая от смертной тоски и смертного дыхания, перевоплощаясь бессмертный в смертное существо, отвечает Всевышнему Полидевк.

Милостивый Зевс улыбнулся.

— Сын мой, Премудрость присудила так: вы остаетесь неразлучны. Один день блуждать вам по мрачным полям царства теней, а другой — восхищаться на Олимп в эгидодержавные дворцы Всевышнего.

В раю ли, в аду ли, в чистилище ли вышняя любовь бессмертна. Нет ничего выше братской любви. Она ведет в чертог Всевышнего.

Греков потрясал этот миф. «О любовь, — восклицали они перед храмом Диоскуров в Спарте, — ты выше смерти! Ты выше царства теней. Ты выше олимпийских богов. О любовь, совершенный дар небес двум братьям Диоскурам! Распространи ее среди нас, Всевышний Награди нас наивысшей добродетелью, прекрасной доблестью смертных, превращающей их в обоженных помазанников и. Всесовершенной добродетелью ангелов, устремляющихся на землю, чтобы познать то, чего нет и на небесах — таинственную девственную братскую любовь».

Греки считали: братья Диоскуры хранят спартанцев в бою, оберегают их во время странствий в дальних краях. Их любовь покровительствует гостеприимству, мореходству. Освящает самые высшие порывы любви к отечеству. Но что гораздо важнее — дает неописуемый внутренний мир, когда человек находит своего истинного ближнего. Тогда он наконец и может упокоиться с ним и в нем, вступить в чудесный диалог, который может даровать только истинный ближний свыше.

Это возможно только при одном условии: если брат твой Диоскур ниспослан с неба и мать твоя прекрасная Леда — совершенство вечнодевственной непорочности и красоты.

Я хотел бы передать в наследство своим детям негасимую диоскурову свечу.

Посмотрите, дети мои, в каком превосхищенном страстном братья Диоскуры блуждают среди царства теней. Никакая Медуза-Горгона или иная химера не смеет к ним приблизиться. Любовь и пребожественный брак сердец охраняют их от всякого зла. Сколько душ освобождают они! Каким утешением служат для одиноких, безысходных, немо кричащих «Помогите! Дайте пить! Откройте! Выпустите нас!»

На Олимпе Полидевк знакомит с олимпийскими богами своего брата. Но Беседам с Олимпийцами предпочитает он нескончаемый диалог любви с Кастором. В их сердца вложен неистощимый божественный потенциал. В нем тайна воплощения человека на землю — последняя и совершенная тайна диалога двух смертных — бессмертных существ, идеально выраженная в сказании о братьях Диоскурах.

Отношения двух совершенных рыцарей Греции Кастора и Полидевка не могут достичь полноты в настоящем веке. Требуется страстное Олимпа и страстное Гадеса. Новое небо и новая земля.

Чудесное сказание выходит за собственные пределы. Отношения Кастора и Полидевка вплетаются в общую всечеловеческую ткань. Человек, каков он в божественном потенциале, больше самого себя. Этим интересен Богу, ближнему и самому себе.

Необходимо проникнуть в таинственные кладовые Премудрости, чтобы увидеть человека с множеством вложенных в него божественных перспектив и даров, чтобы понять, сколь грандиозно творение перед очами Вышнего. И глубоко сокрушиться, увидев убожество человека в настоящем — его постылый материализм, виртуальную безысходность, цыплячью скорлупу и фатальные родовые программы, приводящие к вырождению и гибели...

13.08.2005. Измир

В Атлантиде не было похоти. Даже когда зачинали обычным образом (вне одного из 15-ти способов непорочного зачатия) грех не приражался.

Еще не открыто миру проклятие “традиционной” церкви. Чем больше дудят они «спаси, не казни, помилуй», тем больше распространяют суеверных страхов и грехов. Контора фарисейской праведности обращается змеевником, универсальным проклятием, насылающим зло греха на все творение.

Если церковь не может справиться с грехом, нечего ей делать на земле. Нет Бога с ней.

Необходимо развить в себе другое зрение, взойти на иную ступень и обрести свыше дар мистической интуиции чтобы непредвзято исследовать древние культуры Атлантиды и Египта.

Цивилизация греков была родом от Атлантиды, и уже этим несравнимо превосходила господипомильное убожество иудеев, христиан с их синайским законодательством, «Спасителем» и «Искупителем». Горе культуре, если в ней не смог сойти и расцвести сад вечного девства. Господипомильная образаина, грехоцентрическая машина заработает на полную катушку: ады, орудия пыток, вечные муки, геенны огненные и пр. арсенал инквизиции, больше фантомированный священниками-змеями на несчастное человечество.

Грекам был бы непонятен ни «рай для фарисеев», ни рай для мусульман, ни ад для грешников, ни конечно же шедевр средневековой инквизиции и господипомильной доктрины — вечные муки. Бог наказал иудеохристианство за клевету на древних множеством гипсовых идолов и проклятых капищ с упырно-гипсовыми статуями и смехотворно-лубочными иконостасами. Фантомы, наброшенные на неповинных греков и атлантов, с лихвой вернулись христианским ‘праведникам от инквизиции’.

Помимо развитой мистической интуиции и мистического синтеза, достигших совершенства, необходимо обращение к Премудрости для раскрытия Универсума Ее таинственных законов в каждой из цивилизаций. А также Божий рыбий глаз и премирный, метаисторический престол для постижения отличительных особенностей их с 1-ой по 84-ую и 85-ю, названную Богоцивилизацией-III. А чтобы увидеть предыдущие 84 и грядущую 85-ю как единый свиток жизни, необходимо зрение обоженных, олимпийское солнечное око.

Пока столетиями вслед за церковнославянской Псалтырью, возвышенная, благородная, прекрасная, близкая к Богу культура древних называлась «бесовской», бесы наводнили их грехоцентрические капища там, где еще недавно стояли ангелы и совершалась молитва при омывающих источниках.

О, иметь мужество вступить в сражение с фантомами религиозной химеры! На такое способны только герои. Беллерофонт — один из них.

Кто он? Бог весть. Солнечное божество на белом коне, мчащееся по небу. Ослепительный муж славы Атлантиды. Атлантический архангел Михаил, борющийся с помощью морской державы (Посейдона и Премудрости — Афины Паллады) с химерами проклятых миров (победа Беллерофонта над «непобедимой» ликийской Химерой). Опять же, в категориях обоженных, в атлантических мирах отрицает иудео-христианский сглаз в сторону таинственного прошлого, этот мир чудовищной фарисейской клеветы и фатальной болезни жреческого нигилизма.

Будущее не открыто, небо запечатано и в настоящем земля плывет под ногами только потому, что кругом одни понатыканы химеры. Потому Беллерофонт -

вдохновение веры

против фарисейской химеры.

О блистательный Беллерофонт! Просияй с неба на белоснежном крылатом дивном коне Пегасе! Дождись в овидиевских «Метаморфозах» ангелом вокруг престола Зиждительного

Девства в Миромаре. Сопровождай ночное шествие Брачного Чертога с возженными свечами с вершины Соловьинной горы к Успению Божией Матери под Эфесом, через Эгейское море на Грецию, к Европе.

Беллерофонт — самый прекрасный муж славы из когда-либо бывших на земле. Непорочный рыцарь, олицетворение девства. Один из сынов Пречистой Матери, рожденный в Ее неосквернимом Лоне, сколько бы ни клеветали на него конторские гадюки, сколько бы ни запечатывали его своими рескриптами, догматами, креатурами, имприматурами и пр.

Умонепоостижимая красота девства. Влюбленность во Всевышнего. И сын таинственного Божества Беллерофонт. Его прекрасное имя — само по себе музыкальная симфония — достойно того чтобы перебирать его на десятиструнной лире, призывая сонмы непорочно зачатых и вечнорожденных с неба: прекрасный рыцарь Непорочности Беллерофонт.

Герой наш — как Мелхиседек в Ветхом Завете, хотя по родословной внук Сизифа (дурная, по нашим понятиям, «родовая программа» из-за того, что дед, царек Коринфа, набрался глупости перехитрить и обмануть богов, за что наказан был бессмысленным трудом вопиющего катания камня на гору). О нет! При чем здесь дед Сизиф, Коринф и прочие метрики тех, кто любят спрашивать: «Ты кто? Илья-пророк? Ну так покажи справку о рукоположении и подчинись постановлениям синаедриона»? Кто воистину любит Христа, отречется сегодня от красно-коричневого мафиозно-спидового сифилически больного христианства. И тогда — о, какой тяжелый груз спадет с него! Доблестный рыцарь, станет он молиться на коленях перед открытым небом. И откроются ему тайны бывших и будущих миров...

15-ступенная лестница обожения было чем-то вроде путеводящего правила (если такие возможны были в Атлантиде).

1. . Видение себя очами Вышнего, открытие внутреннего зрения. Иное видение, сквозное, транспаративное, проходящее через стены и времена, заглядывающее в суть вещей.

2. , связанное с множеством внутренних омывающих источников и приносящие достойные плоды: прощение грехов и привитие к Древу вечной непорочности. Достоинство доблестных мужей и мироносиц-жен метаноическое устремление к вершинам горного Олимпа, к высотам Царствия. Метанойя, давно забытая фарисейскими роботами. Другой человек, новая тварь.

3. Ради достижения небесных благ . Выветривание скорлуп, теней, призраков навязчивых. Отречение от всех видов земной любви ради небесной. Отречение от всех добродетелей и богатств земных ради нетленных, вечных. То благородное самоотречение, что ведет ко второму рождению и небывалому штурму духовных высот в нескончаемом божественном потенциале внутреннего человека.

4. , несомое благолепно и трепетно.

Множество святых в Атлантиде! Едва ли не по несколько на каждый из нескончаемых храмов и соборов. Впрочем, каждое здание в Атлантиде — белый замок Граалья. Сынов проклятия, сынов гибели, сынов измены тогда не было еще. И зло рюлило как-то иначе — скорее в призрачных и химерических формах.

Послушание как путь веры предполагает не столько исполнение чьих-то приказов, ломку ветхой воли, преодоление родовых программ и т.д., сколько слияние с божеством старца. Брачные узы с Божественным Возлюбленным. Узы отца и сына несравнимые. Троица атлантов.

5. . Инок подвергался им неоднократно. Необходимость победить 'наваждение' себя прежнего, разорвать пуповинные нити прошлого, преодолеть притяжение мира, фатальные предначертанности, зодиакальные ловушки. Усмирить плоть и плюнуть в харю дьяволу.

Послушание у старца переходило в многолетние испытания подвижника. Ни один из учеников не был гарантирован в победе, столь тяжелы были часто искушения, с которыми он сталкивался по пути восхождения, на лестнице обожения.

На этих пяти (трезвение, покаяние, отречение, послушание, испытание) заканчивались первые ступени лестницы восхождения к теотическому Олимпу атлантов. Затем следовала вторая группа таинств: (6) ; (7) ; (8) ; (9) ; (10) ; (11) ; (12) ; (13) , питание свыше в божественных телах и бессмертных составах; (14) (тельца) как переход из одного мира в другой и наивысшая ступень посвящения. Великое возжженное сердце, всемещение, жертвенная готовность и безусловная любовь. И (15) — . Подвижник, приписанный к рангу олимпийских совершенных.

Трудно проводить по атлантической лестнице умонепостижимых совершенств современного инока, удрученного компьютерной цивилизацией, магическими формулами старых религий, всеобщим развратом и движением к гибели.

6. Каким высочайшим было поклонение как полное вверение Ей! Какие таинственные существа окружали подвижника у Ее престола! Как разверзала Госпожа Премудрость ум, выступая под видом Афины Паллады, Афродиты, Деметры, Матери-Геры, превечного Бога как Таинственного Божества! Подавала новый ум и особым образом сочетала узами с Всевышним, открывая неслыханные перспективы. И преподносила тайны, каких мир не знал и даже небо не знало — при условии юродивой готовности следовать Ее непредсказуемым ходам по поражении всех общепринятых духовных штампов.

Премудрость вела в эпоху Атлантиды. Гимнастические палестры (крытые спортплощадки для юношей), подвиги борьбы с какими-нибудь лернейскими гидрами и стоглавыми чудовищами. Рыцарство Святого Грааля? Бог весть. Но тайна усваивалась с величайшим трепетом, и вхождение вратами Премудрости полагалось уделом избранных.

О Софии Огнекрылой во времена древней Атлантиды сложено было не меньше поэм, чем в ветхозаветной книге Притч Соломоновых и Премудрости сына Сирахова. Премудрость воздвигала цивилизацию и щедро одарила Атлантиду Своими царственными сокровищницами.

7. “ — такое имя усваивалось Всевышнему, несмотря ни на какие теофании (Его проявления). Хотя бы и каждый второй в мире был мессианистический подвижник и принадлежал к династии диспозитов, рожденный свыше; хотя бы были открыты величайшие тайны Премудрости, был прославлен Эль Кана, Божественный Возлюбленный, Жених — Всевышнему усваивали Имя: Таинственное Божество. Что означало: Некто больше Самого Себя, Непостижимый в настоящем, Превосходящий Самого Себя в Божественном и человеческом потенциале.

Это таинственное пространство неизреченных имен, оставленное для Всевышнего, помогало древним устремляться еще больше в горние высоты на золотых колесницах и на белых крылатых конях.

8. — безусловная, непререкаемая — чудесным образом сочеталась с любовью к ближнему и ко всему творению. Мир расцветал в объятиях Всемогущего. Плоть сияла девственной непорочностью.

9. В атланты были посвящены задолго до Пришествия Христа. И когда Атлантида вконец погрузилась в морскую державу, она приняла свое великое страстное за грехи мира. Иначе и быть не могло. Цивилизация, на 10 голов превосходящая все прочие, должна была быть готова и к подобающей степени страдания и посвящения: в радости страдать во имя ближнего, при условии возжженной свечи.

10. О древних атлантов трудно говорить современным языком. Скорее, Вторая Соловецкая скажет о них языком типа «раздробление позвоночника молотом Яхве», или: «трехмиллионное кладбище черепов со срастающимися костями», или: «3 сосуда с мирро в дупле замерзшего дерева, указанные в ночном видении старцу». И они проходили свою темную ночь, пили свою чашу проклятия прежде чем пить из чаши благословенных и вечных свою победу над смертью, дьяволом, болезнью. И всегда держали зажженной свечу в сердце, несмотря ни на какие искушения и испытания (смысл последних заключался как раз в том, чтобы не закрыть сердечные врата, даже при виде адских чудищ не испугаться:

победить тлетворный страх,

химеру помыслов и прах.

...Моисей начал с того, что убил египтянина, сознательно. Беллерофонт начинает как нечаянный убийца. О этот всеобщий удел человека! Прости им, ибо не ведают, что творят! О, сколько влачится за ними таких 'невинных' жертв, невольно и нечаянно убиенных...

Божество начинает с того, что запятнало свои руки в крови, и смыть ее сможет только великий старец, помазанник.

Беллерофонт однажды мчался на коне, задумался о чем-то и задавил человека. Судьи Коринфа приговорили бы царевича к смерти. Беллерофонт бежит из своего отечества.

Для помазанных нет на земле отчизны. Нет для них дома, нет для них и ближнего в обычном смысле. Священноодиночество. Их удел — стоять со своим белоснежным крылатым Пегасом у источника Пирены и пить от святых вод одиночества и неземной радости небожителей.

Боже, какие угрызения совести с детства! Его невинная душа буквально сходит с ума. Как мог он зарезать невинного в жертву? Как мог в кулачном бою ударить в висок? Виновен? Не виновен? Пред Богом наказание за смерть — смерть...

Нет, Беллерофонту не до сытости фарисейских уставов. Согласно им, он нарушитель всех законов, заповеди «не убий», убийца. А согласно Премудрости — гонимый мученик и оклеветанный святой.

Первое, что делает мир с избранными душами — называет неповинного убийцей и приговаривает его к смерти.

Беллерофонт решает бежать в Тиринф, где его с великими почестями встречает местный царь Пройт.

Припадает к стопам царя Беллерофонт: «Прости меня. Сокрой меня. Таким как я нет места на земле. Я убийца. Я запятнал руки свои в крови ближнего. Боги сотворили меня невинным, хотя отец мой Главк и дед Сизиф согрешили против Олимпийцев. Старцы во сне открыли мне тебя как моего покровителя. У меня нет другого выхода, Пройт: или ты дашь мне приют, или меня погубят добрые судьи Коринфа, приговорив к смерти за невинный поступок. Поверь, я не хотел убивать. Я неповинен, неповинен!»

Беллерофонт рыдал на коленях перед царем, и тот отвечал: «Сын Главка, для меня честь принять тебя по всем законам гостеприимства. Тебе будут отведены лучшие покои в царском дворце, и в моем городе ты насладишься миром и любовью, какой не знала твоя душа в Коринфе».

Пройт был в неописуемом восторге от юного Беллерофонта. Его всегда радостный взор, его доблесть и мужество, его премудрость, неописуемая красота, его жесты, благородство нрава, наконец, нежность души, нескончаемые духовные дары Беллерофонта, как из рога изобилия сыпавшиеся во время их бесконечных ночных бесед, покорили царя. Нет, Пройт по уши влюблен в Беллерофонта! Он забывает о своем маленьком государстве, о заботах Тиринфа, о своей жене, дочери ликийского царя Антейе, и не расстанется с Беллерофонтом. Их связывает горячая дружба и обеты вечной верности.

Не тут-то было. Второй удар благородный Беллерофонт получает в Тиринфе. Наивный царь пересказывает содержание бесед с коринфским наследником и делится своим восторгом от него со своей женой Антейей, как бы забыв про женские слабости.

Антейя вначале ревнует Пройта к Беллерофонту, а потом влюбляется в него. Тайно шпионит за ним, помогает его. Беллерофонт отвергает Антейю. Он возмущен: как, предать своего лучшего друга и спасителя?! Как сможет он, честный и доблестный воин, смотреть в глаза своему покровителю? Разве не приносил он коринфским старцам обет девства, сопутствующий героям высочайшей степени обожения?

Беллерофонт в замешательстве. И Антейя, видя что назревает беда, в упреждение объяснения относительно нее между друзьями спешит к мужу.

— О царь мой! — фантомирует эта коварная змея. — Посмотри, как отблагодарил тебя за твое благородство этот юноша! Он помогает меня и клянется мне в любви. Разве ты не видишь смущения на его лице? Разве не вызывает у тебя удивления частое его отсутствие?

Накажи его, царь! Разве не сочли бы его достойным смерти судьи из Коринфа, если бы он не бежал позорно из своего города? Каков герой не способный встретить свою смерть? За это второе преступление он достоин убийства. Беллерофонт буквально преследует меня, а с тобой вступил в братский союз только затем, чтобы достичь своей коварной цели.

...О Пройт, где твое благородство? Повторяется история Иосифа Прекрасного с женой египетского жреца Потифара. Дважды оклеветанный, герой становится на христианский путь. Его во второй раз, в третий, в пятый, в десятый приговаривают к смерти. И в который раз Премудрость его спасает и более — прославляет как величайшего из помазанников!

Благородный Беллерофонт готов умереть за своего друга и покровителя. Не таков царь Пройт. Он предает друга со своей коварной изменницей-женой и решает погубить Беллерофонта чужими руками. Антейя подсказывает ему следующий ход: «Отправь его к моему отцу, ликийскому царю Иобату, и на двойной сложенной и запечатанной табличке напиши, как он оскорбил тебя и твою жену».

Конечно же, Беллерофонт принимает запечатанный свиток из рук своего друга и ни о чем не подозревая спешит в Ликию.

Ликийский царь встречает его с распростертыми объятиями. Неотразимая красота и совершенство Беллерофонта и здесь творят чудеса. Иобат закатывает девятидневный пир и считает свой город облагодатствованным сверх меры, как если бы олимпийские боги посетили его свыше. Наговорившись вдоволь, Иобат спрашивает гостя о цели его приезда.

— Царь Иобат, я прибыл к тебе с маленькой миссией. Мой добрый покровитель Пройт просил передать тебе вот это, — и Беллерофонт протягивает Иобату письмо на двойной сложенной и запечатанной табличке.

Прочитав его, Иобат приходит в ужас. Он должен убить самого прекрасного героя на земле! Вот каков в действительности этот прекрасный юноша: соблазнитель, покушавшийся на репутацию его дочери!

Хитроумный план Антейи сработал. Иобат решает избавиться от Беллерофонта, послав его на заведомо обреченный на поражение подвиг: убить грозное чудовище Химеру, дочь Тифона (древнего змея) и Ехидны (институт веры), обитающую невдалеке от Ликии в горах.

О, что за земля, убивающая лучших своих сыновей! Исполинская Ехидна (римская блудница, византийская злодейка) породила чудовище, несущее неминуемую смерть тем, кто приближался к нему. Так описывает миф Атлантиды фарисейское капище, этот источник мирового зла и предвестник гибели цивилизации, мировое фарисейство. Более точного имени для него не найти: химера. У чудовища три головы спереди — грозный огнедышащий лев (симфоническая государственная религия, дух кесаря). Из ее позвоночника торчит упрямая голова горной дикой козы (мирская похоть). И сзади — истинный ее облик: змеящийся дракон.

Огонь из ее трех пастей направлен на святых, на все живое. Но особенно опасна Химера в гневе, когда в ярости бежит она по горам и испепеляет все, что попадется ей под руку.

Римская инквизиция существовала еще в древней Атлантиде. Несомненно, поскольку фундаментализм и фарисейство — неминуемые черты выродившейся церковной иерархии. В запечатанных символах греко-атлантическая мифология описывает великое сражение божественного помазанника и религиозного института: Беллерофонт против инквизиции.

Почему олицетворением религиозной пустыни избирается именно это грозное чудовище? Фарисейские системы представляют собой химерические призраки, религиозные фантомы, целлофановые пакеты, носящиеся по ветру. В действительности в них ничего нет.

Прозрение: иудаизм при воплощении Сына Божиего — чистая химера, химерическое наваждение! Нескончаемы химеры современного христианства. Запечатанное небо, грехоцентризм, «спасение», бесплодное покаяние, «святые отцы», догматы, литургии, авторитетная иерархия, неподсудная церковь — вот только немногие из химер. В действительности нет ни Христа, какого выдумали институты, ни нарисованных на дереве святых, обслуживающих их конторы, ни Страшного Суда над миром. Но каков гипноз, когда

педофил и мафиози смеют рассчитывать на спасение и учат покаянию! Какой институт сознательной лжи и клеветы! Детище дьявола. Да отправится оно вслед за своим отцом сатаной!

Нет за ними Бога, нет за ними святых. Нет за ними никакого покрова, нет у них и дара отпустить ни один грех. Не знают, как вести к святости. Небо для них запечатано. Тогда чему их учат в академиях, исследуя сотериологию, патристику и проч. книжные науки? Химерам. Из химер можно составить удачный «собирательный портрет», так что получится учение, доктрина, подходящая для меркантильных целей конторы.

Там ничего кроме химер. Химерично их закопченное небо, их выдуманный рай для фарисеев, ад для святых еретиков. Прокляты их благословения, и благословения их — проклятия. Перевертыши с ног на голову, они олицетворенные химеры. Химерические конторы обличал бы сегодня Христос Второго Пришествия. При первом говорил: лицемеры. А при втором скажет: химеры и губители веры.

Описывается трехглавое грозное чудовище подобающе: никто не смеет приблизиться к нему. Наводит ужас на окружающих и особенно опасно в ярости.

Боги Олимпа гnevаются на религиозные институты и решают уничтожить их. Оклеветанный, приговоренный к смерти атлантический Христос-Беллерофонт победит Химеру с помощью богов и огнекрылого коня Пегаса.

Не избежать помазаннику клеветы. Но какой покров ему в гонениях, какая сила среди немощей ему! Блистательные подвиги Беллерофонта — прямое подтверждение этому. Расправившись с Химерой, побеждает непобедимых местных рефаимов — горное племя, обитавшее недалеко от Ликии. За ними один выходит против амазонок и побеждает их.

Еще и еще царь Иобат посылает его на подвиги с тем чтобы убить, а Беллерофонт возвращается победителем. Всевышний всегда на стороне гонимых, и покров над ними — одно из чудесных устроений Матери Премудрости. Наконец Иобат решается созвать самых доблестных мужей Ликии. Его сердце кипит возмущением: что это? Почему боги на стороне убийцы и кощунника?

— Доблестные мужи Ликии! Призовем на помощь Диониса и Гермеса! Сам Зевес всевышний будет покровительствовать нам в борьбе с этим наваждением! — укрепляет в духе ликийских мужей царь Иобат.

Но какой ужас охватывает его, узнав, что Беллерофонт перебил их всех до одного. Значит, рука Всевышнего на нем.

«Порождение ехидино» называет фарисейский институт Иисус Христос в земные дни. С порождением Ехидны и Тифона, грозной Химерой, вступает в сражение Беллерофонт. Знает: победить Ехидну без подсказки свыше невозможно. Необходимо обуздать крылатого Пегаса, и с его помощью, с неба атаковать чудовище.

Общепринятое представление о Пегасе, источниках Гиппокрины и Пирены — источник вдохновения для поэтов. Даже если и так, в древней Атлантиде поэзия носит божественный характер и Пегас — вдохновение веры! Вот единственное оружие против мертвящей буквы фарисейства: вдохновение, окрыление! Нет, не могучие крылья орла, а еще более могучие крылья коня вознесут дерзновенного героя к небесам!

На пути к обожению необходимо обуздать Пегаса. Фарисейскую Ехидну необходимо обличать, метать в нее ядовитые стрелы, не давать ей воздуху ни днем, ни ночью. Не просто победить Пегаса, вылетевшего однажды из тела убитой героем Персеем Горгоны Медузы (православно-католическая преисподняя). Пегас не является сыном Медузы, родившимся из ее ядовитой крови. Медуза незаконно проглотила вдохновение веры, присвоила себе благодать пророков и святых. И когда из перерезанного Персеем горла Медузы хлынула кровь, из нее просто выпала проглоченная ею жертва. Пегас воспарил к небесам, в воздухе, почуяв свободу.

Вернуть украденное фарисейскими церквями (проглоченное как трофей) вдохновение веры — вот единственный способ уничтожить эту проклятую химеру, терроризирующую

мир своей злобой, своими огненными пастями и угрозами, и смертельными набегами.

На белом коне въезжает в Иерусалим Христос Мессия. Воины Илии и Эноха сходят с неба на блистательных белых конях. Прекрасный Пегас белоснежен. Его царственный лик неотразимо сияет.

Вот конь, достойный Беллерофонта! Но как непросто укротить его! Часто спускается из облаков Пегас пить из холодного, прозрачного как кристалл источника Пирены, от его же копыт забившего возле Коринфа, или из другого, Гиппокрены близ Тризены. Дни и ночи напролет Беллерофонт выслеживает Пегаса. Бесполезно. Ему не помогают дедовские хитрости, сноровка и мгновенная реакция. Не успеет юный Беллерофонт приблизиться к коню, как тот с быстротою ветра относится к небесам.

Беллерофонт прибегает к помощи старца. Затворник и отшельник советует ему обратиться к царю морской державы Посейдону.

— Пегас происхождением от непорочно зачатых, и только сокровищница тайн морских знает способ укрощения этого коня, — говорит старец-прорицатель и обещает Беллерофонту поддержку богов. Химера и его враг. Старцы — первые мишени ехидн, институционалов. — Уповай на Премудрость, дитя мое. Она одна знает, как справиться с Химерой. Она подаст тебе Пегаса, вдохновение веры.

Во сне у источника Пирены ему является Афина Паллада. У нее в руках золотая уздечка. Проснувшись, Беллерофонт видит рядом с собой золотую уздечку, понимая, что это помощь свыше. Горячо возблагодарил Беллерофонт Всевышнего. Теперь Химера обречена, а герой готов совершить великий подвиг.

Накинута золотая уздечка, укрощающая Пегаса — что это? Любовь к Всевышнему, восьмая ступень атлантической лестницы обожения. Пегас покоряется тому, кто девственно влюблен в Всевышнего! Тому дает он вдохновение веры. Тот же, кто ищет только вдохновения муз — прославлять себя, природу, ближнего — довольствуется источниками. Приходит он испить из холодных и горячих источников, исполняется поэтического духа, но обуздать Пегаса не может.

Афина Паллада (Премудрость Божия) бросает с неба жемчужину Грааля — любовь к Всевышнему, священнотеогамии. Эта теогамическая жемчужина и именуется в Атлантиде золотой уздечкой.

...Беллерофонт мгновенно вскочил на Пегаса, набросил ему на голову золотую уздечку, и огнекрылый конь вознес его на небеса. Долго летел он быстрее ветра по просторам неба, но золотая уздечка делала свое дело. Не смог Пегас сбросить нашего героя, после чего смирился и верно служил ему.

Беллерофонт не сводил глаз со своего прекрасного коня. Сколь поразителен был взор его очей, какая царственная поступь, какая мудрость в каждом движении и жесте! Какая красота, несокрушимый дух, какое вдохновение истины! Как рыцарь со своим Божественным Возлюбленным Христом, Пегас сливался в одно со своим наездником, и вдвоем они становились абсолютно непобедимы.

Постиг Беллерофонт высочайшее вдохновение веры, доступное Исайям, Златоустам, Симеонам Новым Богословам. Как из рога изобилия исходили от него изречения Святого Духа. И исполнился великим праведным гневом Беллерофонт на Химеру римскую, Ехидну московскую, на Тифона фундаменталистского.

Как только слился в одно на небесах Беллерофонт с Пегасом, быстро помчался он к горам Ликий. Химера почуяла близкий конец и взвыла от ярости: кто посмел нарушить ее покой? Не столько меч Беллерофонта, сколько могучее дыхание ноздрей Пегаса насторожило ее, и чудовище выползло из своей темной пещеры.

Огонь от трех пастей заволок дымом все кругом (дым инквизиции, дымы их химерических вероучений, преемств, катехезисов — дымы от трех огненных пастей). Злодейка думала, герой задохнется в клубах дыма. Но высоко взлетел Пегас с Беллерофонтом и спас своего героя.

С высокого неба мечет смертоносные стрелы обличений Беллерофонт в Химеру.

Обличает чудовище во всех его злодеяниях, предъявляя счета за убитых ею богов, за закрытое небо, за распечатанные врата сатаны, за мафию, за педофилию, за всеобщий разврат. За материализм, мамону, растление и близкую гибель мира.

Никто не смел с такой силой обличать это грозное чудовище! Химера в ярости забилась о скалы. Вот она ударяет о них копытами, высекая огонь, и скалы рушатся одна за другой... Неистовая, ярая, носится она по горам, пожигая все кругом.

Но не отпускает чудовище Беллерофонт. На злобную ярость подыхающего чудища великолепный Пегас отвечает еще большим праведным гневом. Раздуваются его ноздри... О вдохновение битвы! Одну за другой мечет Беллерофонт смертоносные стрелы в Химеру. Нигде не может укрыться злодейка. Везде наступают ее обличения пророка. Бессильна она против вдохновения веры, золотой уздечки любви к Богу и могучего Пегаса (вместо троянского коня и ящика Пандоры).

Где сила Химеры? Куда делись церемониальные маги-священники? Где их химерические цели, химерические посулы, химерическая эсхатология (православная преисподняя), химерическая церковь, адава контора?

Рассеялись химеры. Святые сошли с неба! Победил Беллерофонт кошмарное чудовище. Вздохнул с облегчением мир. Прозрел и увидел Всевышнего каков Он есть. Очистилась земля от адава чудовища.

Но на лестнице обожения величайшая из добродетелей — служение и верность Вышнему. Одной любви мало. При недостатке мудрости она может обратиться в свою противоположность: в восстание на Бога и в гордость.

После одержанных побед Беллерофонт возвращается в Ликийю прославленным героем. Его окружают почетом и величием. Ликийцы выделяют ему самые прекрасные плодороднейшие земли, а царь Иобат отдает ему в жены свою дочь, с нею полцарства в приданое и чтит его как величайшего из героев, оказывая ему равнобожественные почести.

Беллерофонт возгордился. Он счел себя равным богам-олимпийцам. Земная слава оказалась ему непосильной, и вдохновение веры сменилось на вдохновение поэтов. Но никакими божественными комедиями, сонетами и «одами на восшествие императрицы на престол» совершенная святость (обожение) не достигается. Необходимо другого рода вдохновение: метанойи, преображения. Вдохновенное дерзновение преодолеть себя, родиться свыше, стяжать Святого Духа и двумя руками держаться за Премудрость.

Беллерофонт решил на Пегасе взлететь на светлый Олимп, не спросив на то благословения Всевышнего, и Юпитер наказал его. В неистовой ярости Пегас сбросил героя на землю, и тот лишился разума. Долго скитался Беллерофонт по «долине блужданий», а потом сошел в царство теней.

Вскружила земная слава голову Беллерофонту и счел себя равным богам. Но Премудрость наказала несчастного: Пегас сбросил его на землю. Вдохновение веры сменилось вдохновением поэта. Вдохновение божественной любви, жажда окрыленно взойти и плыть по небесам — желанием прославлять себя, женщин, природу, мир, человека.

Бог наказывает поэтов безумием. И они блуждают в долинах как лунатики, пока их не ожидает мрачный удел в царстве вечных теней.

Почему такой удел начертала Беллерофонту мистика атлантов? Искушения на пути. В свой час покается Беллерофонт. Возродится в нем солнечное божество, великий герой Древней Эллады. И Пегас по благословию Всевышнего вознесет его к солнечному Олимпу. Тогда поэты перестанут быть мандельштамами, ахматовыми, цветаевыми и бродскими, пушкиными и лермонтовыми, т.е. колдоватыми певцами женских ножек и прочих проходящих ценностей.

Древний миф рисует трагедию поэта. Если у него не хватает сил использовать данный ему дар для прославления Всевышнего, его ожидает безумие, одиночество, долина блужданий, в конечном счете мрачный удел.

Не по назначению использовал он дар Всевышнего и погубил самого себя.

Прекрасная Даная зачинает от Всевышнего, или Золотой дождь мировых капель с неба

14.08.2005 Измир

I.

Фатум за грехи родителей тяготеет над детьми до третьего-четвертого поколения. Греки знали не хуже евреев об этой заповеди, продиктованной в синайском законодательстве.

Линкей запятнал себя неблагородным поступком с Кастором и Полидевком, из-за чего погиб и тело его сожжено молнией гнева Всевышнего. По грехам деда страдает и третье поколение — царь Аргоса Акрий, внук Линкея. Оракул предсказал ему гибель от руки сына своей прекрасной дочерью, неземной красоты дочери Данаи.

Непорочная Даная вовлекается в круговой порядок родовых программ.

...О Даная! Ты — сплошное вековое страстное.

Ее любимый отец, царь Аргоса души в ней не чаёт. Наслаждается ее неземной красотой. Не знает как угодить ей. Обожевляет. Сравнивает с Афродитой и ревнует к женихам... И что же? Как кинжал в сердце: внезапно отец изменился. Зачем он, мнительный и подозрительный, спросил оракула о своей судьбе? Боялся, злая тень настигнет его или рок наступит ему на пятки? О, зачем спрашивал ненужное отец?

Оракул известил зловеще: престарелый царь Аргоса погибнет от руки своего внука, рожденного от прекрасной дочери Данаи. «Может ли быть такое, чтобы я взрастил дочь-отцеубийцу?! — спрашивает у оракула Акрий. — Неужели дочь прекрасная любимая Даная, кою я посвятил жизнь, души в ней не чаю и обожевляю, станет соучастницей заговора против меня и настроит своего сына убить своего отца? О ужас!...»

— Нет! — кричит глядя в бездонный колодец с мутной водой Акрий. — Нет, Даная не способна на подобное. Но что если ее подговорят мои враги? Неизвестно какого нрава будет мальчик, рожденный от нее. Да будет проклят час когда она пришла на землю!

Акрий забывает, как восхищался красотой Данаи вместе с лучшими мужами Греции и как превозносил ее совершенный нрав на собраниях и форумах аргосцев. После предсказания оракула его не оставляет одна мысль: как избавиться от дочери?

Рок можно победить. Не для того ли поусердствовал оракул, чтобы предупредить беду? — размышляет несчастный. Он не может смотреть на свою дочь. Замышляет злодеяние, видя в ней своего врага. Ее ласка и безумная любовь к отцу кажутся ему коварным лицемерием ангелоподобной дочери.

Она видит многоглавую змею, бежит от нее как от страшилища. Ее сердце пронзает электрическая игла. «Что с тобой, папа?» — трепеща спрашивает Даная. Акрий тяжело молчит. Не сказав ни слова, отвернувшись уходит.

Какая трагедия! Какая боль в сердце любящей дочери! Ее дорогой отец отверг ее. «Папа, что с тобой произошло? Почему ты изменился? Чем я обидела тебя? Какой грех совершила?» Акрий, видя страдания дочери, не может сдержаться и выкладывает ей правду: «По предсказанию оракула, я погибну от руки твоего сына. И ты, дочь, в кою я вложил жизнь и любил безумно, станешь соучастницей заговора против своего отца. Отцеубийца! Хуже нет удела, и нет несчастней отца, чья преступная дочь замазывает руки в его крови».

«Боже мой! — заламывает руки Даная как иерусалимская жена. — Проклята я! Лучше бы не приходило мне в мир. Лучше бы не родиться мне на свет дочерью царя и не любить

отца как Бога. Лучше бы не знать мне пение небесных птиц и язык животных!».

— Я, наверное, достойна смерти, — плачет Даная. — Предай же ей меня, отец, чтобы не случилась беда. Лучше пусть умру я, чем мой любимый отец скончается от руки моего сына по моей вине. Да не родится никто от моего чрева. Да не прикоснется ко мне ничья рука!

— Да-да, дочь моя! — находится Акрисий. — Я принял решение. Чтобы избежать беды, я построю для тебя прекрасные покои из бронзы и слоновой кости, куда заключу тебя навеки, чтобы ни один муж не пленился твоей красотой и не похитил тебя. Я единственный буду спускаться в подземелье и разделять часы твоего одиночества.

— Да, отец, да. Я достойна уже в этой жизни удела мрачного Аида. Ты можешь сковать меня цепями и приставить пса у входа в мою маленькую преисподнюю — я согласна. Принимаю твое решение даже не как наказание, а как милость, — плачет прекрасная невинная Даная и целует руки своему отцу.

В одиночестве, гнетущей тьме, при скудных восковых свечах на холодном ложе, дрожа от холода и страха, проводит дни и ночи Даная. Ей беспросветно, безнадежно...

Святые, полные неземной красоты, не успев расцвести, сходят в подземный мир, учит Премудрость Атлантиды. Прекрасная Даная! Твоим совершенством восхищаются ангелы и боги олимпийские. Твое смирение поражает самого Всевышнего. Ни один смертный не смеет проникнуть в твой мрачный чертог.

Не переставая любить отца, любя его еще больше, Даная коротает дни и ночи в богомыслии о Всевышнем. Нет, не случайно Премудрость определила ей подобный удел! Ее неземная красота достанется богам. Она посвятит себя Всевышнему без остатка. Она станет его всетрепетной невестой, дни и ночи будет проводить в ожидании Его. Ровно в полночь возжет она свечу и как сомнамбула, безумно и страстно, напевая песнь известную ей с детства, будет выходить навстречу Жениху, как мудрая дева из притчи Христовой...

Миропомазанная Даная вне родовых программ. Над ней не довлеют грех Линкея и животный страх Акрисия. Окрысившийся отец кажется ей святым. Она ни в ком не видит зла. Око ее невинно. Даная считает: отец поступил с ней более чем благородно, сохранив ей жизнь. И не дождется часа, когда заскрипит дверь в подземелье и отец при свете факелов посетит ее. Заботливо поинтересуется: как она, какие у нее нужды? Расскажет о происходящем в мире. Принесет вести от дорогих близких и от кормилицы, которую горячо любила.

Особым образом раскрывается и отец. В ее страстном он любит ее по-прежнему. Ему вернулась безумная любовь к дочери. Теперь ему не грозит смерть от руки сына Данаи. Он может по-прежнему влюбленным юношей созерцать ее всесовершенную красоту, слышать ее прекрасный голос, любоваться ее девственным нравом.

— Отец, ты прости меня? — не уставая спрашивает Даная при каждом появлении отца в подземелье. Святой деве невдомек, что ее отец поступил трусливо. Где его любовь, что выше смерти? Чтоо животный страх перед волей Всевышнего?

Даная отгоняет от себя подобные мысли... Папа по-прежнему любит ее, интересуется ей. Он не дает ей скучать. Она по-прежнему живет одним отцом.

Все боольшая тоска и одиночество наполняют ее душу. Злые духи приходят к ней, пронзают ее сердце: Даная, для чего ты пришла в мир? Для чего Всевышний наделил тебя столь совершенной красотой? Чтобы она пропала в подземелье с мрачными тенями?

Даная погружается в мысли о Боге. Всевышний открывает ей Свои последние тайны. Для чего-то же было предписано ей, красавице деве, сойти живой в затвор и вечный мрак... В сердце Данаи загорается свеча любви к Всевышнему. Во всем что с ней произошло — ничего кроме любви.

Акрисия тревожит состояние дочери. Уж не сошла ли она с ума? Днем и ночью бредит

она о каком-то возлюбленном и говорит ему: приди. Осторожно интересуется обетами вечного девства и мистериями для посвященных. Испрашивает книги древних, где говорится о таинственной любви божеств к земнородным и об их восхищении в светлый Олимп...

Сколько блаженных утешений подает ей таинственный Жених! Ее красота предназначена единственно Ему. Она ждет Его и знает: Он придет к ней.

Нет никого кроме Него
Возлюбленного моего
Нет ничего кроме любви,
любви Его -

шепчет Даная в часы ночного бдения, одну за другой возжигая свечи и коротая ночные часы между страхом и блаженством. Она бредит о таинственном Возлюбленном, поместившем ее в Брачный чертог.

В неописуемом затворе под бременем родовых программ прекрасная дева Даная достигает вершины аскетического затвора.

Она почти отказывается от пищи и принимает обет невесты Божией. Отныне ее жизнь изменяется и наполняется другим содержанием. Она уже меньше нуждается в отце. Проходят страхи и помыслы. Даная счастлива. Она не желает возвращения в мир. В ее сердце наступает глубокий покой, связанный с присутствием и проникновением во все ее существо Всевышнего.

В глубокой смертной тоске на грани экстатического восхищения она слышит Его голос:
— Я иду, Даная! Жди Меня!

Истаивает дочь аргосского царя. Исхудала, но отказывается от пищи. Глаза горят неземной страстью. Ожидает своего Всевышнего. Земное перестало для нее существовать.

Акрисий считает: дочь впала в безумие. Ищет лекарства, чтобы исцелить ее...

— Мой добрый отец, я благодарю тебя за твою заботу, за твоё нескончаемое милосердие. Но прошу тебя, не утруждай себя посещениями. Мне хорошо. Я счастлива и преупокоенна. Ни на что не хотела бы променять свой удел. Я самая счастливая из девушек Аргоса. Не утруждай себя больше излишней заботой — не приходи так часто.

II.

12 ночи. Даная привстает: «Что это?»

Золотой дождь. Мирровая капель.

Это пришел ее Возлюбленный. Он преукрашен мирром и алоэ и распространяет благоуханные ароматы.

О наконец-то! Даная восхищенно смотрит в открывшиеся небеса. В земном аду ей отворяются врата Брачного чертога. Мирро входит в ее существо, обжигает ее составы. Даная наполняется до краев божественной амброзией. Она испытывает сладость и блаженство, недоступные земным девам и женам.

Жених более чем посетил ее. Всевышний избрал ее в свои супруги.

О! Блаженная блаженных, страстно-святая премудрая дева Даная сподобляется одного из 15 образов непорочного зачатия, известного из древней Атлантиды и именуемого «золотой дождь любви Всевышнего» или «мирровая капель страждущего Жениха».

«Неплодная рождает!» — могла бы воскликнуть Даная, обрекая себя на заточение из любви к отцу. Пребожественный дождь осеняет ее. Кровь Агнца проникает ее существо. Даная превосхищена в лоно. Она супруга Всевышнего. Ослепительный свет, Божественное Солнце избрал ее в невесты и сподобил радости, какой нет ни на земле, ни на небесах.

Мировой состав Всевышнего входит в ее плоть. Даная становится односоставна олимпийскому Пантократору. Ее существо наполняется пребожественным мирро. Ее

Возлюбленный учит ее вкушать из неупиваемой чаши. Непорочным зачатием совершенным образом обоживается юная дева темницы, дева преблагоуханного «цемент-ного» страстного, соловецкая зэковка Даная из Аргоса...

Даная не находит слов для своего пренебесного Возлюбленного. «Ласкай меня еще, Сладчайший мой!» Мрачный склеп превратился в вечный брачный чертог. А скорбная постель, мокрая от выпланных слез — в одр света и высшего блаженства. Восхищенная к небесам Даная повторяет только «Да... Да... Да!»

Она вступает в таинственный диалог с Таинственнейшим Божеством. Ее осеняет премудрость Вышнего.

Даная сподобляется непорочного зачатия, и в своей истаивающей тоске рождает прекрасного мальчика неземной красоты.

Она наречет его Персей. Мальчик премудр, как богомладенец. Начинает говорить, едва придя в мир. Он сирота. У него нет отца. Даная станет ему отцом и матерью — как Пресвятая Богородица Христу.

«Боже, как щедр и милостив ты, Сладчайший, если даровал мне подобное чудо!» — не нарадуется небесной радостью Даная. Не отпускает Персея из рук своих ни днем, ни ночью. Не отводит от него глаз. Она не нарадуется его духовности и мужественности, его смирению и всеведению. Всматривается в его лик, различая в нем лик сладчайшего Возлюбленного. Она воздаст сыну божественные почести, его как воплощенное Божество, понимая что он сын Божий.

«О, Ты пришел и запечатлелся в нашем сыне, — говорит она восторженно, и глаза ее сияют божественным огнем. — Ты прекрасен, мой Сладчайший. Ты сподобил меня, простую смертную, видеть Тебя воочию. Плод нашей любви — божественный младенец Персей. Теперь Ты неотступно со мной. Я могу видеть Тебя во плоти, ласкать и целовать!»

Радует и ликует Даная. Поет песнь невесты-матери.

С рождения мальчик наделен божественным разумом и говорит вещи столь высокие, что стоит за ним записывать как за премудрым старцем, изрекающим сентенции и поучения. Ему открыты все науки, ремесла и искусства. Персей свободно плавает в аквариуме происходящего, читает Книгу Жизни. Как оракул, предсказывает события. И как если бы был обычным смертным, рожденным от земной женщины, подробно в деталях описывает своей матери, что происходит во дворце его деда Акрисия.

Мнительный старец, бедный «Иван Грозный» греческой трагедии-мистерии ни о чем не подозревает. Его дочь безумна. Лекарства не помогают. Она, должно быть, обречена умереть в безумии.

Акрисий решает больше не мучать ни себя, ни ее и прекратить свои посещения. Впрочем... «Почему крики радости и даже детский смех доносятся из подземелья?» — прислушивается истерзанный страхами старик. Что это? Даная как будто играет с кем-то... Ее голос напоминает веселые игры, коим она предавалась со своими подругами в детстве.

«Должно быть, дочь окончательно сошла с ума. Ничего не поделаешь» — успокаивает свою совесть бедный Акрисий. Но откуда детский смех? Как будто радостно смеется мальчик. Заливается смехом чья-то детская душа, и смех — неземной, божественный, бесстрастный — как ликующий клич.

«Я должно быть брежу!» Акрисий прислушивается и опять слышит детский голосок, заливающийся смехом, как если бы это был мальчик Эрот, пускающий стрелы, дивно покоящийся на постельном одре.

«Или я обезумел, как моя дочь?»

Со светильником в дрожащей руке Акрисий спускается в мрачное подземелье из бронзы и драгоценных камней, им же самим сооруженную темницу для своей любимой дочери Данаи. И видит как счастливая Даная резвится с мальчиком. Оба не нарадуются и залиvisto и раскатисто смеются.

— Кто этот ребенок?! — спрашивает в ужасе Акрисий. Его обезумевшая от помыслов душа злобно окрысывается. Предсказания оракула опять приходят на ум. Как посмел ребенок проникнуть в подземелье за семью замками, куда нет доступа ничему живому, ни свету дневному?

— Это мой сын. Я не нарушила данного мной обета вечного девства. Сам таинственный Жених, совершенный Возлюбленный пришел ко мне. Я зачала от Всевышнего. Имя богоравного младенца Персей. Персей, поцелуй дедушку.

Персей с любопытством смотрит на Акрисию. А тот дрожа отмахивается и в ужасе отступает: «Нет! Нет!» Светильник в его руках гаснет. Ладони обжигает горячее масло, но он больше ничего не чувствует.

Не говоря ни слова, он возвращается в свои покои. После долгой депрессии решает: «Если Даная говорит правду, если она родила ребенка не от негодяя, проникшего в подземелье незаконным образом, ценой обмана, а от самого Зевса, — пусть боги позаботятся о ней и младенце. Я повелю построить для них маленький ковчег, оковать его железом и запечатать. Пусть он носится по морским волнам. Дальше будь как будет. Тем самым я избежу наказующего перста судьбы. Моя дочь, если Всевышний захочет, останется в живых и я избежу греха дочереубийства».

О, недолго длилось третье страстное после второго (скорбные часы одинокого затвора в подземелье аргосского дворца). Соловецкая зековка Даная родила богомладенца. Теперь ей суждено войти в таинственный ковчег, как Ионе в чрево кита.

— Отец, я согласна. Знаю, ты не можешь ошибаться. Но пожалей мальчика. Оставь его!

— Я принял решение. Твой ребенок принесет мне смерть. Поверь, я не хочу зла ни тебе, дочь моя, ни твоему сыну.

Корабль готов. Акрисий повелевает поместить в ящик-ковчег три священных предмета: чашу с мирро, свечу и медаль с изображением Зевса. «Всевышний да будет в помощь тебе, дочь моя. Кто дал жизнь твоему младенцу, позаботится о нем и тебе».

Со слезами на глазах несчастный старец повелевает заколотить сундук. В нем два живых агнца — Мария и Христос Эллады.

Торжественно, как в брачные покои входит Даная в ковчег, крепко держа на руках спящего мальчика. Садится. Сундук забивают и спускают в море.

Как пишет Овидий в «Метаморфозах», гибель грозит Данае и ее сыну. Волны бросают ящик из стороны в сторону, то высоко поднимают его на своих гребнях, то опускают в пучину. Нескончаемо долго носится «ноев ковчег» Данаи по водам Эгейского моря.

О, что испытывают страстная дева и ее маленький христос! Как крепко прижимает она тельце сына: «Дитя мое, недолго было счастье мое на земле. Потерпи. Бог не оставит нас».

«Не отчаивайся, мама. Молись. Всевышний сохранит нас. Я читаю книгу судеб. Мне предстоит свершить еще много подвигов во славу Вышнего. А тебе — счастливая старость в Аргосе»

Оба, мать и сын, теряют сознание от головокружения и нескончаемых ударов. Ящик шатает из стороны в сторону. Трясет ковчег лукавый, но незримая десница Вышнего хранит обоих. Они и здесь, в морском аду, в беспросветной пучине и бездыханной ночи, счастливы.

Богopodobная Даная и ее божественный младенец, как запечатанные в консервной банке, носятся по морским волнам. Какой удел, Боже, для совершенных святых! Какие испытания для совершенных помазанников!

Буря стихает. Ковчег со святыми прибывает к острову Серифу. Его ловит в сети рыбак Диктис.

Вытащив на берег столь странный короб, он открывает его и видит неслыханной красоты богopodobную женщину, сияющую в небесных светах, и младенца неизреченного совершенства.

— Кто вы?

— Меня зовут Даная. Я дочь аргосского царя Акрисия. А это мой сын, сын Вышнего Персей.

Возблагодарили оба, Даная и Персей, всемогущего Владыку всех миров: «Ты оказал нам милость и сохранил нам жизнь».

Диктис проводил обоих во дворец царя Серифа Полидекта, брата своего.

Как звезда блистает Персей среди юношей Серифа своей божественной красотой, мудростью, ловкостью и силой, пишет Овидий. Но не упоминает: имя Всевышнего не сходило с уст его. Печать помазанника на челе возвещала о великой миссии героя.

Тем временем Полидект предлагает Данае стать его женой. Можно ли не влюбиться в прекрасную деву-мать? Полидект и слышать не хочет о ее обете вечного девства. Он столько сделал для своих прекрасных узников! Он не видел девы совершеннее. Она достойна того, чтобы стать невестой царя и быть введенной в брачные покои.

Полидект кажется Данае суровым и чуждым. Нет никого прекраснее ее божественного Жениха. Золотой дождь мирровых капель, однажды обжегший ее сердце, продолжает источаться во внутреннем ее. Нет никого равного Юпитеру.

Однажды сподобившаяся непорочного зачатия остается вечной девой.

— Полидект, я люблю тебя как царя и поклоняюсь твоей власти. Но я не могу стать твоей женой. Я дала вечный обет Всевышнему.

Серифский царь настаивает на своем. Полидект хочет взять ее измором и принудить к браку. Он смеет даже оскорблять Даная, усовещать ее, называть безумицей.

Данае предстоит новая темница. Скорбящая мать делится со своим сыном. Персей решает вступить за мать.

— Прекрасная Даная, прещедрая дочь и супруга Вышнего, святая мать моя, отчего же с детства тебя преследуют такие скорби?

Отчего такое великое страстное подается героиням и героям, посланникам Всевышнего, и боги помогают им? Оба совершенным образом девственные и неотмирские.

Персей, безотцовщина и сирота, сын Всевышнего, вступает за мать, беззащитную царицу и супругу Вышнего Даная.

Полидект решает наказать посмевшегося противиться его воле. Он посылает Персея добыть голову горгоны Медузы — чудовища, чьего взора не мог выдержать ни один из смертных.

Полидект теперь смеется над обоими и жалеет, что воспитал Персея при своем дворе. Он не верит в его божественное происхождение и невинность Данаи. С усмешкой посылает он сына Данаи на явную гибель и закатывает пир со своими друзьями.

Для Данаи начинается очередное страстное. Впервые она вынуждена расстаться со своим прекрасным мальчиком. Они двое как одно. Возможна ли разлука с сыном Всевышнего, в котором она видит самого Юпитера, царя небесной славы?

Погибнет ли Персей? Злой Полидект послал его на явную гибель. «Боже мой, — страстно молится Даная, богородица аргосского завета, дева вечного Царства, — помоги моему сыну!»

Даная остается одна. Днем и ночью тоскует она по Персею и молится о нем. Единственное утешение — Всевышний слышит ее молитву. Персей жив и скоро совершит великий подвиг. Но уже никто не может защитить деву от посягательств серифского властителя. Какие издевательства терпит Даная! Свеча ее привычного страстного разгорается еще и еще.

Она прощает несчастного мучимого земной похотью царька. Она понимает, что бедный Полидект бросает вызов Всевышнему. Она знает, какой грех берет он на себя, соперничая со всемогуществом богов...

Еще не закончилось страстное Данаи. Еще предстоит ей встретить сына вернувшегося

с победой, и с ним прекрасная дева Андромеда, спасенная от чрева левиафанова и принесенная в жертву за грехи матери своей Кассиопеи. С двумя святыми девами — невестой и матерью — Персей возвращается в Аргос.

Акрисий, услышав о возвращении Персея, бежит в Лариссу. Но удела своего ему не избежать. Инкогнито, никем не узнаваемый Акрисий посетил Аргос во время спортивных игр. Ему в голову угодил бронзовый диск, метнутый в небо могучей рукой Персея. Высоко к самым облакам взлетел тяжелый диск и, падая на землю, со страшной силой ударил в голову Акрисия и поразил его насмерть.

Предсказание оракула исполнилось. «Вещий Олег» греческой легенды умирает от руки своего внука. Персей становится невольным убийцей.

Даная оплакивает кончину отца. Какая скорбь! Опять впадает она в очередное горячее экстатическое страстное. Опять она ничего не понимает. Почему бронзовый диск попал в голову ее отца, как если бы направлением полета ведала незримая рука? Как может сын Всевышнего стать убийцей ее несчастного отца?

Ее отец был прав. Даная оплакивает его кончину. В нечеловеческом горе решает она окончательно уйти из мира и в затворе предаться молитве о загробном уделе отца. Ее небесный сын Персей, единственная радость ее земных дней, провожает мать в затвор с божественными почестями. Даная дает великому герою свое материнское согласие на просьбу посещать ее.

Опять темница. Опять затвор. Опять ни с чем не сравнимое страстное. Опять скорби. Опять ничего непонятно. «О почему. О, прости. О смилуйся.»

И опять дождь из золотых бесценных капель мирра. И непорочное зачатие в вечности, как если бы боги взяли Данаю на Олимп и причислили к лику бессмертных за ее ни с чем не сравнимую совершенную духовность, неземную красоту, великое смирение и не менее великое страстное.

А что Персей? Любимец богов должен совершить свой подвиг. Не беда, что земной мотив убог — зависть серифского царька и подлое желание убить чужими руками. Герой не боится смерти, не боится ничего.

Греческие герои, как и рыцари Круглого стола — апостолы вышней любви какой нет на земле и на небесах.

Ее провозвестницей была мать Персея Даная в своих темницах и круглосуточных аргосских и серифских пустынях, в своих диалогах с затравленным отцом, вечно окрысившимся Акрисием, и жестоким бессердечным Полидеком. Она остается в страстных пустынях, верная Всевышнему.

О Боже, какие брачные чертоги! Какая евангельская высота Премудрости!

Мессианистическая эра, или Светлоликий Персей одерживает победу над чудовищем грехоцентризма

14.08.2005 Измир

Какая пронзительная музыка и даже симфония имен! Так и повторяешь в ночной молитвенной тиши: прекрасная Леда, дева Андромеда. Афина Паллада — Премудрость Божия. Гермес, вестник богов. Священная дева Даная. Сумма девственных агнцев Полидевк.

А имена, какие имена! Беллерофонт (прекрасноликий, бог всесовершенный свет), Персей (светлоокий)... И из преисподней три лютейших лютых страшилища страшных, три сестры-гorgоны — Медуза, Стейно и Эвриала.

Души идут в царство Света, потому что пьют из световых раковин мирового океана. И идут в царство греха по вине грехоцентризма — из-за своей фиксации на греховной

преисподней, достойной дьявола и проклятых сынов и дочерей его.

Высокая дева, светоцентрическая мудрость Атлантиды вела смертельную битву со жреческим грехоцентризмом. Черты его можно найти во времена упадка духовности в Ассирии, Египте, Вавилоне, в Афинах, Риме, Москве, Киеве — в какие угодно времена и где угодно.

Светлоликий Персей, сын Всевышнего, «свет от света», рождается в мрачном подземелье помыслов аргосского царька, в укрытии на руках своей девственной матери. Как Мелхиседек — без родословной, без прошлого — сходит он с неба в земной мрак. Так бы и провел он в страстной пещере с девой-матерью детство, юность и молодость, если бы не призвание к великим подвигам.

Персей, как и во многом подобный ему Беллерофонт, солнечно светел — олицетворение светоцентризма, светоцентрического пути к Всевышнему, венчаемому жемчужиной обожения.

Светильники, помазанники подобно Христу вести приходят в этот мир лютую брань с рептилиями с вытаращенными глазами и с грехоцентрическими фарисеями, готовыми утащить мир вслед за собой в преисподнюю. Змеи эти пришли из ада, выдумали ад и желают увести в него две трети человечества.

Редко три сестры горгоны пребывают на земле. Большую часть проводят во мрачной ночи Аида под знаком бога смерти Таната.

Они — провозвестницы танатизма. В последние времена, в канун гибели цивилизации «последний кайф смерти», радость преисподней будет вершиной учения извращенцев и чудовищных перевертышей. Их кривые зеркала в последние времена будут направлены на одно: изуродовать как можно дальше творение, превратив его в обезьяну на человека, уродливую кошмарную безобразину.

Горгоны обитают там, где царит богиня ночи Нюкта и бог смерти Танат вместе со злобными мстительницами Эриниями. В запустении, в тенетах преисподней живут ужасные горгоны. Со своего серо-пустынного острова, где проводят они томительные ночи, восстанавливая силы в предвкушении будущих жертв, эти вампириши-амазонки с адского дна сходят под землю.

Медуза (единственная смертная из трех) символизирует в мистике Атлантиды и ее наследницы Древней Греции грехоцентризм богооставленного жречества — эту величайшую беду человечества, ведущую мир к гибели, запечатавшую Небеса.

Грехоцентрические «горгоны» выдумали свою православно-католическую преисподнюю и посылают туда души, фиксированные на грехе, как черви в яблоке. И птенцу в скорлупе невдомек, что есть мир помимо яйца. Как материалисту непонятно богатство духовных миров, так для грехоцентрика закрыта лестница обожения и полет в вышний мир. Одержимый безумной идеей, будто одним свечным покаянием может «спастись», стяжать дары Духа, уподобиться старцам и войти в небесную любовь, не подозревает он об универсальных законах Премудрости, о таинственных страстных помазаниях, о брачных одрах.

Победить горгон по-земному невозможно. Фундаменталистская гидра выступает во всеоружии. Истинные враги Всевышнего в настоящем веке не атеисты, грешники, преступники, не сыны Эдипа и Электры, а эти электрические демоны, притворяющиеся святыми, мафиозные жрецы, «ученые в религии». Их бог — бог смерти Танат, их богиня — мрачная Нюкта, ночь вечная, беспросветный мрак богоотсутствия. Создав свои химерические институты, они наводнили мир адовыми привидениями, задушили миллионы душ и заперли их в герметических камерах. Превратили светлый рай в богомерзкую пустыню.

Внешность горгон олицетворяет жреческую мафию времен Эхнатона и Христа.

Три эти старые карги обвиты вместо волос колючими ядовитыми змеями, с ядом

Лернейской гидры в крови и чарующим взглядом, обращающим в камень всякого, кто посмеет заглянуть в их адовы глазища. Тела их покрыты блестящей и крепкой как сталь чешуей (крепость устоев, уставов и неколебимых догматов). Пронзить эту змееву металлическую чешую может только изогнутый меч Гермеса — меч Давида, меч Грааля. Отвратительные медные руки символизируют жертвенники, где эти жрецы царства смерти совершают таинства, проклиная вестников с Неба и настойчиво предвещая своим учением о «спасении» удел геенны огненной своим последователям, вдвое худшим чем они. Загребущая рука религиозной мафии выражается в острых стальных когтях на медных конечностях Горгон. На головах у них движутся агрессивные ядовитые змеи, готовые днем и ночью смертельно жалить (яд проклятия, обрушивающийся на вестников Всевышнего от змеева отребья). На их лицах как на фашистских касках торчат шпилями два клыка, острые как кинжалы. На всегда красных губах — запекшаяся кровь жертв.

Горгоны — вампиры. Горе человеку, встреченному ими. Злодейки медными руками разрывают его на части и впиваясь в него, пьют горячую кровь жертвы. Красные глазищи их злобно вращаются, исполненные ярости и ненависти столь невыносимо ужасной, что в камень превращается всякое существо, хотя бы однажды взглянувшее в них.

Дьявольский гипноз, распространяющийся от горгон и превращающий в камень все живое, связан еще и с безмолвным воплем. Эти чудища видят врагов во всем живом.

Так описывает институциональных «добренских» и «сытенских» рептилий древняя премудрость Атлантиды.

Невдомек религиозным медузам, стейно и эвриалам, что змеи кружатся вокруг их же голов и угрожают прежде всего самим страшилищам. Им бы осознать свое змеево происхождение и увидеть бесов в себе и в своих священнических институтах. Простить всех кающихся, оставить в покое мир и начать каяться самим.

Отвратительные языки их торчат из окровавленных и ядовитых уст в предвкушении крови жертвы, а позлащенные крылья сверкают в воздухе, когда горгоны шумно носятся по небу в поисках очередной жертвы. Золотые сверкающие крылья чудовища — символ их «духовности», их «святых отец», их «патериков» и «лавсаиков». Что это? Золото небесных птиц на переливающей змеиными цветами чешуе.

Да, победить горгон не может никто. Сколько героев пало от одного их взгляда! Ведь воин, вступая в сражение, смотрит в глаза своему противнику и нанося смертельный удар, вступает в бой лицом к лицу. Но боги на стороне Персея. Ему предстоит совершить величайший подвиг — уничтожить мировой грехоцентризм, источник всяческого зла, фундаменталистской злобы и террора.

Быстрый как мысль посланник богов Гермес и воительница Афина Премудрая приходят на помощь Персею. Ослепительный Гермес дарит ему изогнутый острый меч. Сила его такова, что он как мягкий воск проходит самую твердую бронзу.

Меч из уст Мессии — слово Божества! Беллерофонт для победы над Химерой использует царственного огнекрылого коня Пегаса. Персей перережет горло горгоны мечом Всевышнего.

Слово Божие, излияние Святого Духа из рога изобилия — вот средство, против которого бессильны эти чудища мировой ночи, летучие мыши, медузы-горгоны, разноликие рептилии и хамелеоны и прочая нечисть происхождением от дьявола, прилепляющаяся «ко святому храму», к вере, чтобы совершить свое таинство прилепления ко змею.

Медный щит Афины Паллады — еще более таинственный подарок Персею. На его блестящей поверхности как в зеркале отражается все происходящее.

Горгоны были непобедимы, поскольку нельзя было вступить с ними в сражение, не посмотрев в их сторону и мгновенно не превратившись в камень. Нельзя смотреть в лицо дьяволу. Нельзя видеть грех. Зла нет. Горгон нет. Существует перед очами помазанника диск солнечный, щит медный. Взирая на его безущербно отражающую гладь, подвижник видит мир в сиятельном свете Всевышнего, что бы ни происходило. Какое таинство этот медный

щит Афины Паллады! Как он отражает все стрелы дьявола! Если не замечать греха, не замечать зла и пользоваться этим самым могущественным из всех щитов, ни одна стрела вражия ядовитая не коснется.

О медный щит Премудрости! Твой язык противоположен грехоцентризму, этой фиксации исключительно на первородном грехе, на бесах, на вечном «искупленном, но не искупленном» зле. Ничего этого нет. Но чтобы не потерять трезвение, взирай на этот мир, полный страшилищ и чудищ, через поверхность медного щита Премудрости.

Нет меча могущественнее, чем у Гермеса — разящий кадуцей глаголов огненных. И нет щита сильнее, чем у Афины Воинствующей. Блаженная Евфросинюшка углубляла идею Афинова щита своей экзотической молитвой: «На ходу да разрешится» (т.е. стрелы, пущенные в тебя, на ходу да вернутся в их пославшего и пронзят его).

«Где обитают на земле эти чудовища?» (Кто сможет обличить демонов мирового фарисейства?) Солнцеликий Гермес указывает Персею, как найти горгон. Путь его лежит в мрачную страну, где обитают старые колдуньи Грайи. Только эти столетние седовласые ведьмы знают место селения рептилий.

Грайи — церковные бабки, кощеевны за свечными ящиками. В старых этих бабках, уставницах и ключарницах, ключ к инквизиторам и фарисеям. Только они знают доступ к тайной тайных религиозной конторы.

У старух один глаз и один зуб на троих. Зато какой глаз — видения бесов! И зуб какой — прикус смертельный! Пользуются ими старухи по очереди. Пока одна из Грайй втесняет, словно стеклянный, глаз в глазницу, другие слепы, и зрячая ведет слепых, беспомощных. По очереди передают они одна другой глаз, а в момент передачи слепы все трое.

Три старухи Грайи — единственные на земле, знающие место обитания горгон. По совету Гермеса, Персей подкрался к ведьмицам, когда они колдовали на медном тазе с изображением креста и чаши и вырвал у одной из них чудесный глаз и как раз в момент, когда она передавала его другой.

О это око мракобесия, своего рода ведьмовские посвящения из сердца в сердце, из чрева в чрево, из уст в уста... Великолепно! «Третий глаз» исхищен! Светлоликий обладатель светильничьего ока Персей исхищает основное оружие православных ведьм и католических старух, этих охранниц, «хранителей» их веры.

Грайи крикнули от ужаса. Что делать им? Теперь все трое слепы. Теперь ни одна из них ничего не видит. Слепой ведет слепого и оба падают в яму.

Они просят Персея вернуть им глаз. Герой требует за это открыть ему путь к острову горгон.

Видя божественное вмешательство в тайны своего кощеева царства, Грайи не смеют противиться. Мракобесие им важнее. Без него погибнет царство мирового зла и закроется преисподняя грехоцентризма, основанная на бесконечном самокопании и бесплодном покаянии, на углублении во внутреннюю преисподнюю и запечатании внутреннего неба. Но не сказал ведь Христос-Мессия: «преисподняя внутри вас». «Царство Божие внутри вас!» А для них, грайй и горгон — царство вечного Таната и атомной ночи.

Ценой возвращенного зрения Грайи указывают Персею дорогу на страшный остров горгон и, отвратительно скаля свои зловонные челюсти, пытаются улыбаться: «Не тщись, не тщись даже приближаться к ним! Иди сейчас же с глаз долой».

Понимает Персей важность своей миссии, чувствует за собой поддержку богов. Всевышний попустил это змеево отребье, терроризирующее бедное творение. И Бог же руками прекрасных героев одержит победу над этой кастой мирового зла, над адовым змеевником, влекущим мир к гибели.

Победить этих скопищ мирового порока, привлекающих на себя зло постоянной фиксацией на грехе, Персей может с помощью дев. И девы сами приходят к нему на помощь на пути к острову мертвых, к острову трех страшных горгон, откуда живым не возвращается

никто.

Вместе с матерью своей Данаей Персей приносит обет девства. И нимфы вместе с морскими Океанидами и музами Всевышнего укрепляют его.

Три прекрасные девы несут ему на руках подарки. Шлем владыки подземного царства Аида (он сделает невидимым всякого, кто его наденет), кольчуга (вера), и забрало шлема (покаяние). Кто шлем наденет, станет невидимым (катакомбы юродства, бегство в пустыню против повального грехоцентрического ада на земле и открытого ими царства Люцифера).

Крылатые сандалии (созерцательная молитва) помогут Персею носиться по воздуху во время сражения. Чудесная сумка понадобится герою, чтобы хранить в ней ядовитую отрубленную голову Медузы, гипнотизирующую, сражающую насмерть всякого даже в погибельном своем состоянии. Чудесная сумка — новое сердце. Ум, складывающий духовные дары Премудрости.

О, тайнопись Атлантиды! Греческий миф указывает здесь на ключ победы над змеем грехоцентризма.

Никогда не желать внешней власти — только власти Святого Духа. Никаких богатств, кроме богатств духовных. Никаких удовольствий, кроме блаженств неизреченных. Никаких молитв, кроме созерцательных, дыхательных и восхищающих. И никаких других даров, кроме нового сердца с возженною в нем негаснущею восковой свечой, слагающего Премудрость Вышнего.

Вооружившись тремя дарами нимф (доспехи веры, крылатые сандалии молитвы и чудесная сумка — сердце), мечом Всевышнего и щитом Премудрости, Персей совершает величайший подвиг.

Надел герой крылатые сандалии, шлем Аида, перекинул через плечо чудесную сумку, изменяющую размеры в зависимости от того что в ней лежит, и полетел по воздуху к острову горгон.

Из трех злодеек смертна одна, Медуза. Увидев ее полуспящую с шевелящимися змеями вместо волос, с быстротой молнии бросился Персей на крылатых сандалиях на Медузу и, смотря в медный щит Премудрости, отрубил ей голову. Взял не глядя погибельную голову чудовища и бросил в сумку.

Гидра грехоцентризма уничтожена! Не глядя в лицо своему врагу, смотря на ясный щит, Персей освобождает мир от оков внутреннего мракобесия.

Земля свободна для духовного полета! Скорее, Роза серафитов! Пречистая, Твой час! Брачный Одр да опустится с вершины Соловьиной горы и найдет на мир, как алтарь Богоцивилизации III!

Другой подвиг предстоит сотворить Персею: освободит он прекрасную деву, Андромеду, так напоминающую ему его мать Даная.

Как и Даная, дева невинная Андромеда отвечает за грехи родителей. Некогда мать ее Кассиопея прогневала морских нимф тем, что сочла себя красивей и прекрасней божественных дев. Нимфы пожаловались царю морской державы, и Посейдон наслал на Эфиопию — царство Кефея и жены его Кассиопеи — левиафана, морское чудовище, исполинскую рыбищу. Плачем и стонами наполнялась земля, когда морской зверь выныривал из пучины и опустошал все живое.

В оазисе Ливийской пустыни обитал оракул Зевса Аммон. К нему обратился измученный горем народ. И оракул возвестил следующее: пусть Кассиопея принесет в жертву левиафану дочь свою Андромеду, и тогда прекратится гнев Посейдона.

В ужас пришла Кассиопея. Стала рвать на себе волосы и каяться, признавая свою вину. Она сама готова принести себя в жертву и броситься в пасть чудовищу. Но народ требует исполнять волю Всевышнего, изреченную оракулом в Аммоне. В жертву должна быть принесена прекраснейшая Андромеда, сиятельная дева.

Такой и застал ее Персей.

На крылатых санадалиях с трофейной головой Медузы в чудесной сумке летит Персей в Аргос оповестить о своей победе Полидекта и увидеть бесконечно любимую мать свою Данаю. Вдруг видит деву, прикованную к скале. Крупные слезы катятся из ее глаз.

Как напомнила Андромеда мать его Данаю! Подобно ей, должна она погибнуть в цвете юности, отданная в жертву морскому зверю. Прекрасная как статуя из белого паросского мрамора, как изваяние из слоновой кости, она кажется ему божественной девой. И он принял бы ее за изваяние, если бы не крупные слезы, падающие из ее очей.

С восторгом смотрит Персей на Андромеду и влюбляется в нее. Андромеда — вторая после матери его Данаи священная дева, достойная его священной любви.

— Что с тобой, прекрасная дева? Кто приковал тебя к скале?

Левиафан — православный образ морского змея, заглатывающего жертв в свое адское чрево. Второй подвиг Персея также связан с победой над православной преисподней. Светлые души идут в морскую державу и сподобляются откровения Сокровищницы тайн, а не в пасть к огромному мерзкому левиафану.

Мечом Гермеса трижды пронзает хищное чудовище Персей и вместе с Андромедой возвращается в Аргос.

Радость его беспредельна. Две девы теперь окружают светлого героя — Даная и Андромеда, одна другой прекрасней, чище и духовней. Персей счастлив среди них. Он становится царем Аргоса. И Даная души не чаёт в Андромеде, а Андромеда, устав от навязчивой заботы святых земных родителей, Кассиопеи и Кефея, спешит в объятия Данаи как своей духовной матери. Даная наставляет ее о великих тайнах старчества и посвящения Всевышнему.

Через супружество Персею Андромеда готовится к другому, вышнему супружеству. И Даная, как миропомазанная полубогиня, вручает ей жемчужину священнотеогамии — таинственный камень, обручающий Всевышнему. Даная, Андромеда распространяют в Аргосе царство вечного девства.

Сколько девушек пленяется идеями высших помазаний! Даная рассказывает им о чуде непорочного зачатия, о необходимости страстного и смертной тоски. Нужно пройти ад и рай и сочетание их в одно. Не бояться ничего. Непорочное зачатие может произойти и в смрадном бараке и в концентрационном гулаге — никакие обстоятельства не могут ему препятствовать.

Девы устремляются за Данаей и преупокоенно переживают состояние смертной тоски. После чего становятся невестами Всевышнего, и премудрый помазанник царь Персей дарит им обручальные кольца в знак их обручения Всевышнему. Теперь предстоит им испытать одно из 15-ти таинственных зачатий, будь то «пчела», «белая лебедь», «золотой дождь», «мировая капель», «расплавленная жемчужина» или «возгретая белая пыльца», пронзения огненным кадуцеем и растворения в мировых купелях...

Аргосское царство в пору правления Персея, Данаи и Андромеды возблагоухало, как остров блаженных на земле, как мессианистическая страна в пору расцвета вечного девства и как ни в какие времена близости Всевышнего.

Сказание о Персее вводит человечество в мессианистическую эру, когда зло (грехоцентризм) исчезнет и не останется в мире ни одной Горгоны Медузы с окровавленной ядовитой головой, Химеры, Гидры, ни одного Бешеного Пса, ни одной старухи Грайи. Зло исчезнет и водворится мир Мессии, а с ним новое человечество.

Придет Царство Христа.

О, светлое царство Всевышнего!

Кефал и Прокрида

14.08.2005 Измир

Афинский царевич Кефал великолепен, строен и дивно красив. Юноша божественного происхождения, сын Гермеса и девы Херсы, жрицы Афины. Его сердце безраздельно отдано возлюбленной жене, прекрасной Прокриде. Ее одну он любит, о ней одной думает. Имя ее не сходит с уст его.

Кефал и Прокрида неразлучны. Но какие испытания предстоят влюбленным!

«Далеко по всей Греции славился Кефал своей дивной красотой. Славился он и как неутомимый охотник. Рано, еще до восхода солнца, покидал он свой дворец и юную жену свою Прокриду и отправлялся на охоту в горы Гимета...»

Однажды во время охоты увидела прекрасного Кефала розоперстая Аврора, богиня утренней зари Эос. Пленилась богиня красотой юноши, похитила его из Афин и увезла в свои чертоги где-то на краю земли.

Но Кефал смотреть не хочет на богиню утренней зари. Оставляют его равнодушным великолепные дали, открываемые ею. Его душа тоскует по прекрасной и девственной Прокриде.

Достойный богов Кефал ощущает себя обычным смертным. Божественная любовь для него проигрывает супружеской. Никакой другой он знать не хочет. Она и есть единственная божественная. Ревнует Эос к Кефалу, но тот и слышать ничего не хочет. С горечью Эос отпускает Кефала в Афины.

— Хорошо! Вернись к своей Прокриде. Но познаешь ты неверность смертных. Боги верны до последнего, а смертные — изменники и продажные рабы. Испытай Прокриду, и найдешь подтверждение моим словам.

Лукавая Эос женской логикой прочла ревностную боль в сердце Кефала. Посеяла в нем семена сомнения. «Посадила» что-то ревнивая богиня Кефалу.

Что только не сделаешь по велению безумной любви! Кефал до неузнаваемости изменяет свою внешность, проникает в дом к Прокриде и предлагает ей свою руку.

— Твой муж предал тебя и бросил, — говорит он. — Забуди его! Уйди от него и стань моею женою.

Ничего не хочет слышать Прокрида:

— Я люблю одного Кефала и верна ему навеки. Где б он ни был, живой или мертвый, я останусь ему верна и никогда не предаю его.

Но чем-то тронул незнакомец Прокриду. Она услышала его голос.

— О этот голос! Он напоминает мне Кефала. Его манеры, его душа — в них что-то от него. Изменю ли я мужу, если увижу в этом настойчивом влюбленном моего Кефала?

И верная Прокрида склонилась на просьбу незнакомца.

Тогда Кефал воскликнул:

— Неверная! Я муж твой, и я сам свидетель твоей неверности. Ты предала меня!

Прокрида оставила дом мужа. Ушла она в свиту богини Артемиды, стала вместе с нею охотиться на диких зверей. Артемиде дала ей чудесное копье, что всегда попадало в цель и само возвращалось к бросившему его.

Но не в силах был разлучиться с Прокридой Кефал. Разыскал он свою жену и опять зажили они вместе. А копье Артемиды Прокрида подарила мужу.

Однако пришел черед и Прокриде испытать Кефала. Как-то шел он по лесу и пел: «О сладостная прохлада, приди ко мне! Приблизься, прохлада, полная неги, и развеи палящий зной. О небесная ты моя отрада, ты хранишь меня! Ты сладостное дуновение Всевышнего».

Кто-то из недругов услышал пение Кефала и донес Прокриде: «Муж твой призывает некую лесную нимфу по имени Прохлада!» Опечалилась Прокрида. Вначале Кефал променял ее на богиню Эос, а теперь на какую-то нимфу.

Не может быть! Ее обманывают. Она должна сама удостовериться. Прокралась Прокрида в лес и спряталась в кустах.

Вот появился Кефал. Он сладко распевал:

— Полная ласковой неги прохлада! Приди и прогони мою усталость, и омочи ноги мои в священных водах!

Но что это? Ему послышался чей-то тяжелый вздох. Кефал остановился, прислушался, но потом снова запел:

— Спешу ко мне, желанная прохлада!

Как только прозвучали эти слова, зашевелилось что-то в кустах. Решив, что это дикий зверь, Кефал бросил на звук не знающее промаха копьё Артемиды. Громко вскрикнула пораженная насмерть Прокрида. Узнал ее голос Кефал. Каков же был его ужас, когда обнаружил он в кустах истекающую кровью жену!

Умирает на его руках Прокрида. С последним вздохом просит она рыдающего супруга:

— Кефал, умоляю тебя святостью уз божественного нашего брака, силой нашей любви: не впускай никого в наш дом, и особенно ту, чье имя только что призывал.

Понял Кефал, как была введена в заблуждение Прокрида. Но уже затуманился взор ее. И нежно улыбаясь Кефалу, упокоится Прокрида на руках его.

Как долго плакал безутешный Кефал! «Убийца! Я убил свою жену. Я убил свою любовь. О, что я сделал, что я сделал! Как я смел? Всею виной я. О сладчайшая Прокрида, я люблю тебя еще больше!»

Кефал покинул Афины и уехал в Фивы. Там он совершил многие подвиги, но ничто не могло его успокоить. Ждал он часа соединиться с Прокридой и вернуть их вечную безумную и неразлучную любовь. «Придет мой смертный час, думал он, и я сойду в царство теней. Там встречу я свою прекрасную жену, и уже ничто не сможет больше нас разлучить...»

Осквернили христиане девственных греческих богов. Но приписав им козлиную похоть, осквернились сами, и дважды осквернились, отвергнув приснодевственную Вестницу. Мать, сходящую с Неба для непорочного зачатия Своих детей, заменили чревом институциональной блудницы и породили гомункулов и упырей, наводнивших мир.

Прекрасны греческие боги. Непорочно зачинают девы. Рождаются свыше герои.

Кефал, сын бога Гермеса и дочери Кекропа Херсы, неопикуемой красоты неустоимый охотник, безумно влюбленный в свою жену Прокриду... Образ этот надо понимать так: мать его Херса была посвящена архангелу Гавриилу древнего мира, богу Гермесу, и этот быстрый как мысль ангел благовестия сподобил ее непорочного зачатия. Дальнейшее поведение Кефала показывает именно его сходжение свыше. А страстная мистерия между Кефалом и Прокридой изображает вышнюю любовь совершенств в земном супружестве.

Невозможно не влюбиться в греческие истории. Они от начала до конца безумны. Если любовь — то неистовая, непонятная миру, до последнего, чтобы сильнее смерти. Муж нечаянно, не желая того, пронзает сердце своей жены копьем, подаренным ею. И верная, умирая на его руках, просит хранить святость супружеских уз и посылает ему прощальный поцелуй. Но смерть, временная разлука делает их только ближе. Если обоим им сойти в Гадес или взойти в Элизиум, то лишь затем, чтобы наслаждаться вечностью божественного брака.

Аполлон и Гиацинт, или Божественность дружбы

16.08.2005 Измир

Ну что, что мы знаем об олимпийском огне? Что его несут спортсмены по улицам мировых столиц перед всемирными Олимпийскими играми?...

О олимпийский огонь вышней любви! Опьяняющий олимпийский, аполлонический,

дионисийский Грааль!

Где Чаша Всевышнего? На дне Морской Державы? В Белом Замке из слоновой кости с перламутровой инкрустацией? В Атлантиде, ожидающей часа своего восхищения со дна морского к престолу солнечной Богоцивилизации?

Погас огонь небесный в сердцах людей. И превратились они в летучих мышей и гомункулов. И тьма тьмущая сошла на землю накануне светопреставления...

О Священноминэо -
любовь какой нет на земле!
О дважды Священноминэо -
любовь какой нет даже на небесах,
в солнечных и ангельских мирах!
О трижды непостижимая, запредельная Священноминэо -
возможная единственно на новой земле,
среди обоженных теотических существ.
Их нет.
Их больше чем достаточно.

Их сходит в 50 раз больше, чем необходимо чтобы спасти мир. Но на каждого из помазанников поставлено по тысяче негроидного типа лысых египетских жрецов, любителей приносить человека в жертву ради умилоствления богов.

О да, от Второй Соловецкой (потому дьявол боится ее как огня!) разгорится свеча третьего Священноминэо — невозможного ни на небесах ни на земле, возможного на Соловках, в неописуемых солнечных, страстных, просветленных пребожественных мирах, в новых сердцах, в распечатанных бессмертных телах.

Знает ли земля, открыта ли ее обитателям наивысшая тайна Премудрости — цель, с которой сходят на землю помазанники? Ради спасения мира? Да. Ради просветления его, преображения, улучшения? Да. Но есть и другая цель, сокрытая. Обоженные, богоподобные, «богоравные», богоблаженные, в сияющих светах, в бессмертных телах, ангелоликие сходят в мир еще и для того, чтобы познать на земле то, чего нет на небесах.

Подвиг, совершенный Христом — смерть из любви во спасение человечества — был бы невозможен на престоле Троицы, среди бессмертных и вечных Трех Лиц. После таинственного, препрославленного, трижды и миллионкрат умонепостижимого искупления, совершенного Спасителем, Христос вознесся в еще более небывалые миры. Неслыханно прославил Он Всевышнего и был прославлен Им...

Христианство в лучших его образах (линии беглецов-катакомбников от Иосифа Аримафейского и Марии Магдалины) хранило Божество неслыханной любви, эту величайшую тайну мироздания. Не отводили взора они от Госпожи своей Премудрости: только в Ее храме хранится великая Иерусалимская свеча страстного, а вне сердца Премудрости гаснет. Задолго до откровения Непорочного Сердца в XVI веке боговидице Марии Алакок превозносили два сладчайших жемчужинных мировых Сердца Иисуса и Марии.

Питание свыше. А слезы текут и текут. Больше не могу!... О, еще и еще...

О вершина познания, о предел блаженства! О вождение невест Христовых — Священноминэо, любовь какой нет ни на небесах ни на земле, превосходящая все виды любви, в том числе и небесную агапэ.

Аполлоны, Гермесы, Евфросинии, Иннокентии, Серафимы Умиленные сходят в мир с умонепостижимыми целями: через жертву во имя ближнего, через заклятие силой безумной таинственной любви, диктуемой им откровением Святого Духа, через рог изобилия Премудрости достичь заоблачных высот Царства Небесного. Превзойти ангелов и серафимов, окружающих престол Всевышнего.

Дискредитировав Священноминэо (девственною влюбленность в тысячах ее проявленностей на земле), приписав ее к роду земных страстей, христиане лишили себя крыльев и свели духовность к аскетической молитве о прощении грехов. Дальше первой ступени (обращения) эта тупиковая духовность не ведет.

Злодеи-инквизиторы за годы своей власти над миром потрудились над тем, чтобы уничтожить тысячи светильников. Но неисчерпаем божественный потенциал. Таинственная кладовая обновляется по мере принесенных жертв. И число теотических святых, практиковавших высшие формы Священноминэо, становится все больше. В последние времена их сойдет вообще неописуемо много. Мир ими более чем спасется от бедствий и уничтожения: обоожится, достигнет высочайшей степени духовности и восхитится с солнечным светом Богоцивилизации.

Обоженные, совершенные, боги сходят на землю и прививаются к избранникам по мере их рождения свыше с целью передать смертным любовь, существующую на небесах, в непорочных вечных, просветленных, аллилуйных мирах. Эта ступень называется первой Священноминэо, или агапэ. На этой ступени святые проповедуют Евангелие Царства, рассказывают о том, что на небесах не женятся и не выходят замуж, отстаивают истинный образ веры, проповедуют притчами, совершают чудеса и исцеления в знак истинности своего призвания и миссии. Часто они прославляются миром. Но большей частью уходят безвестными и непонятыми.

Выше этой первой Священноминэо (Христос раскрыл ее в 3 года Своего служения) — вторая ее ступень: любовь, какой нет и на небесах. Свеча страстного разгорается еще и еще. И уже подвижник не может остановиться. Уже жаждет светильник быть закланным.

«Жаждет душа Моя крещения огненного, взойти на крест!» — опьяненный безумием высших степеней Священноминэо говорил Христос Своим ученикам. В солнечных светах Священноминэо возвещал на Евхаристии: «Примите Кровь и Плоть Мою из Чаши».

Вторая ступень Священноминэо — принесение себя в жертву из любви. Помазанник уже не может, уже жаждет взойти на крест, умереть. Принесение себя в жертву из любви невозможно на небесах, где нет смерти и нет священнострастного.

Через агнчую жертву из любви к ближнему (напр., мученичество или благородную кончину на поле сражения) душа прилепляется к Всевышнему. Неописуемо! Удел агнца — заклание во имя ближнего — выше небесного. Агнец Божий превосходит ангельские чины. Бессмертные существа ограничены в своем божественном потенциале. Они не могут принести себя в жертву. В силу того что вечны, они не могут умереть и взойти на более высокую степень.

Их схождение на землю и таинственная успенская кончина из любви ведет к неописуемым последствиям. Через священное страстное, принеся себя в жертву на земле, они достигают ступени сочетания Всевышнему и познания Его, невозможного на небесах.

Нельзя постичь небесный мир в его диалоге с земным без этой наивысшей тайны двух Священноминэо. Светильники сходят с неба не только затем, чтобы помогать. Они жаждут познать Всевышнего бесконечно, еще и еще. Знают, что путь к превышенебесным сферам лежит через земные шипы, стрелы, терновые венцы и голгофские гвозди. Но велика слава их, и прославляются Всевышним в свидетельствах вышней любви.

О, нет на земле ничего кроме нее! О ней одной, поверь, стоит думать. Ей одной предаваться.

Но как непросто войти в нее! Мудрейшая Атлантида заключала 5 ступеней лестницы обоожения. Универсум, превыше него ничего нет. Божественные миры нескончаемы. Бог был миллионкрат ближе к человеку, чем в эпоху греков и римлян, не говоря о христианских и тем более настоящих временах. И человек в измерении «4,5», «5,5», «8» — в невероятных, умонепостижимых измерениях близости к Всевышнему — творил чудеса. Схождение богов и помазанников на землю и возвращение на блаженные острова и олимпийские престолы было доступно и понятно для тех людей.

1. Обращение начиналось с часа пришествия в мир и завершалось с последним земным

вздохом. Внутри него различалось 50 ступеней: отвержение очес, раскрытие ума, сердца, прохождение испытаний, раскрытие внутреннего потенциала, чтение по небесным свиткам, хождение в иных мирах, пророчества и предсказания.

2. Покаяние входило в школу Универсума Премудрости и заключало тайну искупления, невозможную без Учителя, без Другого, без путеводителя. Тайну прощения грехов: великий вопль в пустыне и приобщение к высотам горнего Олимпа (где только и могут быть прощены грехи, а прочее — ловушки фарисейские).

Покаянием не ограничивались. Умиленными слезами, прозрением на грехи и даже очищением от них далеко не завершался путь святых атлантов. Жаждали они всем существом своим (3) посвящения в вечное девство. Вождели его. Не находили слов описать блаженства при открытии девственных миров.

Целомудрие открывало им другие возможности, другие небеса. Начинались (4) помазания в крест как ключ к Царству Небесному, перевод в страстное и открытие тайн Премудрости через приобщение к Ее сферам, через особые посвящения Ей.

И начинался путь великого подвижничества, великой скорби в пустыне испытаний, юродства, отречения от прежних форм святости — пока наконец, помазание и умащение благовонными маслами не переходило в ступень совершенной невесты Всевышнего, Священноминэо. И подвижник сподоблялся жизни в вышней любви. Его заочно, по сути, прежде времени причисляли к лику обоженных, если ему удавалось пройти 4 ступени от обращения до помазания и стяжать венец совершенства.

Ничто земное уже не представляло для него ценности. Сердце такого непрестанно находилось в излиянии блаженств небесных.

...Аполлон любил Гиацинта, сына спартанского царя, и другого аристократического юношу — Кипариса. Овидий в «Метаморфозах» описывает как Аполлон учил их игре на кифаре и проводил много времени в спортивных состязаниях и божественных беседах.

Почему Аполлон оставлял олимпийских богов и приходил в Спарту к Гиацинту? Сердце этого божества света, великого ревнителя правды и суда Всевышнего, сгорало от любви. Аполлон желал смерти. Он подобно Христу жаждал более чем передать искусство муз и нимф — желал ценою жизни передать божественный свет.

Аполлон любил смертных больше богов. Умирать из любви доставляло ему наивысшее блаженство. Могут ли это понять обычные смертные? Но таковы теотические (брачночертожные) высшие существа, именуемые помазанниками, избранниками Мессии-Христа.

О священная дружба, исчезнувшая давно с лица земли!

Отношения мужчин понимаются сегодня примитивно. Собрались двое или трое — криминал, солдаты, воры или гомо... Меркантилизм и мамона погубили человечество. У людей исчезли высокие цели. Духовность предельно пала, а с нею умерло и самое святое, что есть у человека: дружба.

Ближний, посланный с неба как ангел. Второе «я». Душа-сестра... О радость наслаждаться пребожественным диалогом! О жемчужины, еще и еще сыплющиеся с неба! О радость непрестанного общения, неисчерпаемого в своем потенциале! Все богатства земные можно было бы отдать за одного друга, если Бог его пошлет.

Древние знали об этом и ценили дружбу, ее неисчерпаемые кладези превыше всех земных богатств. Друг восхищал на небеса. Друг есть наивысший дар от Бога. Друг есть тот, через кого Всевышний говорит с тобой. Друг залечит все раны и травмы. Вместе с другом пройдешь ты счастливо испытания на земле. Никогда не будешь одинок, непонят, брошен, никому не нужен. Никогда не впадешь в уныние: всегда с тобой рядом рука истинного друга.

Но сколь велик потенциал дружбы! Ее основа — девство, непорочность, Священноминэо. Не смейте даже и помышлять о дружбе между юношами или мужами, отроковицами или женами, если они не принесли вышние обеты и не посвящены всецело

Богу. Их дружба будет носить характер «эгоизма вдвоем» и не принесет никаких благ в конечном счете, служа оболыщением.

Истинная дружба предполагает высокие идеалы: жертвенность, благородный нрав, готовность умереть за ближнего, разделить его крест и неотмирские юродивые ходы типа донкихотских ветряных мельниц, юродивого рыцарства в миру.

Нет в ней ни малейшей похоти, никакой своекорысти. Ничего личного и хищного. Она невозможна в человеческих образцах и нереальна даже в божественных. Если сам бог Аполлон недоумевает, каким образом брошенный им бронзовый диск мог попасть в голову прекрасного Гиацинта — о, что можно понять в этих отношениях? Но блажен кто войдет их тайными вратами и насладится общением истинной дружбы.

Ничего другого не нужно человеку. Но как непросто ее достичь!

Нищета духа — первое ее условие. Нет между друзьями меркантильных отношений. Упаси Боже примешается мамона и возникнет что-то свое в ущерб ближнему. Напротив, здесь непрестанно жертвуешь собой: отдаешь последнее, снимаешь последнюю рубаху. Здесь радость испытываешь только от того что служишь.

О, не было на земле такой любви между мужами. Чем она разрешится?...

Гиацинт жил одной дружбой с Аполлоном. Игра на кифаре, искусства, науки, тайны Всевышнего были только содержанием, которым наполнялась эта божественная любовь. Часто расспрашивал он о жизни богов и просил Аполлона рассказывать о его подвигах, о множестве великих судов совершенных, объяснить причины жестоких приговоров одним и несказанных милостей другим. Но Аполлон редко отвечал, а больше улыбался и молчал.

О чем были их нескончаемые беседы? О музах — Каллиопе, Урании и Мельпомене? Или Аполлон рассказывал Гиацинту о своей схватке с Гераклом за священный трезубец, обладатель которого получал дар пророчества? Или с горечью рассказывал своему земному другу о троянском жреце Лаокооне, предупредившем жителей Трои об опасности, исходящей от деревянного коня, и удушенном морскими змеями? Или как наказал Атлант жалкого сатира Марсия, вызвавшего самого покровителя муз на соревнование в игре на кифаре?

— О, бедный Марсий! Аполлон, расскажи о нем.

— Марсий был злодей от начала. Богиня Афина Паллада изобрела тростниковую флейту, но игра на ней не доставила ей никакого удовольствия. Внезапно богиня увидела, что от игры лицо ее становится безобразным. «Этот инструмент не может славить Всевышнего, — сказала она о тростниковой флейте и бросила ее. — И да будет навеки проклят тот, кто поднимет эту флейту и захочет играть на ней».

Не велено пользоваться музыкальным инструментом, не благословенным Всевышним! Не велено играть на флейте, гобое, клавесине, синтезаторе или рояле, если извлекаемые звуки обезображивают лик Всевышнего и, разумеется, самого исполнителя. Не велено. Прокляты такие.

Марсий был из числа современных рок-певцов. Этот завистливый блудник-сатир хотел превзойти своих современников. Премудрость открыла Марсию о проклятости тростниковой флейты. Словно застывшая змея лежала она на траве. Кожура ее блестела под лучами утреннего солнца. Искусился Марсий гордостью и поплатился за нее.

В своем сумасшествии он решил, что достиг совершенства в игре на инструментах, так что может соревноваться с олимпийскими богами, и вызвал меня на соревнование. Друг мой, я предупреждал Марсия о безумии его поступка. Но он ничего не хотел слушать: гордость сделала его безумцем. Всевышний наказал его ужасным образом. Слуги небесные заживо содрали с него кожу и повесили ее на дерево.

— Но почему так жестоко был наказан Марсий? Почему не пощадила его Премудрость?

— Степень его безумия была такова, что иначе невозможно. Запомни, Гиацинт: суды Божии абсолютно, в высшей степени милосердны. Они предполагают тысячи различных

версий. Из них выбирается оптимальная. В глазах человеческих она кажется иногда жестокой и непонятной...

О вдохновение Святого Духа! Гиацинт пребывал в блаженстве от нескончаемых божественных бесед. Гиацинт обоживался. Аполлон преображался в солнечных светах перед своим другом, восхищал его в небесные миры.

Их связывали неземные отношения, от века брак двух душ. Никакие слова «любовь», «эрос», «близость», «общение», «диалог» не могут определить эти отношения, именуемые девственной влюбленностью — неопишущим влечением бессмертного божественного существа к земному смертному, и земнородного к божественному.

Как может смертный вынести огонь такой любви? Приходя к Гиацинту, Аполлон передавал ему божественный огонь своего сердца. В пламени этого огня творили музы, хороводили нимфы, раскрывались великие тайны и блистал престол самого солнечного владыки миров видимых и невидимых — миродержца Юпитера. Аполлон щедро дарил Гиацинту частицы обожения. Входил в его сердце и желал сделать Гиацинта равным себе, богом, для чего был готов принести себя в жертву, умереть из любви.

Божественный потенциал в человеке может раскрыться только в условиях исповедального диалога, когда две души напоены благодатью Всевышнего и живут одна в другой. Они сочетанны в одно и потому не мыслят разлуки. Они знают: ни смерть, ни ад, ни воля Вышнего не разлучит их.

— О Гиацинт, если бы я был смертным как ты, я бы принес себя в жертву любви.

— О Аполлон, нет для меня большей радости чем умереть из любви к тебе. Быть может, так будет искуплена хотя бы малая доля моих грехов. Я смогу достичь Олимпа, и мы будем неразлучны.

...Но почему Аполлон, которому дано омыwać скверну пролитой крови, совершать суды Божии, наказывать одних и исцелять других, — почему Аполлон не освободит Гиацинта от бремени грехов?

Есть в этом некая сладчайшая тайна. Пусть Гиацинт через свою греховность, через некую цельность, слепленную в имени 'Гиацинт' со всеми его за и против, с грехами и добродетелями, сам достигнет того чего желает. Воздействие извне отдавало бы дешевым автоматизмом и не принесло бы благ его другу.

Не было часов более блаженных, чем когда друзья проводили время друг с другом в божественных беседах. Златокудрый Аполлон оставлял свои занятия бога высшего света. Совершенный и великий на Олимпе, спешил он к своему земному другу. Гиацинт забывал о своем предназначении стать царем Спарты, о долге перед отечеством и отцом. Нет, для него существовал только один Аполлон.

— Умереть в твоих объятиях, о божественный, и быть восхищенным на Олимп! Быть может, так я отблагодарю Всевышнего за чудо общения с Его божественным вестником. Мы ведь навеки сочетанны, правда? Ты, блистательный Аполлон, олимпийский любимец. А я, жалкий смертный, сойду в глухой и мрачный подземный мир. Неужели нам предстоит вечная разлука? Или я когда-нибудь дождусь, что мой светлый друг Аполлон посетит своего Гиацинта в царстве теней? Нет! Нет, нет! Бог никогда нас не разлучит. Всевышний что-то сделает, чтобы мы были неразлучны! Небесная любовь неразлучна, не правда ли, Аполлон?

Не возникло такой дружбы между Аполлоном и Дионисом, Аполлоном и Гераклом. Между богами невозможна, а между бессмертными и смертными она прекрасная царица. На челе ее венец. Уста ее великолепны. Они вдохновение Святого Духа.

Кто ближний? Таинственный близнец. Всевышний в нем.

Знает атлантический мир «тайну Трех» (по Мережковскому): сочетаться с Вышним можно только через ближнего. Конечная цель истинной дружбы — прилепление и сочетание в одно с Всевышним через нескончаемое прилепление и бракосочетание друг с другом.

Эту неизъяснимую тайну и хранят двое божественных влюбленных: Аполлон и Гиацинт.

О сколько раз клялись друзья в готовности умереть из любви друг к другу! Но могли ли

они предполагать воистину непредсказуемые ходы Премудрости?

Вот как распорядилось провидение судьбою этих двух божественных влюбленных, этих совершенных мужей славы при идеальных человеческих отношениях, невозможных на небесах и на земле.

Как-то друзья соревновались в метании диска. Первым бронзовый диск бросил могучий Аполлон. Высоко к небесам взлетел диск, точно солнечный, засверкал как звезда и полетел на землю.

Гиацинт не может отвести от него глаз. Что это? Не превратился ли бронзовый диск в сияющее солнце? И ослепленный неистовой радостью Гиацинт бежит за диском. Вот-вот он схватит солнце на руки и будет пить от его божественных лучей!... Со страшной силой диск ударяет в голову Гиацинта. Кровь хлещет рекой. Темные кудри прекрасного, равного красотою самим богам-олимпийцам юного царя Спарты окрасились алым.

Аполлон в божественном страстном. Он подбегает к другу, приподнимает его, кладет окровавленную голову к себе на колени. Помазует маслами, творит молитву, прибегает к помощи Всевышнего... Но ничего не может сделать. Он не может даже остановить льющуюся из раны кровь.

Даже боги бессильны перед любовью. Любовь выше богов, поскольку их, бессмертных, она возводит на еще более высокую ступень.

Где сила твоя, могущественный Аполлон, вершащий судьбы смертных вестник Всевышнего? Как велика пренебесная любовь и каким жалким, слабым она делает влюбленного! Сколь таинственен ее язык!

Напрасны попытки Аполлона остановить кровь, хлещущую из раны, и исцелить своего друга. Поцелуями покрывает он лицо Гиацинта, но Гиацинт угасает на глазах друга. Ясные глаза его меркнут.

Аполлон слышит из уст своего ученика блаженнейшие слова:

— Так вот как рассудила Мать наша Премудрость! Теперь мне будут прощены грехи. О Аполлон, я благодарю тебя. Через то, что ты сделал, боги Олимпа примут меня в свое царство.

Что это? О священнобезумие Премудрости! Разве не помазаннику положено умереть из любви к своему ученику, чтобы тот взошел на ступень помазанника? А здесь — другое. Божественный учитель Аполлон становится невольным убийцей своего ученика, и ученик блаженствует в объятиях своего друга-учителя.

Какая успешная кончина! Лицо Гиацинта преображается. Он не испытывает никакой боли. Он отдает свою кровь до последней капли возлюбленному другу. Это вершина любви-Священноминэ: Последняя Капля.

...На кресте
сочетайся во Христе.

Аполлон в отчаянии.

— Нет, нет! Ты не умрешь, мой прекрасный друг, мой Гиацинт, ликом прекраснейший богов, мудростью превосходящий олимпийцев! О горе мне, горе! Я стал убийцей друга. Зачем я бросил диск? Как теперь я искуплю свою вину перед тобой? О если бы я пришел в мир смертным и мог умереть из любви к тебе! Не лучше ли мне сойти в безрадостное царство умерших, чтобы быть неразлучным с тобой? О зачем я бессмертен? Как я хотел бы оказаться на твоём месте, Гиацинт, и умереть в твоих объятиях...

— Ты живешь во мне, божественный мой, сладчайший мой, возлюбленный мой, бог мой. Я умираю на твоих руках. Пребожественный и брачный одр — вершина Теогамии. Разве не этому учил ты меня?

— Но только не так!!! Смерть от моей руки... О Боже, Боже вышний, почему Ты

рассудил так?!

— Смерти нет. Значит, Премудрость так решила. То, что ты сделал — самое прекрасное из твоих деяний. Теперь мы будем неразлучно вместе, правда, Аполлон? Прости и не забывай меня, мой безумно любимый. Я еще докажу тебе свою любовь. И все, что ты вложил в меня, откроется, мой неразлучный — правда? — вечный мой возлюбленный.

С этими словами Гиацинт умирает на руках Аполлона. Благоухание разливается повсюду.

«Я просил у Всевышнего кратчайшего пути искупления. И Он открыл его мне», — вспоминает Аполлон слова Гиацинта. И его последнее: «Мы теперь одно. Одно, одно. Я достигну Царствия».

Аполлон подает последний поцелуй Яхвесвоему возлюбленному.

— Память о нашей любви, божественный Гиацинт, навсегда сохранится в истории человечества.

На месте успения Гиацинта расцвел прекрасный цветок. Лепестки его сияли, как роса от слез Аполлона.

В неслыханных, неопишуемых обстоятельствах Бог оказывается убийцей. Не человек безвинно убивает Бога (как в христианстве), а бог нечаянно, безвинно убивает Своего любимого ученика!

Но... ничего нельзя понять: Гиацинт счастлив! В предсмертные минуты он постигает вершины Священноминэо. Их отношения могли бы продолжаться еще век и треть века, но не достигли бы такой таинственной близости и пребожественного брака, как за четверть часа страстного с излиянием последней капли.

От нее, говорит Овидий, расцвел прекрасный цветок гиацинт, чтимый в языческих мирах в память о смерти и воскрешении природы. Но это только метаморфозы и условности. Важно другое.

Существует иной тип отношений между людьми. Иные интересы. Иные возможности.

Жизнь может стать прекрасной, если человек пожелает увидеть в ближнем друга, в жене друга. И вложит в священное понятие дружбы божественный смысл, какой в него вкладывали древние.

...Аполлон в безумном страстноом. Его ум помутнен. Он ничего не понимает. То, что со стороны казалось бы ему оправданным, невероятно. Как искупит он свою вину? Кто снимет с него скверну пролитой крови любимейшего существа? Как сможет он теперь смотреть в глаза своей сестре-богине Артемиде или Афине Палладе?

Аполлон решает оставить солнечный Олимп. Он недостойн звания божества. Подобно Деметре, уходит он в мир. Юродствует, нищенствует. Ему доставляет радость когда ему плюют в лицо, не узнают, проклинаят, бросают обглоданную кость как псу, обходятся как с последним презренным рабом. Быть может, так он сможет искупить свою вину.

Аполлон понимает высоту логики Гиацинта, но не может перенести разлуки. Никакие доводы, никакие аргументы не могут его убедить.

Смятение в стане богов. Земной мир приходит в хаос. Несправедливость водворяется, зло преуспевает, искусства гибнут. Распложаются бациллы, разгораются эпидемии. Множество злых духов сходит на землю.

Человечество на грани гибели, и Всевышний взывает к совести Аполлона: «Явись на Олимп, сын мой!...» Тщетно. Аполлон молит Юпитера позволить ему сойти в Гадес — просить Аида об освобождении Гиацинта из царства мертвых.

Юпитер позволяет. Аполлон спускается во ад.

О как трогательно он исповедуется младшему брату Всевышнего, владыке преисподней Аиду! Ему удастся растрогать сердце жены его, милосердной Прозерпины. Слаще пения Орфея слова Аполлона. Ад прислушивается к ним.

Такой любви не существовало на земле. Нет ее даже на небесах. Что уж говорить о

подземных мирах!

— Посмотри, Прозерпина, что делает пребожественная любовь с богами, если священный Аполлон, величайший из олимпийских божеств, до такой степени обезумел! Нарушил все небесные законы и изуродовал себя!

— Аид, Аполлон — священнобезумец любви. Это означает, что и мы можем нарушить закон, по которому никто из умерших не может вернуться в царство живых.

— Мы даем согласие. Гиацинт свободен.

«На любовь нет закона», — учит Павел. «Нет на нее суда», — говорит Иоанн Богослов. Любящие Христа уже этим одним не судятся. «Нет для нее времени и пространства», — сказал бы Иммануил Кант.

Аполлон спускается в подземные миры и подает второй, воскресительный поцелуй Гиацинту. Через множество подземных сфер ведет он его в царство высшего Владыки, на солнечный Олимп.

Еще предстоит суд над Гиацинтом. Допустят ли его стражи Всевышнего в сообщество богов?...

Но уже звучит песнь вечной радости в их сердцах.

О неизреченное блаженство! О дружба, невозможная на земле! Боги расступаются перед нею.

Аполлон прощен. Гиацинт оправдан. Дары Всевышнего позволяют ему посещать Олимп.

Святая любовь вечна и не имеет пределов во времени и пространстве. Гиацинт сможет посещать Олимп и наслаждаться дальнейшим божественным общением с Аполлоном. Этого достаточно.

Останется ли он на земле? Или как Прозерпина, часть времени будет проводить в царстве теней, среди нескончаемых стонов и безутешных воплей? Разве так существенно?

Священноминэо, божественная любовь, продолжится. А кроме нее и выше нее нет ничего.

P.S.

Как искушал меня враг за дерзновение проникнуть в языческий мир Греции, Рима и Атлантиды! Не есть ли это последнее отступление от христианских начал?

О, наоборот! Не постичь Христа без Атлантиды — без Орфея и Эвридики, Кастора и Полидевка, Деметры и Персефоны, без греческих богов и героев.

Христос — их Царь. Эллины-эфесяне признали Пресвятую Деву на Соловьинной горе олимпийской Царицей, поставив Ее выше Афродиты и Дианы. Христа они провозгласили бы Сыном Всевышнего и Царем олимпийских богов, превосходящим Аполлона, Диониса, Гермеса и Геракла.

Высоты Священноминэо, открытые цивилизациям близким к Богу, помогают понять христианство, запечатанное инквизицией — христианство неупиваемой Чаши Грааля. А Священный Грааль далеко сквозь тьму времен уходит на алтари Атлантиды, поныне живой и вступающей в апокалиптическое общение с 84-ой цивилизацией. В ее ковчег, когда придет час бедствий, будет принесена Чаша Грааля, исхищенная из Морской Державы.

Рождение Аполлона

16.08.2005 Измир

Аполлон как солнечное божество, как равный Вседержителю, как Мелхиседек древней Эллады рождается таинственно. Непонятно кто его мать (богиня Лето). Ее миссия на Олимпе не открывается. Отец его — Всевышний. Место рождения — остров-корабль.

Иначе — без отца, без матери, без места жительства. С детства в скитаниях и

странничествах.

Святая обоженница Лето воспевает лучшее светом девство и сладость Всевышнего, посетившего ее перстом своим. Лето не находит себе места на земле. Она затворница. Она пришла на землю прославить Всевышнего, открыть неопишемые высоты горних блаженств.

Ее любовь к Юпитеру столь потрясает окружающих, что богиня Гера (праведный суд Божий) гневается: возможно ли такое на земле?

«О сладость Всевышнего!» — пренебрегши прочими земными благами и удовольствиями, поет божественная Лето. И Юпитер отвечает ей. Он приходит к ней как Жених в образе светящегося белого голубя с трепетными крыльями. Слетает голубок на девственную миропомазанницу, и Лето охвачена благодатью Святого Духа. «Сладчайшая дочь Вышнего!» — слышит она голос вестника богов Гермеса, эллинского «архангела Гавриила-Непорочное-Зачатие».

Столп света приподнимает святую Лето над землей. Ее существо исполняется пребожественным светом. Каждая клетка ее проникнута Всевышним... Царь Царствующих вошел в нее куда-то глубже ее самой. «О лоно вышнее, о лоно девственное! О, бесплодная рождает! О, непорочная ликует! О, древо жизни распространилось на земле!» — повторяет святая Лето в упоенном блаженстве.

— О, — утомленная Брачным Одром шепчет она в уединении. — Если бы человек знал, каких блаженств лишается он, отвергая путь обожения! Если бы постиг, как прекрасен Бог в диалоге, но как совершен и неподражаем Он как Жених! Оставил бы он мужей и жен, земные страсти и привязанности и предался на служение пребожественному Жениху.

«О Сладчайший, Ты одарил меня сверх меры!» — поет ликующие дифирамбы Всевышнему Лето, извечная Мать жизни, Невеста Вышнего. От ее ложа рождается солнечный Аполлон-Мусагет³ — апостол солнечной религии света на земле, покровитель всего прекрасного, возвышенного, умиротворенного и превосхищенного в горные миры.

Юпитер повторяет таинственное зачатие от голубя-Святого Духа, и эллинская дева-богородица рождает прекраснейшую дочь Артемиду — великую охотницу (неутомимый промысел, «охотящийся» на души любящих, избирающий их ему одному открытым образом).

К

Природа (Гера) возмущена. Возможно ли такое в упреждение сроков? «Как это?!» — недоумевает Гера. На земле — любовь, превосходящая небесную? Как это — Лето непорочно зачинает? И почему Всевышний сходит к ней как Жених?

Гневная Гера посылает древнего дракона Пифона, и чудовищный змей (черная лента адова фарисейского проклятия) преследует, опутывает, настигает бедную Лето, несущую на руках Аполлона и Артемиду — две непорочные маслины, Иисуса и Марию Эллады. Нигде не дает Лето покоя проклятый. Еще шаг, и своим отвратительным дыханием он превратит троих в отравленный пепел. Еще мгновение, и Лето сподобится участи троянского жреца Лаокоона, и будет задушена отвратительным Пифоном!

Но Премудрость хранит приснодевственную благодатную, непорочную роженицу-деву.

Не находит себе пристанища Лето. Посещает города и страны, ищет укрыться на далеких островах... Бесполезно. Везде настигает ее дракон, и чем надежнее укрытие, тем ужасней внезапное нападение. Лето вздрагивает и бежит в ужасе от змея, прижимая дорогих детей к сердцу.

Так и привык с детства Аполлон, сочетанный своей непорочной матери и еще больше своему сладчайшему Отцу Небесному. Дыхание любящей матери, приснодевственной Лето не оставляет его. И всегда рядом с ним богоизбранная Артемида — охотница на сочетанных, богопокорных, прилепляющихся, ищущих Всевышнего, истинных святых.

И погибла бы Лето в скитаниях. Упала бы без сил, как птица гонимая ястребом, и была растерзана хищниками на куски, если бы не чудесная помощь Премудрости,

предусматривающей каждый шаг помазанника.

Гера не только богиня гнева и ревности, но еще и сокрытая Премудрость Божия. Дракон подчинен ей одной. Покой Латоны (Лето) обретает на острове-корабле Делосе⁴. Прекрасный остров носится по волнам моря, и дракон не может ее достать.

Нет блаженным места земле. Белый корабль, устремленный в гавань Царствия — вот единственное укрытие для неземной троицы, непорочной матери Латоны и двоих ее детей, Аполлона и Артемиды. Знает Премудрость: Лето умерла бы от страха, оказавшись одна на острове, носимом как ковчег в морской пучине.

Остров мертв. На нем никакой растительности. Обнаженные скалы, и только морские чайки находят здесь приют, оглашая резкими криками напряженные воздушы.

Внезапно в море появляются огромные белые столпы, и пустынный остров останавливается на них. Белые столпы — 7 столпов Премудрости, поставленных в мире. На них основывается град Аполлона Мусагета, и божественная охота за помазанниками, богиня Артемида — дочь Всевышнего, где только ни выискивает их, в каких только калькуттских трюмбах и александрийских пещерах.

Должны вырасти, согласно премудрости атлантов, 7 огромных белых столпов, и на них быть воздвигнут остров-корабль среди морской пучины.

«Переход через Черное море» закончен⁵. Лето вне зоны досягаемости древнего змея. По рождении солнечного Аполлона необитаемый остров внезапно наполняется потоками солнечного света. Как золотом, залили они скалы Делоса, и лысые горы внезапно зацвели и засверкали, словно божественные зеркала. Заходили горы как овны и поскакали по ним прекрасные серны и олени. Гора Кинт славилась младенца. Долина исполнилась благоуханием и море совершенно упокоилось. На месте острых ядовитых кустарников распространилось благоухание амброзии, мирра и нектара. Вселенная ликовала вместе с олимпийскими богами: родился солнечный бог славы!

К

Светоцентризм (истинная вера) от рождения гоним стометровым, кажущимся бесконечным в своей черной ленте плоским драконом Пифоном (жреческая магия, грехоцентризм). Не потому ли свое служение миру Аполлон начинает с победы над Пифоном?

Красен юный златокудрый светозарный солнечный покровитель муз. По лазурному небу несется он с кифарой в руках, колчан с золотыми стрелами за спиною. Расступается от сияющей десницы Аполлона всякое зло и порождение мрака, мракобесие. Спешит Аполлон в пещеру грозного злодея Пифона. Ищет отомстить за все гонения, за все зло, клевету, претерпленные его матерью Латоной, исполнить долг сыновий свой — освободить человечество от стометрового Левиафана, от чудища проклятого, от древнего змея.

Увидев страшилище, лениво покоящееся на скалах, Аполлон пускает в него одну за другой свои золотые стрелы. И кошмарная пасть, готовая поглотить златокудрого бога вышней любви и превосхищенного света, кривится в злобной судороге, исходит черной кровью и бессильно падает на скалы.

Аллилуйя! Дракон побежден!

Не знающие промаха золотые стрелы Аполлона — обличение и благодать Святого Духа, сияющая радость жизни. Ничего не может сделать с ним дракон. Бездыханный падает он на землю. И вся вселенная, миры видимые и невидимые, оглашаются торжествующей аллилуйей.

Священный пэан, песнь блаженства, торжества бога над силами тьмы, воспевает все творение. И ему вторят золотые струны кифары Аполлона.

К

Каждое Слово Божией Матери горы Миромарской, Сплитской, Кемерской — золотая стрела в чрево дракона. Ненавидит, извивается древний Пифон. Достигают его повсюду золотые стрелы Слова Божия. Гнев Всевышнего повергает его в прах.

Святилище в Дельфах. Шествие муз

16.08.2005 Измир

В Дельфах, где зарыл Аполлон тело проклятого древнего змея, основал он святилище вышней любви, солнечный храм Пребожественного Света. Здесь златокудрое божество вышнего мира решило основать свою школу. Но где взять в нее учителей и учеников?

Премудрость Вышнего восходит к Морской Державе.

Невозможно достичь неба, не войдя прежде измерением «4,5». Море — перевернутое небо. Аполлон вхож в морскую преображающуюся в лазурных светах сферу. Сам рожденный на море и помазанник морской державы, обращается он к дельфинам (один из морских символов Аполлона, наряду с лебедью, голубем, доброй львицей и еще многими, раскрытыми в дельфийских «аполлинариях»).

Вот увидел с высокого берега Аполлон далеко в море корабль критских моряков. И решил их сделать первыми священниками солнечного храма. Взлетел божественный дельфин (Аполлон) на корму корабля и повел его к пристани в городе Крисы, где, обратившись златокудрым божеством, привлек моряков игрой на золотой кифаре.

Морские священники Аполлона — знак таинственного входа высших тайн Премудрости в морскую державу, запечатанную для позднейших цивилизаций (римской, христианской).

К

Дельфийский Оракул прославлен во всех мирах. Его предсказания сбываются. Но не предсказывать только учит пророк и тайновидец Аполлон. В его задачу входит открыть тайны Всевышнего. Показать Юпитера каков он есть, каким человек его не знает, каким он открыт вышним богам. А дальше — более того: открыть человеку тайну его победы над помазанниками Олимпа.

В своем смертном страстном человек способен войти во внутреннее божества более, чем бог открыт в пресветлом и вечном олимпийском совете среди своей бессмертной свиты.

Учит Аполлон в дельфийском святилище о блаженном отречении от мира, о принесении обетов. Прекрасны хороводы мира, пребожественные игры Аполлона. Ученики его достигают совершенной святости в созерцательной молитве, и в сочетании с Всевышним говорят от Его лица. Подобно своему учителю, они становятся вершителями судеб, а не только изрекают волю Вышнего. Им дано менять уделы.

Непросто попасть в ученики дельфийского Оракула. Посвящение в аполлоновы таинства требует великих жертв и многих испытаний. Но прошедшие их вознаграждаются радостями небесными.

К

Аполлон в древних преданиях символизирует мессианистическую эру всеобщего благоденствия. Это воцарившийся Христос древней Эллады.

Восемь лет проводит бог в послушании у благородного царя Фессалии Адмета, и Адмет не знает как благодарить Всевышнего за этот дар богов. Дикие звери выходят из своих урочищ при звуках золотой кифары Аполлона и становятся кроткими как овечки. Свирепые львы и пантеры разгуливают мирно среди стад домашних животных. Змея лежит

рядом с козленком, почти как у Исаяи. Олени и серны забывают про свой бег и страх, про горные источники, упокоются и внимают звукам флейты. Плодоносят деревья и умножаются стада. Мир, радость и благоденствие водворяются вокруг.

Колесница Аполлона запряжена белоснежными лебедями. По завершении лета, с наступлением осени и зимы Аполлон удаляется из дельфийского святилища в страну Гиперборею — в северный Грааль, где проводит зиму среди помазанных своей матери богини Лето (родом из гиперборейской страны вечной весны и нескончаемой радости).

К

Весной и летом колесница Аполлона, запряженная белоснежными лебедями, прилетая из Грааля, опускается у горного источника на склонах Геликона⁶, где журчат священные воды Гиппокрены⁷, посещаемые поэтами, музыкантами и богодухновенными витиями.

На высоком Парнасе, у чистых вод Кастальского источника Аполлон встречает своих девять светлых дочерей и учениц, девять муз. Свита Аполлонова — 9 муз, дочери Всевышнего и Мнемозины, богини божественной памяти. Мнемозина означает духовно память о первой любви, любви Всевышнего.

О, это неопишное зрелище!

Мессианистическая эра наступает, когда искусство служит вышним целям. Орел Юпитера опускает свои могучие крылья и засыпает. Зоркие очи его больше не смотрят грозно в мир. На Олимпе водворяется покой. Среди смертных забываются раздоры, прекращаются войны. Упокоится природа.

Все творение внимает божественному пению, созерцая шествие Аполлона в окружении муз. Каллиопа (муза эпической поэзии) напоминает о тайнах Всевышнего, о прежних временах, о вышних помазанных и о божественных мирах. Эвтерпа⁸ настраивает лиру сердца на любовь к Всевышнему. Эрато вдохновляет учеников Всевышнего складывать божественные гимны в честь их Возлюбленного. Мельпомена (муза трагедии) научает побеждать в страстном, преодолевать родовые программы, страхи и уныние — и водворяется веселье во внутреннем. Талия (муза комедии) учит ни с чем не сравнимой радости жизни помазанных, божественному смеху среди непорочных. Урания (покровительница астрологии) учит побеждать родовые программы в зодиакальных рамках, и звезды как струны музыкальных инструментов подчиняются божественным избранникам. Наконец, Полигимния — священнойшая из муз, завершающая шествие свиты Аполлона, — учит превосхищенному состоянию непрерывного экстаза, когда душа поет бессловесную песнь Вышнему.

Все девять муз — от источника пренебесной любви, от Священноминэ. Воспевают они любовь, какой нет на небесах и на земле и распространяют ее во все сферы человеческого творчества и искусства. Благодать же от их чудесного хора, от благолепных движений их такова, что повсюду куда ни придут они, от светлого Олимпа до подземного Аида, распространяется сияние мессианистической эры. Зло отступает. Дьявол терпит поражение.

О сладчайшее шествие Аполлона! Как напоминает оно Огненную Свадьбу Иннокентия с тремя огромными свечами и хороводом белых отроковиц с возженными свечами, на босу ноженьку идущих по Белому морю к стольному Санкт-Петербургу будущей Новой Святой Руси.

А как прекрасна Терпсихора, муза танца! Танцу Давида учит она своих суфиев и помазанных. Девы находятся в непрестанном веселии. Их пластическая молитва выражает, подобно внутренней струне, радость от сочетания Всевышнему.

Клио (муза истории) учит истинному взгляду на произошедшее. Запрещает все искажения, превратные видения и кривые зеркала. Напоминает человечеству о тайноприсутствии Божества, о нескончаемых блаженствах и святилищах. Запрещает нигилизм, материализм. Обращает взор к метаистории.

Как прекрасны эти девять муз! Но их число не ограничивается девятью. Есть музы градостроительства. Музы небесных осенений. Их нескончаемо много, и всеми ими руководит солнечный Аполлон Мусагет — покровитель муз, царь мессианистической эры, Христос будущего века.

Дафна Стрелы, дающие и убивающие любовь

16.08.2005 Измир

Есть ли кто-либо могущественней Аполлона и его золотых стрел? Равен Аполлон Вседержителю. Он неповторимый и единственный сын Таинственного Божества. Слава о нем гремит во всех мирах.

Единственный бросает ему вызов Эрот — юный бог целомудренной любви в образе мальчика, натягивающего лук с золотыми стрелами. Аполлон смеется:

— Зачем тебе, друг мой, такое грозное оружие? Или ты хочешь соревноваться со мной? Что могут твои маленькие словно иголки, почти невидимые золотые стрелы? Они едва могут впиться в тело человека. Что они по сравнению с разящими стрелами избранного сына Всевышнего?

— Малы стрелы мои, да не уступают твоим, сын Громовержца. Я знаю, без промаха разят твои стрелы всех в кого попадают. Но моя стрела поразит тебя, — отвечает Эрот.

Взмахнув золотыми крыльями, взлетел он на высокий Парнас. Там вынул две стрелы, и одной стрелой, вызывающей любовь, пронзил он сердце Аполлона, а другой стрелой, убивающей любовь — сердце прекрасной нимфы Дафны.

Остановимся здесь в превеликом умилении.

Эрот, подобно священнику владеющему жезлом проклятия и благословения посылает стрелы любви и стрелы, запрещающие любовь. Целомудренная нимфа Дафна подобна прекрасным эллинским девам. Ей бы влюбиться в Аполлона, возжаждать предводителя муз, поклониться Мусагету, плениться игрою золотых струн его божественной кифары... Но нет.

Не всегда любовь взаимна. И тот же бог божественной любви вечно юный Эрот для таинственных испытаний и для треблаженных томлений посылает и стрелы, отнимающие любовь, — не для того ли, чтобы еще больше разгорался огонь в сердце любящего?

Есть стрелы, убивающие любовь. Эрот мастер пускать их.

Есть испытание вышней любви — как бы односторонней, не желающей никакого диалога и взаимности.

Эту-то любовь, превосходящую диалог, любовь убивающую-воскрешающую и познал опытно сам солнечный бог эллинского пантеона Аполлон. Влюблен Аполлон в Дафну. Потрясен ее чистейшими очами, розовыми устами, подобными мрамору белыми руками и светлыми кудрями. Ее целомудрие пленяет бога. Не налюбуется Аполлон Дафной.

Но как только увидела Дафна Аполлона, бросилась она от него бежать.

— Поймай, прекраснейшая нимфа, прекраснейшая всех прекрасных дева! Зачем ты бежишь от меня словно овца от волка или голубь от орла? Разве я твой враг? Остановись, дева! Я божественный Аполлон. Я, царь вышней любви и света, преследую тебя, а ты бежишь от меня! Посмотри, как острыми шипами ты поранила ноги и как шипы любви пронзили твое сердце! Я не простой какой-нибудь пастух или смертный раб. Я сын Всевышнего!

Но бежит от Аполлона Дафна. Чем больше любит — тем дальше бежит.

О нет, она не осталась равнодушной к златокудрому ангелу! Но ничего не может сделать с собой. Неведомая сила гонит ее прочь. В отчаянии Дафна взывает к своему отцу, старцу Пенею:

— Отче святой, помоги мне! Я ничего не могу сделать с собой. Я не понимаю, что со мной. Почему я бегу от Аполлона? Я не могу больше страдать. Отними у меня этот образ! Да разверзнется подо мной земля и поглотит меня!

Речной бог Пеней услышал молитву дочери. По овидиевским (римским) «Метаморфозам», Дафна обратилась в лавр.

Аполлон трогательно обнимает ее. Еще слышно биение ее сердца под корою древесной... Навсегда сохранит в миропомазанном сердце Аполлон любовь к Дафне и наречет ее своею вечной невестой. А золотые стрелы, убивающие любовь, обратятся другими: пробуждающими ее.

Эрот, владеющий стрелами, убивающими любовь — еще и тайна аполлонова дельфийского святилища (Оракула). Необходимо убить в себе низшие типы любви, чтобы развить любовь всевышнюю. Стрелы эти, умерщвляющие низшие порывы, исходят от одного источника божественной любви.

Аполлон или мир, даруемый девством

16.08.2005 Измир

Велик Христос Эллады Аполлон в борьбе с бен-элогимами. Разят его стрелы смертных и титанов, если те грозят богам и презирают Олимп.

Сыновья Алоэя (Алоэй — антитеза Элогиму) От и Эфиальт — два грозных бен-элогима, рефаимы пятиметрового роста, с металлическим одром-постелью, как у Ога Васанского. С беспримерной храбростью бросают они вызов Олимпийцам.

— Дайте нам только жезлы, и померяемся сверхъестественной силой с олимпийскими богами! Нагромодем одну на другую горы Пелеон и Оссу, навалим их на Олимп и взойдем по ним на небо. Мы похитим у богов Геру и Артемиду и взамен оставим легкомысленных танцовщиц.

— Мы установим справедливость по всему миру. Мы запретим войны и насилия. Олимпийские боги враги человечества! — кричат сыновья Алоэя. — Мы установим свою эру всеобщего благоденствия! Мы освободим человечество от рабства!

Так грозят эти рефаимы солнечному божеству. Но Аполлон в гневе натягивает серебряный лук и разит их издалека.

Словно искры сверкнули в воздухе стрелы, и рефаимы От и Эфиальт упали замертво, сраженные.

К

Против мессианнистической эры — падшие ангелы. Но побеждает их божественный Аполлон.

Поставят в грядущем Храме Мира престол светлоликому и златокудрому богу солнечного света Аполлону. Воздвигнут свои новые Дельфы — но уже не для прорицания воли Всевышнего, как во времена падших цивилизаций, а для восхождения к престолам Теогамии, к нескончаемым восхищениям. И выйдет Аполлон перед лицом миллионов помазанников Второй Соловецкой Голгофы, и на колеснице, запряженной белыми лебедями пронесется подобно солнечному диску, возвестив начало новой вселенной Вечного Девства и превосхищенной божественной Любви.

Ио, дева-млекопитательница Атлантиды

18.08.2005 Измир

Диана (охотница на помазанных) остановила взор Юпитера на деве Ио. Прекраснейшая, жертвенная, струящаяся молоком, как разомлевшая корова, от рождения посвящена она Всевышнему и охвачена Премудростью. Тайны Ее наполняют прекрасную и невинную деву, и Всевышний нарекает ее своей «супругой», «млекопитательницей».

Через Ио потекут молочные реки благодати Вышнего. Она станет матерью-млекопитательницей непорочного человечества.

К

Знает ли человек, что, непорочно зачатый свыше, нуждается он и в питании нетленным молоком? Оно как манна внутренняя белая. Блажен питающийся «сокровенной манной» и увенчанный (ср. Откр. 2:17).

Ио получает чудесный дар Всевышнего. Из ее божественных грудей — о, назначение женской груди таинственно! — исходит нетленное млеко неземного вкуса. Оно питает как материнский молочный Грааль.

Знает ли человек, что для изменения состава в сторону божественного ему необходимо питаться сокровенной манной от нетленных сосцов его Пречистой Матери? Стоит Она как великая Дарораспространительница, и нетленными сосцами питает праведных сынов земли.

О Ио — дева-млекопитательница Атлантиды и Эллады! Многоскорбная прекрасная жертвенная страстная Божия корова Ио!

Дураки верят в превращения, метаморфозы, метемпсихозы и проч. Помазанные знают о невозможности выразить среди обычных смертных таинственные смыслы, определенные для призванных к обожению, и облачают их в символические формы. Пчела, корова, волчица, белый лебедь. Немейские львы, лернейские гидры, керинейские лани, эриманфские кабаны, кентавры, критские быки, авгиевы конюшни, герионовы коровы, церберы, стимфалийские птицы...

Атлантида была напоена ароматами олимпийских богов. И припала, как десятеро волчат к сосцам своей граалевой волчицы-матери, к белоснежной и премудрой корове Ио. Она — символ атлантической жизни свыше. Женщина, благочестивая мать-кормилица — чаша. И из нее пьет божественный младенец.

Сколь велика радость непорочного зачатия! У матери, не причастной греху, появляется молоко таинственное. И оно питает как сокровенная Премудрость — «Молочная София», Премудрость Божия, дева огнекрылая, распространяющая вокруг себя благодатные потоки и молочные реки.

Не знает человек позднейший, трижды и стократ деградировавший по сравнению с атлантами и эллинами, этого питания от сладчайшего таинственного молока Премудрости. Не знает девственного его вкуса и сладости. Не знает назначения женской груди, происходящей из духовного сердца. Не знает этих рек блаженных, исходящих от источников Первородной Непорочности...

Вышний (Юпитер) действует умонепостижимо-щедро. Не готов человек — и что? Явится ему могущество и милосердие его Владыки.

Не такова Гера — ипостась Премудрости, являющая справедливость с ее чашей мер и весов. Гера вправе негодовать. Человечество не готово! Рано! И пребожественной матери Ио, корове атлантов, придется нести особый крест за дар ее питать нетленными сосцами тысячи детей христовых.

Дева Ио, обращенная в корову⁹, символизирует изобильные дары Святого Духа во вселенной непорочности для ее сыновей и дочерей. Брань у этой световидной и обоживающей ипостаси Вышнего везде одна и та же: фарисейство, грехоцентризм. Кабаны, лисы, агрессивные птицы, морские левиафаны, летучие мыши и прочая нечисть.

«Приревновав» Всевышнего к очередной непорочной невесте (сладчайшей Ио), Гера велит отвести ее в рабство стоокому Аргусу — великану, чье тело, подобно колеснице Иезекииля, утыкано сотнями очей. Очи эти одно другого безобразней с виду, так что смотреть невыносимо и Боже упаси встретиться хотя бы с одним из тысяч этих кошмарных раскосых глаз, смотрящих куда-то не туда и выражающих чудовищную муку первородного греха.

Колесница адова, перевертыш Меркабы (колесницы Иезекииля), и стоокий Аргус как страж... Под чью охрану отдана Ио? Аргус символизирует Holy See ('Святое око' ватиканского престола) — жреческое надзирательство над святыми.

Святые от начала века повинуются змеям-фарисеям. Так установил Всевышний. Святым положено придерживаться институциональных канонов. Деве не велено расточать молоко направо и налево. Оно должно быть собрано в римские хранилища.

Как страдала Ио! Как ненавидел ее отвратительный Аргус, как гнал ее, как презирал! У Ио пропало молоко. «Бесплодная корова, жалкая уродина», — третировало ее стоглазое чудовище. Сколько крупных коровьих слез роняла Ио, не потерявшая не только человеческого, но и божественного разума, несмотря на два коровьих рога и непрерывное мычание!

Да-да, мычание. Ведь, подобно Люсии Фатимской в рамках жреческого института, Ио была лишена дара речи. Она, великая пророчица, мать, источающая молоко вышней любви на миллионы сынов божиих, не могла сказать ни слова. В римских подземельях знают, как затыкать пророкам уста кляпом, чтобы они не обличали жирных кабанов, бешеных псов и прочих чудищ.

Неусыпно было око Аргуса. Стерег он Ио днем и ночью, чтобы не появилось у нее божественное молоко, чтобы не накормила кого из страждущих детей. И никуда не могла скрыться Ио от проклятого Аргуса.

Сияющий Агнец видел страдания измученной сладчайшей телочки и пришел к ней на помощь, услышав ее страстное немотствующие мычания. Освободить Ио из-под власти стоглазого Аргуса можно было только с помощью божественной хитрости. И Премудрость прибегла к ней, послав Своего незаменимого в подобных ситуациях вестника — Гермеса.

Эллинский ангел благовестия своими сладкими речами усыпил бдительного стража. Аргус опьянел и упал бессильно, сомкнув одновременно сто своих очей.

К

От чего заснул Аргус? От благодати Божией. «Римская блудница» иногда засыпает и принимает непривычные для нее решения, повинаясь воле Всевышнего. И в ней порой сказывается благодать. И в ней звучит свирель божественных пастухов и пастушек.

Но как только злобный институционал, убаюканный музыкой Царствия, непривычно звучащей в его храмах, вздремнул ненадолго, Гермес выхватил свой изогнутый меч Грааля и отрубил Аргусу голову... Ио свободна!

О сколько еще протечет времени, прежде чем архангел Гавриил расправится с этой чертовой колесницей, устремившей свои глаза туда куда не следует и преследующей святых повсюду, где бы они ни были? А в мифах Атлантиды — меч Грааля. Посол Всевышнего вонзает его в стража сатаны.

К

Но на этом страдания Ио не прекращаются. Чудовищный овод, посланный Герой, преследует ее и своим ужасным жалом вгоняет в безумие и ужас. Ио нигде не знает покоя. Овод гонит ее из страны в страну и беспощадно жалит. Уже вся девственная плоть Ио, предназначенная вырабатывать нетленное божественное молоко, отравлена ядовитым жалом

мерзкого овода. О, как чувствительна плоть Божией коровы, сотканной из особых бессмертных составов! Каждый укус для нее вдесятеро более чувствителен, чем для обычного смертного.

Терпит бедная мученица Ио за свои дары небесные во благо человечества. Преследует ее овод — институциональные проклятия. Днем и ночью достает ее. Нигде не находит себе Ио мира. В неистовом беге несется она все дальше и дальше, а овод летит за ней и поминутно жалит, жалит, жалит. Где только ни бывала, какие страны только ни миновала! И нигде нет ей покоя. Везде, куда бы ни попала бедная Божия корова-млекопитательница, достает ее институциональный овод. Передает по проводам и информирует по интернетам: гнать, ненавидеть, проклинать!

Покой обретает она в Египте...

О бегство в Египет! Подобно Богородице с Младенцем, дева-млекопитательница Ио бежит в Египет. Здесь возвращается ей образ непорочной невесты Всевышнего. Здесь она упокоится, после чего рождает первого царя Египта Эпафа (Эноха), родоначальника великого поколения героев.

Взращенный от божественной коровы, налитый ее нетленным молоком, вкушавший от сосцов ее сладчайший Энох, сын Всевышнего, питался свыше от рождения. И тайны его откровений связаны с упоенностью нетленным молоком материнского Грааля.

Данаиды и Пеласг, или Чего стоит попадаться в сети фарисеев

19.08.2005 Измир

Египт, правитель Египта, и Данай, владыка Ливии, братья не земного — Царского происхождения. Дед обоих Энох (Эпаф) — сын Всемогущего и прекрасной милосердной Ио. Отец их Бел (великолепный, прекраснейший прекрасных, сиятельный, свет Вышнего) оставил братьям таинственные свитки о происхождении миров, о восхищении на небеса деда их Эноха и об основании истинной религии.

Оба застали Эноха в живых и наслушались от него рассказов о своей царице-матери, божественной корове Ио — млекопитательнице сущего. Об удивительном ее нраве, о нескончаемом ее милосердии и о таинственных харизмах.

Энох буквально благоговел перед родителями. Религия Эноха легла в основание Египта и Ливии. Всевышний! Его небесные просторы, как крылья огненные, простер Энох и восхищался в недоступные миры, где сподоблялся бесед с высокими ангельскими чинами и проникновения в бессмертные сферы и недоступные миры им, ангелам, ангелам высших помазаний.

Больше всего дед отцу и отец сыновьям любили рассказывать о прекрасной Ио. Познание Всевышнего связано с благодатным теплым и сладчайшим молоком Премудрости.

Ио — самая таинственная мать из всех живых. Божественная корова, питающая нетленным молоком всех ищущих перемены внутреннего состава к бессмертному и обоженному.

Сколько мать их претерпела, находясь в заключении у стоглазого злодея Аргуса! Как презирал ее этот тогдашний «соловецкий вохровец»! Какое пустынное страстное претерпела их мать, потеряв молоко, став бесплодной, гонимая. Какие ежедневно удары получала от Аргуса, как смирялась через него. Как гнал ее проклятый овод — адово чудовище, непрерывно жужжащее свои молитвы (жреческая магия). Не давал ей отдыху ни днем, ни ночью, ежеминутно набрасывался. И ядовитое жало его проклятий впивалось в девственные лимфы Ио, несущие теплое молоко божественного знания и вышней любви.

«Отец — сама Премудрость, тайна тайн. Мать — ключ к ней. Нет у нас другого отца, кроме Всевышнего, и нет другой матери, кроме премилосердной Ио, ибо она распространяет горячие молочные потоки вышней любви. И питаюсь от ее сосцов, мы становимся истинными

сыновьями Всемогущего!»

Никак иначе нельзя обрести мудрость, только впитав ее с молоком нашей небесной Матери. Здесь тайна человека. Знали ее и оба сына Бела Египт и Данай.

К

Обоих братьев связывала некогда дружба. Но позавидовал Данай Египту. Огромною страну правит его брат. Благодатный Нил орошает нескончаемые просторы его державы. Храмы Гелиополя, Гермополя и Мемфиса полны учителей и мудрецов. Амбары ломятся от яств... Данаю же поручена пустыня. Почему боги распределились подобным образом?

Египт склонен к таинственной премудрости. С великим трепетом его жрецы достают благоуханные свитки, доставшиеся им от Эноха, и вторят тайнам вышним. Египет буквально переполнен таинственными мистериями о происхождении богов, о происхождении человека, о загробных мирах, о бессмертных телах. Жуки-скарабеи (символ бессмертия), Анхи, мумии знаменитых личностей и фараонов и божественное молоко мира и покоя, текущее в крови Египта, вызывают зависть у Даная. Брату Египта Всевышний уделил другое. Данай склонен больше к букве и культу. Его раздражают бесконечные новшества и таинственные глубины. Они не способствуют укреплению мощи государства.

«Фараоны достигают могущества и падают только потому, что они прожектеры и поэты, подобно Аменхотепу IV (Эхнатону)! Они слишком увлекаются мистикой, тогда как надо укреплять границы государства и расширять его пределы, утверждая религию истинного Бога. Почему свитки Эноха хранятся в храмах Мемфиса, а не в столице Ливии?»

Разделение между братьями растет. Все больше говорят они о разных верованиях и разных религиях. Египт склонен принимать в свой пантеон и других богов, если они в целом не противоречат древнеегипетскому миросозерцанию. Ливия под правлением Даная ревностно придерживается старых канонов и считает принятие ассирийских, иудейских и проч. божеств нарушением девственной чистоты веры, переданной от отцов.

— Так ли учил Энох? Нигде не сказано у него: «читите других богов», но: «почитайте единого Бога». Египт замарал свои руки политеизмом и предал Всевышнего. Никакого общения с ним! Проклято, проклято, проклято!

Но иначе рассудили боги. Благодатный Египет обладал огромной и превосходно обученной армией. Войска же Ливии редели. Нищета и голод правили в государстве.

Богам жалкие «перегородки» братьев доставляли великую скорбь, и они решили сыграть грандиозную свадьбу.

О, это была воистину мировая свадьба! У Египта 50 могучих сыновей-богатырей, один другого прекрасней и доблестней. Печать непобедимости и мудрости на каждом. Энох, дед их, ставит свои метки на чело, и слава Вышнего ходит с героями Египта. Они завоевывают один за другим города и царства. У Даная же — 50 прекрасных дочерей.

Боги ходят сыграть между ними свадьбу. Какая радость ожидает братьев! Египет породнится с Ливией. Как возликует дед их Энох на небесах! Какая радость ожидает их наследников!

Сыновья Египта пленены праведною красотой 50-ти Данаид и желают вступить с ними в брак. Уже накрывают столы и готовят самую большую свадьбу всех времен.

Но дьявол входит в Даная.

— Мы оскверним веру в единого Бога, дочери мои! — говорит этот надменный царек своим дочерям. — Лучше умереть, чем вступить в духовное общение с иноверцами. Египтяне — язычники. Употребляют отвратительные обряды. Где сказано в свитках и книгах Эноха о жуках-скарабеях, об амулетах, о культе мертвых? Лучше умереть, чем попасть в рабство к бесам!

Данаиды во власти своего авторитарного отца. Своего ума у них нет. Основной девиз их веры — послушание...

Данай — первая авторитарная фарисейская секта на земле, основоположник мировой

фунды. Знает он власть свою над прекрасными дочерьми, так напоминающими девственную Ио, о которой рассказывал отец его Бел Великолепный. Не спрашивает Данай воли Всевышнего: нет пророков в царстве мирового фарисейства. Не звучит голос истинного Божества. Молчат оракулы и старцы.

К

Возмущены в Египте доблестные сыновья. Обращаются они к своим пророкам, и те указывают волю Всевышнего. Боги на стороне Египта. Сыновья собирают огромное войско и побеждают в сражении ливийцев.

Здесь бы Данаю задуматься! Но безумный «Иван Грозный» древней цивилизации, предшественник Иосифа Волоколамского и Томаса Торквемады не сделал никаких выводов. Для него существует только буква и правда буквы, как он ее понимает: «нельзя отступать от литейной формы закона ни на йоту».

Данай решает бежать со своими дочерьми. Он строит первый пятидесятивесельный корабль (религиозный институт) и отправляется с дочками в дальнее плавание по морю.

Не принято в религии Даная спрашивать Всевышнего. Обозлен, всегда оскорблен. В рабстве держит своих расписных иконописных «монашек» — маленьких карикатурных его Данай. Дочери смотрят ему в рот и готовы по его слову сделать все что он скажет.

Несчастье ожидает их. Премудрость посрамляет их, где бы они ни были.

Фарисеи и лицемеры, как обличал их еще Господь в Евангелии, под видом молящихся о защите¹⁰ с масличными ветвями в руках выходят они на берег Арголиты, веря что «Пресвятая Богородица» того времени, божественная млечопитательница сущего Ио защитит их и под ее покровом они найдут приют у правителя Аргоса Пеласага, сына Палехтона.

Возмущен Пеласг Данаем, не желает дать ему приюта. Дошли до него вести, как оскорбил этот буквоед и книжник египетского царя. Презрения достойны и отношения Даная и его дочерей. Что за тупые рабы! Разве не влюблены они в доблестных сыновей Египта? Что препятствует им вступить в брак? Ведь одно над ними небо, один Бог, одна религия и одна церковь. Что мешает людям жить в великом мессианистическом мире? Дьявол, вселившийся в Даная!

Нет, Пеласг не окажет ему гостеприимства! Правитель Аргоса спешит с треском выгнать вон «старца» и 50 его прекрасных, истерзанных фарисейскими постами и злобными проклятиями дочерей.

Отворачивается Ио от своих внуков. Не видит в них наследниц. Они — жалкая карикатура на свою бабушку. Не течет в них молоко Премудрости, горячее молоко вышней любви.

С ветвями в руках встречают Данаиды Пеласага. Просят о милости и сострадании...

Любят злобные лицемеры, виновники всех мировых войн и несчастий, притворяются «тихими миротворцами». А от пения их канонов заслушаешься и впадешь в прелестный сон. О, власть чарующего гипноза! Посмотришь на них — мученицы веры. Как они рыдают! С глазами, полными слез, умоляют они Пеласага смириться над ними. Они — «единственные на земле» оплот истинной веры. Данай пытается говорить об апокалиптических откровениях своего деда, но Пеласг слушать его не хочет.

Заклинают данаиды именем Всевышнего царя Арголиты. Колеблется Пеласг. Знает, чем грозит ему война с могучими владыками Египта. Не желает из-за непрошенных гостей потерять войско.

Пусть народ решит! Собирает Пеласг форум и предлагает Данаю войти в Аргос и возложить на алтарь Всевышнего масличные ветви. Пусть Всемогущий даст знак, на чьей он стороне. И если Пеласг и граждане Аргоса получают знамение свыше, они окажут гостеприимство гонимым «истинным».

Теряются в сомнениях жители Аргоса. Слышат они: спешат уже возмущенные

египетские войска. Но слезно рыдают дочери Даная, представляя себя мученицами за веру, невинными жертвами, фантомируя египтян как злодеев.

И помутился ум у бедного Пеласга. Решает он взять под свою защиту Данаид. Лишается разума и дает согласие вступить в войну с Египтом...

Арголида почти уничтожена. Пеласг погиб в сражении. В который раз боги дают знать, на чьей они стороне.

Нельзя оказывать гостеприимство фарисеям. Нельзя слушать, как льют они свои крокодиловы слезы. Нельзя внимать их авторитарным порядкам. Нельзя касаться их. Одно только отношение к ним: вон!

Не получили Пеласг и Арголида знамения свыше. Великая беда! Аргос потонул в крови. Египт победил, и сыновья его требуют брака с данаидами...

Правителем Аргоса становится... «старец» Данай. И на прежде миролюбивой плодородной земле греческого острова водворяется авторитарный мрак. Данаиды, облекшись в монашеские ризы, днем и ночью предаются молитве о своем отце-«старце». «Старец» негодует, ненавидит, шлет анафемы, считает себя попавшим в рабство к египтянам. Но ничего не может сделать он. Египтяне обещают вернуть свободу «аргосскому царю» Даная (каков гипноз у аргосцев, если вместо того чтобы увидеть причину гибели своего царя Пеласга и прекрасного войска в авторитарной книжности и непрошеном госте, его еще избирают царем!) в обмен на его дочерей.

Угодливый хамелеонствующий Данай соглашается. пышную свадьбу решают сыграть безотлагательно.

К

Не знал мир подобного шумного свадебного пира. Какие звучали гимны! Сколько пролилось вина!

Но вот настала ночь и тьма окутала Аргос. Сон сомкнул очи гостей, женихов и дочерей. Внезапно раздался жуткий предсмертный крик — один за другим, еще, еще! Это дочери Даная выполняли приказ своего отца. Напоив сонным зельем женихов, они вонзили острые кинжалы в их сердца.

Такою злобой наполнил адский старец «отец Данай» сердца своих дочерей, что под покровом ночи по его приказу невесты злодейски умерщвляют женихов, доверчиво принявших их в своих брачных покоях.

Какова же первая брачная ночь, ночь любви! Аргос весь в крови.

Ужас водворяется среди ангелов Всевышнего. Какою злобой напоил старец своих дочерей, если те вонзили ножи в сердца любимых ими женихов! Какова злоба этих кашеев, змеев и драконов, этих сынов тьмы, если они пускают кровь тысячам невинных жертв, провоцируют Варфоломеевские ночи. И не радостный клич «Жених грядет! Выходите, мудрые девы, навстречу Жениху!» — а адский предсмертный гулаговский стон тысяч раздается в брачную ночь.

Гипермнестра единственная из дочерей Даная послушалась отца. Она влюблена в прекрасного Линкея, своего жениха. Рука ее дрогнула. Любовь оказалась выше фарисейства.

Омрачила Гипермнестра безумного старца. Данай проклинает ее своими анафемами и решает наутро же предать смерти как изменницу. Гипермнестра изменила «вере отцов»! Синедрион аргосский (суд старцев) собрался судить Гипермнестру: как смела она не выполнить «послушание» старца отца и не зарезать прекрасного жениха в первую брачную ночь? Как посмела она тем самым осквернить веру отцов?

Уже готовы присудить Гипермнестру к побитию камнями. Отец ее ненавидит, отрекается, проклинает, лишает своего покрова, предрекает ей вечные муки ада.

Бедная Гипермнестра трясется от ужаса. Она изменница, ее забьют камнями как последнюю преступницу! Но она не чувствует никакой вины и просит у Бога о помощи. Она любит отца. Но она любит и своего жениха — прекрасного Линкея. Она единственная

сохранила разум и не попала под кашеевы чары сумасшедшего фарисея-старца.

Сама Премудрость Божия в лице златокудрой богини любви Афродиты является на суд. Какое откровение! Старцы падают один за другим на колени: Пресвятая Богородица, спаси нас!

— Не смейте трогать прекрасную Гипермнестру! Убирайтесь отсюда, иначе жестокой казни Бог подвергнет вас, а не соблюдающую закон любви Гипермнестру.

И здесь Всевышний на стороне мира и любви против злобы проклятий фарисеев адовых!

Сострадательная, вся в бабушку, Гипермнестра становится женой Линкея. Всевышний благословляет их брак, и от них рождается многочисленное потомство великих героев. Среди них Геракл, сподобившийся сонма бессмертных на Олимпе.

К

Загробный удел дочерей Даная ужасен. Ни одна из них не избежала кары как убийца, запятнавшая руки свои кровью своих невинных мужей. Вечно носят они «святую» черную воду, черпая ее из подземной реки и выливая в громадные сосуды, не имеющие дна (анти-грааль для тех, кто не желает пить от молока любви и мира Всевышнего) и оказывающиеся пустыми в следующий момент.

Премудрый загробный сосуд показывает удел фарисеев. Днем и ночью наполняют они свои бездонные церковные сосуды. Но те вытекают, как вода в песок, и снова наутро пусты. И так без конца длится их бесплодная работа.

P.S.

...Ах, как они мерно гребут! Пятьдесят монашек на веслах и старец кормчий Данай! Величайшая свадьба, брачный пир мира превратился в кошмарную резню по вине этого злодея. И ни одна из сорока девяти дочерей не смеет послушаться «старца», столь сильно внушение об основах религии. «Братья — враги. Египет — враг. Муж — враг. Бог — враг!» Проклятие и анафема не сходят с уст этого дьявольского кормчего. И всюду сеет зло корабль, куда ни пристанет.

Старец-фарисей в Аргосе — кощеево царство. Арготида по его вине превратилась в мертвую пустыню. Но подумать только: воцариться в ней вместо погибшего трагическим уделом Пеласга! Царь поддался на соблазн крокодиловых слез Данаид и погиб. Боги не поддались, наказали судом праведным.

Упаси Боже встречать с почестями и воздавать должное этим 50-ти сестрам-монашкам и их злодею-«старцу». Пеласг погиб. Святая Русь погибла. Евроцивилизация на грани гибели. И «последние из Данаид» готовят кровавые кинжалы и добивают в ночной молитве проклятиями и анафемами святых, бежавших из Израиля в Египет подобно Божией Матери.

Трагический Пеласг! Вместе с другими светскими князьями он тот, кто поддался на искусы фарисеев. Кесарь, обманутый лжехристом, принявший злодея за святого.

Плоды — гибель царства, царя, разложение нации и водворение новым «сталиным» того самого злодея, что послужил виной всем бедам...

Ковчег или ящик Пандоры?

21.08.2005 Измир

Знаете ли вы, каков Бог?

В пророческой школе я спрошу вас: знаете ли вы, каков человек?

Познать Бога и человека, Его совершенное творение одно.

Много ли нужно человеку? Да! Стать чуть больше самого себя. Открыть во внутреннем

небесные кладовые. Выдвориться за пределы освоенного государства, стать в нем «персона нон грата» и стереть из памяти то, что еще вчера служило стойкой опорой и доставляло радость.

Чтобы знать, что нужно и что не нужно человеку, необходимо мерило высших целей и высоких назначений. Без них остается только блуждать во тьме на ощупь в царстве теней.

Каждый человек, сам не зная того, ищет прилепится к чертогам Всевышнего. Ищет высвободить в себе потенциал нескончаемого блаженства. Боится скорбей — и нарывается на них. Хотел бы счастливо избежать неблагоприятных обстоятельств — а их становится все больше и больше... Всевышний попускает их. Кто объяснит, какова величайшая великих тайна страстного, переводящая человека в палингенесию (пакибытие), высвобождающая в нем божественные составы, отверзающая очи, слух, уста?

О мой Возлюбленный, о! Как жаждет душа вступить в небесное общение и свататься к божественному Жениху, превосходящему всех земных! Как жаждет она стать богоневестой, подобно Вечной Деве или прекрасной деве Ио, корове божией из атлантического мира!

Питается ребенок от сосцов матери земной, а жаждет со вторым рождением питаться от нетленных сосцов нескончаемой благодатью. И называет материнскую грудь первым таинственным Граалем.

Усвоив высшую цель и назначения бытия, человек задается вторым вопросом: как ее достичь?

О, далеко не просто! Сбросить груз прошлого, предрассудков. Очиститься от мерзостей греха. Быть привитым к древу Первородной Непорочности, рассеять во внутреннем своем призраки грехоцентризма, если они еще имеют какую-то власть над сверхсознанием. Трижды (а кому десятикратно) преодолеть самого себя. Совершать подвиг самоотречения. Если надо, идти против всего мира. Дать согласие слыть юродивым, не от мира сего, придурком, непонятым, иноком. Пройти путь омовения в белых купелях, пустыни, послушания у старца, истинного покаяния. Пренебречь всеми благами мира ради благ высших.

Духовный путь — подвиг, требующий героизма. Сладчайший Агнец, наш возлюбленный Господь, увенчивает своего ученика венцом Брачного чертога. И стократ воздаст ему за претерпленные скорби и страдания.

Антиковчег

Атлантида слепила скорбный миф о Пандоре...

Не пожелал мир окормляться от сокровищницы светлого Олимпа. Принял дары Прометея: научился ремеслам, наукам, астрологии, кораблестроению, градостроительству, медицине. Легче вроде бы стало жить человеку. Но только внешне. А духовные цели уплыли, и жизнь счастливее не стала.

Атлантида — высочайшая, достигшая ступени более чем невесты — супруги Вышнего цивилизация, как ни одна другая из 84-х других сочетанная в одно с Женихом. Атлантида, в отличие от Иудеи услышавшая Христа и принявшая Его проповедь... Атлантида, мудрая дева, вышедшая навстречу Возлюбленному своему и дождавшаяся часа Брачного чертога... Атлантида, не сходящая с богосупружеского Брачного одра... Скорбящая и одинокая Атлантида, таинственно исчезнувшая, купно вся перешедшая в измерение «4,5»; «4,8» — в морскую светлую державу, перевернутое небо... Атлантида оставила в наследство грекам сказание о Пандоре и проклятом антиковчеге — ящике бесовском, заключающем в себе все причины мирового зла, болезни, эпидемии, всю демонскую мерзость с неисчислимым множеством ратей его и полчищ.

Премудрость наказывает адамов род лепкой чарующего и лукавого существа по имени Пандора. В духовных свитках — Супротивница, карикатура на Пречистую Деву-Матерь.

Кто только не участвует в создании Пандоры! Дьяволица облекается в золототканые одежды небесною ткачихой Афиной. Афродита уделяет ей от источников любви (но в преломлении запретных знаний и похоти). Гефест смешивает по благословению Всевышнего землю со святою водою, и Юпитеру остается только вдохнуть в это лукавое творение духа, противоположного Божиему. От харит Пандоре — нежный голос и томный взгляд очей. Оры возложили на ее пышные кудри венец из благоухающих цветов, Гермес передал нескончаемый интерес к запретным знаниям, лукавую пытливость ума и лстивые речи...

Супротивница слеплена. Осталось только оживить ее и пустить в мир.

«Забывает» только Премудрость слепить великой обольстительнице восковое сердце и возжечь в нем свечу.

Пандора («всеми дарами обладающая») достанется в жены простодушному брату Прометея Эпиметею. Не послушает Эпиметей своего брата. Прельстится красотой Пандоры и возьмет ее в свой дом.

А в доме у Эпиметея — страшноватый деревянный сундук. Запрещено открывать его. Пыльный и старый этот сундук — ковчег от дьявола, средоточие злых духов. Ни одно живое существо не решалось открыть его. Дурные распространялись о нем слухи: мир погибнет и исчезнет последняя надежда, если кто-то посмеет вскрыть этот ящик.

Долго ищет доступа к нему Пандора. Смеется она над примитивностью рода человеческого: «Кто сказал, что ящик полон зла? Что если в нем таятся неисчислимые новые блага?» Любопытство распирает Пандору. Обольстила лукавством, лживыми речами Эпиметея и вскрыла ящик.

Болезни, эпидемии, злые духи, атомные грибы, запретные знания. То, что не нужно человеку, наполнило мир.

В ковчеге Моисеевом: манна (питание свыше), жезл свыше и свитки свыше. Мирровые свитки, обожженный человек, небесные составы. Полнота Премудрости в ковчеге.

Отверг мир ковчег Моисеев. Не оказалось ни одного достойного священника держать в руках стамну с манной, благословлять жезлом аароновым, читать по благоуханным свиткам во время богослужения в храме. О страшная подмена! Вместо Девы Ковчег — лукавая ехидна, супротивница-Пандора с улыбкой Моны Лизы.

Эта нагая дева мысленной похоти и разврата, лишенная совести и сердца, не считает, что сделала дурное миру. Наследница Прометея, она озабочена земными благами. Ее преследует мысль Прометея: одноизвилинные, одномерные уроды-адамиты не знают, какие блага приготовил им «добрый» лукавый.

Прилепится человек к дьяволу — возненавидит ближнего. Отвернется от Всевышнего — сотворит себе кумирню. Потеряет вечную жизнь и заблудится в мире сем.

Сколько демонов современной цивилизации вылетело из ящика Пандоры! Кибер, нарко, интернет, демоны религиозных и мировых войн, компьютерная, медицинская, военно-нефтяно-религиозная мафия свяжет по рукам бедного человека, дьявольские концерны опутают.

Две тысячи лет, как открыт на земле ящик Пандоры. Атлантида погибает, оплакивая скорую гибель адамитского корабля. Одна надежда: заменить деревянный пыльный колдовской сундук Ковчегом Всемогущего. Да рассеются призраки Пандоры и сгинут эпидемии, болезни, и растворится, как не было его, мировое зло...

Две головы красного дракона символизированы сегодня античным образом Пандоры, этой невесты лукавого: Тибет (запретные космические знания, режиссура дьяволицивилизации, тысячи ее проектов, ни одному из коих сбыться ни суждено) и мировая фарисея. Давно-давно, подобно еврейским священникам, утратила она Ковчег, присягнув... перед ящиком Пандоры.

На нем, как и на оочищении Ковчег, тяжелая крышка и какие-то лубочные пыльные херувимчики. Кто, Бог или дьявол, дал фарисеям оперные голоса? Выразительное пение,

имитирующее небесный полет Духа? Пышные, тысячелетней давности одежды византийского двора? Хитрый и изворотливый ум?

Отвергшая Премудрость и Ее девственные дары, церковь Супротивницы не знает Бога и навлекает беды на мировое сообщество. Не спасение, а наказание миру, не зная истинных целей и призвания человека, одномерная и носорожья, не знает она истинных целей, для которых души приходят в мир. И наводит своими молитвами сплошные беды и проклятия.

Не услышал Эпиметей (симфонический кесарь, кн.Владимир, пленившийся православной службой), не внял голосу брата и взял в жены девицу Пандору, восхищаясь живостью ее ума, прелестью взора, лаской речей, силой характера и еще чем-то, воздействующим помимо него самого.

Страшная это правда. Церковь, некогда служившая у ковчега в прямом присутствии Божества, докатилась до ужасов атлантического мифа, прозревающего сквозь века основную тайну XXI столетия! Отцы ваши служили при Ковчеге. А вы? Каких отцов наследники вы, если служите перед ящиком Пандоры, ежедневно открывая крышку и выпуская тысячи бесов, разлетающихся по всем мирам?

— О ужас! — скажут ангелы. — Закройте этот проклятый сундук и запечатайте его навеки вместе со змеевым отродьем, обслуживающим его! И поставьте на место проклятого ящика Пандоры-Супротивницы новый Ковчег Завета! Украсьте его тайнописью Второй Соловецкой Голгофы, изображением Агнца Парутического, Христа умножившегося в ста тысячах учеников Своих. Украсьте алтарь этого Ковчега чашей Грааля, и пусть читают серафимы благоуханные свитки Слова Пречистой Девы, услаждая ими слух и сердце. И да облагухается от его вибраций все творение...

Дионис

21.08.2005 Измир

Дионисийское священнобезумие. Вакхическое опьянение. Кто способен понять, о чем идет речь? Заполняются бочонки с вином, жирный похотный козлик предлагает янтарный пивной хмель в прозрачном стакане...

Дионис составляет одно теургическое, церковное целое с Аполлоном. Аполлоническое начало (солнце, уставы Всевышнего, праведность, совершенная святость, соблюдение святынь, освящение мира) невозможно без дионисийского. Дионис — полное опровержение законов и канонов. Его правда — священнобезумие. Дионисийское начало исходит из превосходящей степени любви Всевышнего.

Дионис — эллинский Грааль. Нет больше радости, чем пить из чаши Всемогущего, находясь в непрестанном опьянении, в невыразимом никакими словами и уставными действиями блаженстве.

Всевышний опьяняюще высок. Необходимо войти в состояние экстатического восхищения и опьяняющего восторга. Душа должна стать больше самой себя, выйти за пределы рационального статус-кво, экстазировать. Дионисийский триумф предполагал действие Святого Духа в избранных сосудах.

К

Рождение Диониса — непорочное: из огненного столпа Всевышнего. Неопишимо! Его мать — прекрасная святая дева Семела, дочь фиванского царя Кадма (кадос — греч. 'сосуд', 'бочонок'), сына финикийского царя Агенора, легендарного основателя Фив. Юная царица отвергает земные блага. Удел монарха на земле — помазание от Всевышнего. Царь одно с Всемогущим Богом. И Кадм поручает свою дочь заботе олимпийских «миромазанных», богов.

Семела настолько кротка и послушна, не брезгует никакими самыми простыми послушаниями, жаждет быть простой служанкой и рабой, настолько взор ее погружен в чертоги Вышнего, что сам всемогущий Вседержитель говорит ей: «О, проси чего ни пожелаешь! Я исполню любую твою просьбу. Клянусь тебе в этом нерушимой клятвой богов».

«Проси о чем хочешь» предполагает исключительную высоту прошения и полную посвященность сосуда. «Проси о чем хочешь» значит — обожения. Всевышний знает внутренняя Своих учеников, доверяет им и из их уст хочет услышать просьбу о даровании Премудрости, Непорочного начала. «Проси о чем хочешь»... Чего же должен просить человек, когда ему дается свобода от Всевышнего? Божественного совершенства, небесных благ, духовной лепки свыше.

Семела просит, чтобы Всемогущий, ходящий среди херувимов и серафимов и тьмы тьмущей ангелов и архангелов, явился ей в величии и блеске своей славы. Божественная миропомазанная Семела просит явления колесницы Вышнего, неопалимого куста. Ее просьба достойна доверия Всемогущего.

Огненный столп появился в небе. Удары грома сотрясли дворец Кадма.

Огонь Святого Духа сошел в Фивы. Земля содрогнулась, и неопикуемая благодать охватила Семелу.

Вот она сгорает от любви, истаивает. Ей кажется: вот сейчас ее не станет. Пламя сжигает Семелу до основания, как если бы божественный Возлюбленный возжег свечу во внутреннем ее и легкие ее перегорали от любви.

Таков чудесный способ непорочного зачатия, перешедший в Грецию из Атлантиды — огненный столп Всевышнего. Пятидесятница не христианская только (сошествие огня Святого Духа), но в Универсуме Премудрости. И не языки огненные, не дары или рождение свыше, но непорочное зачатие в огненном столпе.

Чело Семелы покрыто терновым венцом и сердце прободено огненным кадуцеем. Невеста расплавляется как воск, и из ее непорочных ложесн рождается чудесный сын Дионис. В знак его особого избрания вокруг Диониса вырастает куст густого зеленого плюща. Как неопалимая купина, хранит он Диониса от всеопалиющего огня...

Как слаб мальчик! Не успевает сирота родиться, Семела умирает при родах, как мать Мелхиседека и как это часто бывает при непорочном зачатии.

Божественный ребенок — круглый сирота... И тотчас — помощь Всевышнего. Дионис на руках самого Юпитера. Око Всевышнего для него первая колыбель. Нет, у него другой удел, чем у Богомладенца Иисуса. Не может Богоматерь принять его на Свои ручки и напитать от непорочных сосцов. Мальчик физически слаб. И Всемогущий решает зашить его себе в бедро (сила и могущество Всевышнего).

Запечатав Диониса в божественную жилу, Юпитер, как мать, донашивает его в себе, наполняет его кровь божественным Граалем. И когда мальчик окреп, рождается он во второй раз (свыше) из бедра самого Миродержца.

К

О неопикуемая тайна рождения из бедра Бога! Чем-то дополняет она Вифлеем и Святое Семейство, раскрывая в новых спектрах тайну Непорочного зачатия. Дионис не успевает прийти на землю от земной женщины, рожденный свыше, как дважды рождается свыше, наполненный одним внутренним составом с Всемогущим — живой Грааль.

Господь господствующих, неся в Своем бедре ребенка, как божественная мать изливает на него потоки пренебесного света. Дионис станет живою чашей Вышнего, упоенной и неупиваемой благодатью. Напоенный ею, таинственный сосуд Отца Небесного, принесет он блаженство всем. И тысячи учеников, менад, вакханок и сатиров увяжутся за ним, жаждая привиться к виноградной лозе (образ Евангелия Христова), пить вместе с Дионисом божественный любовный напиток.

К

Всевышний повелевает отнести мальчика-сироту к сестре Семелы Ино («иная миру», иномирная) и ее мужу Атаманту, царю беотийского Орхомена.

Неупиваемая чаша, дионисийский Грааль, связан с равностепенным страстным. Но Дионис учит своего нареченного отца Атаманта (эллинский Иосиф Обручник) никогда не закрывать сердце, наполнять его блаженством. Атаманту суждено перенести величайшее горе — безумие. В припадке безудержного гнева он убивает своего сына Леарха, грозит убийством жене своей Ино и другому сыну Меликерту. Но Морская держава хранит их. Морские божества оказывают им свой покров.

Дионис не боится безумного Атаманта. Божественный младенец знает, что обратит его безумие в священное вакхическое действо. Лучше быть безумным как нареченный его отец Атамант, чем здравомыслящим уродом в нерасколотенной скорлупе куриного яйца.

Атамант утешается при виде божественного мальчика. Дионис объясняет нимфам, своим новым покровительницам, перенесшим его в Нисейскую долину: Атамант хотел бы принять, хотел бы испить божественного вина вышней любви. Но не может — такова его настоящая ступень. И все же сумасшествие Атаманта выше обывательской сытости. И однажды оно приведет к священнобезумию, и престарелый Атамант примкнет к многотысячной толпе поклонников Диониса и будет вкушать сладчайшее вино Всевышнего.

О, это вино! Вся Эллада потрясена им. «Какой божественный напиток! Только Бог вина может посылать нам эти небесные бочонки с неба! Вин слаще мы не пили. Достаточно вкусить несколько капель, как все существо превращается в огонь, в экстатическое священнобезумие. Душа поднимается к престолам Вышнего, очищается от греха». Сам Юпитер смотрит, как нимфы воспитывают Диониса, ибо велико предназначение евхаристического таинства и его учителя. И в благодарность воспринимает их на небеса¹¹.

К

В руках у Диониса царственный жезл тирс, увитый плющом, а на челе венец из виноградной лозы. Отличается школа Диониса от школы степенного разумного Аполлона. У Аполлона — годы ученичества, постижение воли Вышнего. Многолетние послушания, вхождение в свет, руководство и таинственные ключи... Ничего подобного у Диониса. Дионис мгновенен. Обращение — за какую-то долю секунды. Спасение и освящение — от нескольких капель евхаристического вина.

Все вокруг него напоено благодатными ароматами. Нимфы играют на флейтах. Менады не выпускают из уст свирели и тимпаны. Сатиры приплясывают в неопикуемой красоте пластических молитвах. И всегда в своих кругосветных паломничествах Дионис влечет за собою премудрого учителя своего Силена — старца, от которого Дионис унаследовал мироточивую благодать. Как бога, как своего отца чтит старца Силена Дионис, воздавая ему божественные почести (понимая, что преемство передается из уста в уста, по печатям).

Силен всегда в блаженном опьянении. Ученики поддерживают юродивого учителя под руки, записывая его божественные изречения и относя их предводителю своему.

Язык дионисийских таинств — священноюрродство. Блаженные стяжают Святого Духа и постигают язык Вышнего, нарушая каноны и предписания. Впрочем, одно — неистовство дионисийской жажды Всевышнего — сочетается с другим — миром и гармонией аполлонического света и покоя. Пресвятая Владычица и Госпожа наша Дева Мария сочетала в себе идеальным образом оба начала — преупокоенный свет аполлонический и неистовое страстное блаженно-юрродивого Диониса.

К

Таинство вкушения Евхаристического вина вначале ежедневно, затем ежечасно. А затем переходит в невидимую форму.

Вкушать из Чаши Вышнего... Ею напоены воздуха и все творение. Но сердце должно стать чашей, все существо наполниться блаженством, свеча никогда не гаснуть, а врата сердечные не закрываться ни при каком условии.

Школа Диониса в этом. Странничество учит терпеть палочные удары, унижения, скорби, проклятия; за все благодарить, что означает — не закрывать сердечных врат. Не выходить из состояния блаженства.

Бог есть только вышний свет и только преупокоенное блаженство. Стяжать венец победителя означает блаженствовать безусловно. Легко славить Всевышнего в состоянии радости и здоровья. Но потщись не выходить из блаженства при зацементированной крови, на грани смерти и прохождения смертными вратами, в тяжелых болезнях. Потщись победить помыслы, родовые программы и тысячи демонов, набрасывающихся на блаженного ученика Диониса.

О, есть над чем поработать! И никаких объективных руководств и книжных уставов. Дионис лично наставляет каждого из своих учеников, посылает к учителю своему Силену и тот дает свое благословение. Вакханки и сатиры, ученики Диониса — блаженного евхариста — предпочитают затвор вдали от городов. Но сердца их напоены непрестанной музыкой Царствия

К

Многие восстают на Диониса. Среди них Ликург, известный законодатель, царь небольшого фракийского племени эдонов.

Ликург бросает вызов Дионису. Кто он, этот учитель хаоса и анархии? Самозванец и ничтожество! Пьяный божок, жалкий обольститель! Гнать его отовсюду! — приказывает фракийцам Ликург.

Дионис бьет Ликурга по живому. Законодатель посвятил свою жизнь составлению совершенных законов человеческого общежития. Ему кажется, он достиг в этом высоты. Ни в какие времена общество не знало более отточенных формулировок социальных законов. Но приходит Дионис и говорит: служение букве ничто. Блаженно опьянение Духом Святым!

Ликург не только не признает Диониса, но ненавидит его всем своим существом, проклинает и гонит. Собирает войско крепких книжников и фарисеев Ликург и нападает на блаженные рощи, где менады в упоении со своими братьями и сестрами творят превосхищенные молитвы, вкушая из неупиваемой чаши. Он повелевает сломать сосуды. Дионис обращается в бегство, не ожидая столь пылкой фарисейской злобы. В море его укрывает богиня Фетида.

Всемогущий жестоко наказывает книжника-законодателя. Многое предусмотрел он в своих законах, одного не учел: воли Вышнего и Его неописуемой безусловной любви к помазанникам — что бы они ни делали, чем бы ни прикрывались, как бы ни юродствовали. Юпитер ослепил Ликурга и намного уменьшил срок его жизни.

Ликургова слепота — несчастное наказание фарисеям. Слепые, они не видят Бога в упор и смеют представлять, будто знают Того, чей голос никогда не слышали и чьего Лика воочию не лицезрели. Уменьшенный срок жизни «книжника-юриста» Ликурга — знак кратковременного царства мирового фарисейства и наступающего дионисийского триумфа.

Дионисийские блаженства, или Серафим Умиленный эллинской поры

21.08.2005 Измир

Несоблюдение Дионисом правил, «отрицание субботы» вызывает негодование у многих. Но какая на божественную любовь может быть статья закона? Знает Дионис и

дионисова церковь: придется вести ей лютую брань с мировой фарисеей.

Три дочери орхоменского царя Миния слышать ничего не хотят о дионисийских блаженствах. Весь город вышел встречать Диониса. Повсюду ходят увитые плющом с тирсами в руках. Славят Вышнего, опьяненные, полуобожженные и экстатичные... Миний ненавидит Диониса. Божественное пьянство ему непонятно. Оно нарушает мир в Орхомене. Неизвестно, какие будут от него плоды.

Что если круглосуточные опьянения и поголовные миропомазанники составят царство Орхомена? Что тогда? Что делать Минию с тремя дочерьми?

Нет, насколько приятней жить в условиях мира, покоя и закона! Запрещает Орхоменский царь дочерям своим участвовать в дионисийских таинствах и повелевает им сидеть спокойно в палатах своего дворца, творить псалтырь и читать божественные свитки («прясть и ткать»).

— Господь с нами и на нашей стороне! Сегодня нас окружают сонмы ангелов и Олимпийские боги посетят нас в знак, что Дионис пьяница и самозванец. Место ему в тюрьме или на мусорной свалке, — с фарисейским злорадным блеском в глазах говорит Миний своим дочерям. — Пусть вся Орхомена сойдет с ума, но мы не изменим установленным принципам духовности Всевышнего. Сидите и творите молитвы, не теряя мира!

И вот сестры берутся за свой привычный труд. Призывают они бога — «где-то там, какого-то там». Ткут невидимому Жениху одежды, которые Он не будет носить, поскольку никогда к ним не придет.

Внезапно чудо совершается на их глазах (знак присутствия Всевышнего с Дионисом и его юродивой свитой)! Во дворце раздалась сладчайшая музыка Царства. Нити пряжи внезапно обратились в сочные виноградные лозы с тяжелыми гроздьями. Станки зазеленели и покрылись плющом как брачные одры. Во дворце Миния разлилось благоухание мирта и амброзии...

— Что это? — спешат дочери к своему отцу.

— Знамение от дьявола! Господь с нами. Продолжайте свою работу.

Не принимают божественного знамения Миний и его фарисейки-дочери — дает Господь другое.

Что это? Внезапно вместо сладчайшей музыки послышалось рыкание диких зверей. В покоях замка появились львы, черные пантеры, злобные рысы и агрессивные медведи. Как хозяева они бегали по дворцу и угрожали уничтожить все живое.

— Силён дьявол. Силён! — кричит Миний своим дочерям. — Не сдавайтесь. Усиьте молитву. Предайте их проклятию!

И второе знамение не восприняли дочери Миния. Тогда Господь послал им третье. Показал удел и духовный образ мирового фарисейства.

Тела трех царевен внезапно стали сжиматься, покрылись серой отвратительной мышиной шерстью. Вместо рук у них выросли крылья с драконовыми перепонками. Три симфонических фарисейки-царевны превратились в маленьких летающих драконов — летучих мышей.

Никогда им больше не видеть дневного света, не знать опьянения благодатью Всевышнего. Будут скрываться они от дневного света в сырых пещерах и развалинах.

Такой удел ожидает мировое фарисейство — врагов Серафима Умиленного эллинской поры, Диониса блаженного.

К

Много учеников у Диониса. Но тайна растворения блаженств и изменения составов в божественной крови-вине открыта только ему, помазаннику, рожденному из дивного бедра. Господне бедро — символ любви Всевышнего. Дионис распространяет повсюду благоухание вышней любви.

Не ослабевает ни на час борьба священников Всевышнего с буквоедами-жрецами. «Братья Иосифовы» ненавидят и в упор не видят Диониса как помазанника. Их одержит алчность и мамона — черта присущая мировому фарисейству. На сей раз оно принимают образ тирренских морских разбойников.

К

Однажды Дионис благовествовал на берегу лазурного моря. Лик его был неописуемо прекрасен. Морской бриз играл его золотыми кудрями. Благоуханно реяли складки его пурпурного плаща, спадающего со стройных плеч. Глаз невозможно было отвести от совершенной фигуры и неописуемой красоты лика юного божества.

Но что до этой красоты конквистадорам-завоевателям, одноглазым пиратам? Выследили они дивного юношу и решили продать его в рабство, заработав солидный куш. Схватили Диониса, связали и повели на свой корабль.

В тяжелых цепях божественный Дионис. «О, какая добыча попалась нам сегодня!» — ликуют морские пираты. Дионис между тем смотрит на них со спокойной и сострадательной улыбкой.

Кормчий корабля единственный замечает неладное. «Посмотрите, корабль ломится от тяжести и вот-вот рухнет в морскую пучину! Юноша столь могуч, что ему, кажется, ничего не стоит разорвать чугунные цепи, как легкие веревки. Не сребролукий ли Аполлон пожаловал к нам? Не сын ли он Всевышнего? Он не похож на простого смертного. Бог покарает нас. Воздадим ему должное и высадим его!»

Но капитан (первосвященник) со злобой, смешанной с алчностью, отвечает мудрому кормчему: «Презренный трус! Посмотри, море спокойно. Боги споспешествуют нам. Еще какой-то день, и мы приедем на Кипр. Или продадим этого юнца в далекую страну гипербореев — пусть там проповедует о сладчайшем виноградном вине. Боги пошлют нам выкуп — с нас и этого достаточно».

Да, фарисейским «капитанам» не нужны блаженства. Духовному нетленному богатству они предпочитают чугунные цепи, в которых заковывают святых, и лютеросис (выкуп за грехи).

И опять совершается чудо Грааля, и моряки трепещут. Пред ними величайший царь Грааля! Вдруг по кораблю заструилось благовонное вино. Чаша появилась в открытом море. Нескончаемые потоки сладчайшей браги полились во все каюты, во внутренняя, во все их сердца. На парусах зазеленели виноградные лозы с тяжелыми спелыми гроздьями. Темно-зеленый плющ обвил мачту. Повсюду появились гирлянды прекрасных цветов и сатиры с плющевыми тирсами и блаженнейшими песнями.

В ужас пришли моряки. Просят мудрого кормчего поскорее бросить якорь и отпустить таинственного юношу... Поздно. О, если хотя бы в последний момент они упали на колени и приняли! Но ни один из них кроме кормчего не открыл сердца. Ни один не покался в грехе, не сказал: «Боже, кто же мы, если божественного вестника связали как обычного смертного и захотели продать в рабство того кому нет цены? Каким сокровищем он обладает!»

Не могут тирренские морские разбойники принимать вино Грааля. Оно кружит им голову, они впадают от него в безумие худшее, чем нареченный отец Диониса Атамант. Не благоговение и раскаяние владеют ими, а животный страх за свою шкуру. Гневается Всевышний: разве не велико явленное знамение? Почему же никто не видит? До какой степени ослеплены умы и ожесточены сердца!

Нет, кто не способен пить из чаши Грааля, погибнет.

К кому приходит Грааль? О, неописуемо: к трем фарисейкам, днем и ночью как злые осы дудящим ядовитую псалтырь. К тирренским вора и разбойникам... Спаситель в Евангелии учит о них отчужденно: «Те, что были до Меня, только воры и разбойники». А здесь лютейшим морским пиратам являет чудо святого морского Грааля! Со дна морской державы Вышнего поднимается Грааль — чаша неописуемой красоты с пурпурным

опахалом-покрывалом, и источает потоки сладчайшего вина.

Но отвратительны сосуды разбойников. Ничего кроме животного ужаса не написано на их лицах. И судит их Грааль.

Если бы разбойники пали на колени и сказали бы: «О еще и еще. О, наконец-то. Прости нас, Отче Всевышний!» — их окружили бы ангелы и нимфы. Но поскольку никто кроме кормчего не благословился, ангелы приняли образ рыкающих львов, а нимфы превратились в косматую медведицу, оскалившую страшную пасть.

Два этих лика (рыкающий лев и косматая медведица) присущи разноликим фарисеям, какой бы образ они ни приняли: вечных прялок, наподобие парок и мойр, трех дочерей Миния или этих морских тирренских одноглазых пиратов. Грааль открыл отражающий экран, и на пиратов набросились собственные бесы. В ужасе стали они призывать на помощь Всевышнего и прятаться... Но громадным прыжком лев настиг капитана и растерзал его. Разбойники побросались в волны, и Дионис превратил их в дельфинов. А к кормчему подошел со словами:

— Ничего не бойся. Я люблю тебя. Любовь моя да будет с тобой вечно. Пей.

И подал новому кормчему церковного корабля вино из неупиваемой Чаши.

К

Продолжается брань Диониса с фарисеями — нет у него других врагов. Уже вся Эллада полна блаженства. Но усиливаются и восстания. История с Икарием напоминает притчу Господню о злых виноградарях.

Дионис пришел в Аттику и первым обратил Икария. Вкусил гостеприимный эллин небесного вина и не мог сдержаться, понес чашу пастухам. Но те (жрецы-священники), вкусив, заподозрили неладное. Никогда не приходилось им пить подобного. Что это? Вино благословения или проклятия? Что, если оно отравлено и Икарий — коварный убийца?

Приняв помыслы, здесь же заклали они невинного Икария и зарыли его тело в песок. Но Господь прославил его, и Дионис вознес его на небеса.

История с Икарием — наука, что нельзя давать пить вина небесного священникам. Кому угодно, но не им.

В храме у них наоборот: священник выпивает евхаристическую чашу большей частью сам, подавая крохи единицам прихожан. А в Царствии иначе. Грааль распоряжается, руководствуясь другим законом: нуждающимся дает пить. Алчущих напояет до краев. Просящим еще и еще дает нескончаемо...

Афродита

24.08.05 Измир

О превышенебесная! О пеннорожденная, фиалковенчаная, улыбкалюбивая Афродита-Урания (любовь небесная)!

Едва ли кто-либо еще из сонма олимпийских богов подвергся большему осквернению, чем вечнодевственное начало жизни. Не дерзали говорить о ней эллины. Поклонялись как одной из 12 олимпийских богинь, высшей вышних. Осквернили ее римляне в образе Венеры — космическо-зодиакальной, земной любви. Еще мудрый Платон в диалоге «Пир» различал между Афродитой Уранией, небесной вышней любовью, и Афродитой Пандемос¹², ее превратным искажением.

Ее рождение умонепостижимо. Необходима сфера атлантической духовности, чтобы приблизиться к его тайне. Афродита родилась из последней капли крови Урана (Отца Небесного), зверски оскотенного его сыном Кроносом¹³.

Время (земное времяисчисление), земля не могут принять откровения вышней любви. Они запечатаны. Вышняя любовь доходит на землю оскропленной, «обезвреженной». Но какова последняя капля уранова Грааля Атлантиды! Горячая кровь вышней любви. Уран, умирая, оскропляемый Кроносом (Временем) отдает свою небесную любовь, тайну непорочного зачатия от Отца. И из этой горячей в 3000 градусов солнечной капли, упавшей в море, из белоснежной девственной пены в царстве морского Грааля рождается Афродита.

Морские божества преподносят ей великолепный корабль-раковину. Дева сходит на землю, где ее окружают Оры (богини порядка и гармонии) и Хариты (прекрасноликые ангелы красоты). Оры тотчас облачают Афродиту в подходящие ей нетленные одежды.

Какая высочайшая великих тайна Царства сошла в мир! Ни христиане, ни эллины не знают тайны, достойной атлантических высот — непорочного рождения от отца без матери.

Христос, будучи Сыном Отца Небесного, родился без мужского семени от земной Матери Марии — божественной, обоженной. Афродита рождается из Грааля Последней Капли, из уранической вышней любви, из изумруда Атлантиды. Она вся производная, состав пребожественной любви.

Подобна ей Афина. Без материнского лона, в чистейшем божественном облиии рождается она из ума Всевышнего.

Умоне постижимо! Да не смеет никто прикасаться к этой величайшей тайне.

Выйдя из морской державы, вечных покоев всех божественных вестников на земле, Афродита и несомая ею мессианистическая эра вышней любви, покоя и мира не оставляет свое морское отечество. Как морскому божеству, символом ее служит дельфин наряду с миртом, розой, маком и яблоком. А благодать Святого Духа выражается в другом образе — голубя.

Божественная Афродита царит над всем творением. Она, согласно Атлантиде, составляет венец тайн Божества, лежит в начале, в существе всего творения. Ей подчиняются ангельские хоры на небесах и земнородные.

Без нее ничто не может существовать. Она придает высший смысл бытию. Ей покорны агрессивные лесные звери, дикие птицы, львы, пантеры, барсы. Медведи кротко ластиятся у ее стоп. Среди львов и пантер Афродита сияет лучезарным совершенством и чувствует себя великолепно и спокойно.

Три ее спутницы — Эвномия (Закон-ность), Дикэ (Справедливость), Эрена (Мир) открывают другую тайну Атлантиды. Никакой автономный человеческий социум с его самыми совершенными законами, техническими новшествами, никакая справедливость, логика, совесть и мир в обычном человеческом понимании невозможны без излияния уранической Последней Капли высочайшего морского Грааля, запечатленного в дантовой Беатриче, выходящей из морской пены в традиционно Граалевом образе — корабле-раковине.

Хариты — девы совершенной красоты, извечные спутницы Афродиты. Красота в Атлантиде связана не с эстетическими канонами, а восходит к высоте вечного девства и пребожественной последней капле оскропленного Урана.

Быть может, наивысшая совесть и вся жизнь человека связана с виной Кронилов — несчастных сыновей Кроноса, разделяющих вину отца за оскропление Урана. И жаждет все творение войти в любовь не оскверненную, не оскропленную, а какова она на небесах и выше, какой нет ни на небесах, ни на земле.

В этом тайна Афродиты. Нет, не зря пострадал Уран (Отец Небесный) от коварства своего сына! Из последней капли его божественной крови родится «нечто большее» — таинственный синтез, уникальный проект богочеловечества. «Нечто большее» чем на небесах. Об этом позаботится Пеннорожденная, Неборожденная Афродита-Урания.

Сойдя на землю, Афродита не стремится «покорять» богов. И хотя покровительствует героям и рыцарям вышней любви и руководит всеми миротворческими процессами на земле,

ищет боязливых зайцев, хромоногих кузнецов и большей частью калек. В мужья она избирает Гефеста — самого «увечного» из олимпийского пантеона, по-человечески хладнокровного и неполноценного.

Гефест в огненной кузнице выковывает мечи, цепи, копья. Равнодушен Гефест к Афродите, проводящей боольшую часть времени в опочивальне-усыпальнице.

Непредсказуема Афродита. Всем совершенным рыцарям, ангелоподобным миротворцам предпочитает она кровожадного, неистового бога войны Ареса-Марса. И Марс не смеет ей противиться.

Варварство покорится вышней любви. Тьма человеческая осияется от свечи Афродиты. От страстных теогамических уз Афродиты и Ареса рождаются пять таинственных божеств.

Эрос заимствует от своей матери вечное девство и огонь любви, а от отца — неистовство и безумие. Кровожадность обращается в кровь непорочного заклания! Антерос — хладнокровный, рациональный. Враг вышней любви. Мировое фарисейство. Близки ему два демонических лика: Деймос — Ужас перед лицом вышней любви и Фобос — Страх креста, страдания, героизма. Гармония (последняя дочь Афродиты и Ареса) умиротворяет внутреннего человека и несет совершенный мир.

Пять детей Афродиты от Ареса отражают реакцию на вышнюю любовь «варварской», не готовой цивилизации. Эрос, Рационализм (Антерос), Ужас, Страх и Гармония.

Адонис-любимейшей сюжет древних греков. Происхождением от Универсума. Встречает также в Финикии и Ассирии.

О, как она священноодинокa, принимая во внимание ее уникальнейший состав! Ничего человеческого. Грааль Отца Небесного предполагает только юродивые ходы: злобный варвар Арес и трагедия любви к прекрасному Адонису — удвоенное, утысяченное страстное Афродиты, оплакивающей любимого ею сына девственной Смирны и ее оклеветанного отца.

Афродита девственно-безумно влюблена в Адониса. Она познала наивысшее страстное, муки пренебесной любви, когда оплакивала любимого ею сына кипрского царя.

В опошленных сказаниях Адонис — плод преступной кровосмесительной связи отца и дочери... В действительности происхождение Адониса неслыханно. Прекрасный юноша, превосходящий своей красотой даже олимпийских богов, родился таинственнейшим образом, подобно Афродите, без матери.

Любовь Смирны к кипрскому царю такова, что она зачинает от Отца Небесного любовью Сына. Сам Всевышний, придя к ней, объясняет тайну любви к отцу. Нет ничего выше любви к праведному и святому отцу, поскольку он ипостась и зеркало Отца Небесного.

Однажды Афродита, рассердившись на не почитавшую ее Смирну, дочь кипрского царя Кинира, внушила ей страсть к родному отцу. Царь поддался соблазну, не подозревая, что вступает в связь с собственной дочерью, и после этого проклинал ее...

Предание, преломившееся в тысячелетних кривых зеркалах, далеко от истины. Дочь кипрского царя посвятила свою жизнь отцу. «Отца оклеветали. Я хочу разделить его крест. Нет ничего прекраснее, чем стать любимой дочерью и вступить в духовный брак с отцом. Истинный сын в браке с отцом. Истинная дочь в браке с отцом».

За эту верность даровано ей непорочное зачатие свыше от Отца Небесного. Кипрский царь подвергался гонению со стороны грехоцентрических жрецов. Юную царевну также подвергли клевете: их сочли находящимися в преступной кровосмесительной связи.

Всевышний творит чудо, отчасти подобное рождению Афродиты из крови оскотленного Урана. От скорбей Кинира, Смирна будучи девой непорочно зачинает. Никем не понятая, осмеянная, гонимая и отверженная она бежит в Аравию, где истаивая от смертной тоски вышней любви, превращается в мировое деревце. Из его треснувшего ствола рождается прекрасный богомладенец, мальчик неопикуемой неземной красоты. Имя ему Адонис.

О, Сладчайший, сколько видов непорочного зачатия! От последней капли оскотляемого

отца, из морского Грааля (Афродита). От любви к Отцу Небесному. От мировой капли...

Атлантида знала тайну оотчего страстного. Нет призвания выше для дочери (равно как и для сына) чем разделить крест отца. Такие наследуют благодать Царства. Девство их прославляется Всевышним. Они вступают в духовный брак со своим отцом — наивысший из возможных, порождающий мировые деревья.

Афродита влюблена в Адониса с часа его появления на земле, как если бы он был ее маленьким христом, богомладенцем. Она не отводит от него очей. Полагает его в священный ларец, украшенный изумрудами и драгоценными камнями. И передает его на воспитание... Персефоне.

О страстная Персефона, дочь Деметры! Она одна сможет воспитать таинника вышней любви.

Но почему сиятельный богомладенец должен сойти в нижний мир, вместо того чтобы сиять небесной красотой на земле и возвратиться в миры вышние? О... Земной план уникален и превосходит верхний и «нижний».

Премудрость рассудила: из всех бессмертных и тварных существ Персефона единственная способна вдохнуть таинственную мудрость и дыхание любви в Адониса. Ведь в Персефоне живет божественная Деметра. Персефона посвящена в наивысшие формы страстного. Она украшение подземного мира.

С детства Персефона посвящает Адониса в наивысшие тайны Брачного одра.

— Нет выше удела для олимпийского бога, нет больше радости для непорочно зачатого, чем оказаться в царстве гнетущей тьмы и нести свой крест возженной свечи. Возьми его, о непорочнорожденный прекраснейший Адонис, и освящай скорби несчастных в нижнем мире.

Уникально это распоряжение Юпитера! Пребожественный младенец, не успев открыть очей на земле, круглый сирота, отдается на воспитание царице-покровительнице подземного мира.

Томится в подземных камерах неизреченных воздыханий Адонис. Томится по нему и пристрастнейшая Афродита, его девственная покровительница, священнобезумная мать девственно влюбленных.

Просит Афродита Всевышнего вернуть Адониса на землю. Персефона не желает расстаться с ним. Спор богинь разрешил Зевс, назначив Адонису часть года проводить в царстве мертвых у Персефоны, а часть на земле с Афродитой, возлюбленным которой он становится. Персефона не смеет противиться. Пренебесный сосуд совершенной красоты будет одинаково сиять как изумруд на земле, на Олимпе или в подземном мире.

Священноодинокство Адониса непостижимо. Отца мальчик не знает. Да его и нет, рожденному непорочно. Мать умирает вскоре после родов, истаявая от смертной тоски по божественному отцу и по своему земному отцу кипрскому царю, ею обожаемого и обожающей любовью обоживаемой.

Афродита рождается из сладчайшей крови Вышнего. Адонис — от мироточающего ствола Древа Жизни. Умонедостижимые высоты! Понять их не может современный человек. Он ищет и тщится приблизиться к тайнам Атлантиды хотя бы условным и тайнописным языком.

Адонис для Афродиты дороже прекрасных богов-олимпийцев. Ради него забывает она близкий ей Патмос, дорогую ее сердцу Киферу. Нескончаемо много времени она проводит с юным Адонисом, охотясь с ним в горах (божественная охота на предызбранных), в лесах Кипра, уподобляясь Артемиде. В теогамическом союзе, в царских узах Гименея (богосупружества) призывают Афродита и Адонис зайцев (трусливый обыватель), пугливых оленей (страх Божий призванных), серн и других диких животных. Не охотятся на львов (сильные мира), медведей (кичащиеся мышцей) и кабанов (фарисеизированный клир, первосвященники).

Непорочнорожденный Адонис достигает вершины помазания в страстное через

посвящение Афродите-Урании. Под ее покровительством он входит в наивысший порядок Премудрости — в божественную охоту. Ему дано из всех сотворенных существ изыскивать души, способные попасть в сладчайшие теогамические сети. Находить их в самых невероятных обстоятельствах и приводить к Брачному чертогу.

Знает Афродита: не подобает жезлу вышней любви касаться тучных и сытых. Предупреждает Адониса особенно избегать охоты на свирепых кабанов (извечных от Атлантиды врагов вышней любви — священников). Их острые клыки смертельно опасны для тончайших составов среброной Урании.

Но, как часто принято в атлантических сказаниях (Икар и Дедал, Гелиос и Фаэтон), Адонис увлекается охотой.

«О, как же можно, — думает его непорочная и прекрасная душа, — уча о вышней любви к Отцу Небесному, избежать прямых проводников Всевышнего, священников? Разве не им первым надлежит проповедовать об истинном образе Божиим? Разве не призваны священники творить волю Отца, храмы Которого представляют на земле? Разве не к ним притекает народ за помощью и восхождением на небо?»

Увлекается сострадательный девственный Адонис запретной охотой. Его собаки с яростным лаем нападают на след гигантского кабана. Вострепетала Афродита и спешит на помощь к девственно возлюбленному... Но ослеплен блаженством Адонис. Его последняя охота заканчивается тем, что разъяренный кабан вонзает острые клыки в прекрасное тело девственного агнца.

Из смертельной страшной раны сочится кровь. Не успел Адонис поразить герметическим жезлом и таинственным кадуцеем кабана. Заклал злобный вепрь агнца...

О, Адонис не ошибся! Адонис — атлантический Христос. Он был заклан от бешеного кабана-священника и по предусмотрению Всевышнего не успел пронзить копьем Грааля сердце злобного вепря.

Не готово человечество вмещать вестников вышней любви. Но совершают они умонепостижимый подвиг на земле.

Подобно Персефоне, новорожденный богомладенец сходит в ад. Не таково ли свидетельство миропомазанника в мире сем? Как смирен и безропотен Адонис, получая высочайшие наставления и помазания от царицы «нижнего мира», нареченной матери своей Прозерпины!

Течение страстного не знает меры. Растерзанный злобным диким вепрем Адонис входит в страстное, превосходящее ступень ему доступную. Страстное постоянно, непрестанно трансцендирует самого себя. Оно безмерно, поскольку выражает безграничную, безумную и превосходящую любые рамки вышнюю любовь.

Вернувшись к Персефоне после смерти, обновленный общением с Афродитой, трижды и четырежды рожденный, Адонис помогает с еще большей ревностью душам усопших. Под землей продолжается божественная охота, и разгорается свеча страстного.

В мире усопших не затихает плач Всевышнего обо всем творении. Вместе с матерью своей Прозерпиной Адонис спешит к тем, кто кричит из своих гробниц и мест вечного заточения: «Услышьте меня! Простите! Я хочу покаяться. Я ненавижу прежний образ жизни. Я ненавижу себя прежнего. Я хочу родиться свыше. Жажду!»

Афродита безутешна. Уподобляясь Деметре, она обезумела от горя. Облекшись в траур, она бродит по горам Кипра и потеряв божественный разум от горя спрашивает смертных: «Не видели ли вы тело моего Адониса?» Она ступает по крутым горным вершинам. Проходит мимо мрачных ущелий, по краям глубоких пропастей. Ее ноги окровавлены об острые камни и шипы терновника. Земля обагряется непорочной кровью Пеннорожденной.

Наконец находит Афродита тело Адониса. Из его крови вырастает нежный анемон. А повсюду, где ступала нога божественной девы вышней любви, произрастают алые, как кровь Афродиты, розы.

Всевышний помнит скорбь Деметры и не хочет, чтоб погибло все живое на земле из-за горя Афродиты. Чего стоит творение, если его не будет оживлять высшая и божественная любовь, лежащая в основании мироздания? Сжалившись над горем Афродиты, Премудрость решает: полгода Адонис проводит в царстве мертвых, в «нижнем мире» с Персефоной.

Усопшие нуждаются в откровении вышней любви. Свеча Адониса — рядом со свечой Персефоны и Аида.

На другие полгода он возвращается на землю в объятия Афродиты. Божественная Урания забывает о рожденном ею Эроте, своих стрелах. Вся обращается к таинственному вестнику вышней любви, запечатаннейшей тайне Атлантиды: каким образом непорочно рожденный мальчик, преподнесенный в таинственном ларце божественной Премудростью, сподобляется откровения высочайших тайн на земле, так что боги ему завидуют, поскольку не могут совершить подобного подвига (будучи бессмертными)?

Финикийская Астарта, вавилонская Иштар, египетская Исида... Повсюду оставляет божественный след богиня Вышняя Любовь.

В страстных сказаниях, среди недостойных совершается тайна тайн. Рожденные от последней капли, из морской пены, из оотчего мирра, помазанники несут с собой образ мессианистической эры.

Пусть он сойдет на землю ненадолго. Пусть найдет как облако с белым голубем Святого Духа. Пусть запечатлится как таинственная Атлантида — земной Эдем, некогда бывший на земле и поставленный в литейную форму, идеал для любой цивилизации, желающей благополучно завершить свой век.

Афродита — одна из тысяч нескончаемых ипостасей вышней любви. Каково выйти из подземного царства теней и стонов и пребывать в присутствии дочери фракийского и атлантического Грааля, пребожественной богини вышней любви! Такая высота страстного дает возможность сходить и нисходить по лестнице света и тьмы.

О, какова мать Афродита, оплакивающая своего любимого сына и божественного супруга, если ей удалось вымолить у Всевышнего (опять же в нарушение законов — никто из преисподней не возвращается на землю) разрешение Адонису вернуться в таинственный земной мир.

Для престола вышней любви не существует земных ограничений: горние, дольные, высокие, низкие... Превосходящая любовь охотится не на львов, а на зайцев, пугливых серн и оленей. Ищет не богатых, а нищих. Не умных и правильных, а юродивых и безмерных. Благовествует среди Павлов и достигает среди них невозможного мира.

Она сияет во всем творении и добивается чего нельзя добиться никакими усилиями, никаким другим способом.

О священноодиночестве вышней любви! Еще никем не воспето оно.

Атлантический миф об Афродите отображает изначальную истину Универсума, раскрытую во всех первоначальных мировых религиях. Безматерне-рожденная из сладчайшей крови вышней любви Небесного Отца в момент его страдания (оскопление Урана-Неба сыном Кроносом), Афродита своим примером показывает, как проявляется Минэо.

Всевышний руководствовался исключительно соображениями вышней любви и страдания. Из его божественной крови в состоянии умонепостижимого страстного родилась любовь Матери всего живого на земле.

Не допускает она ни одного обывательского поступка. Ее интересы лежат вне уз обычной любви, обычного брака, обычных мук, радостей, наслаждений, блаженств, страстей и похотей, связанных с ним.

Афродита реализует уникальные богочеловеческие проекты. Доказывает как дочь Урана (Царя Небесного) и Таинственного Божества, превосходящего по своим свойствам творение, уникальные замыслы Всевышнего.

Человек создан не только для прославления всемогущества Отца (как считают иудеи и христиане) и не по соображениям Парк и Мойр (богини судеб, предписанности вечных программ и их зодиакальной фатальности), не как «раб греха» или «свободный». Назначение человека не сводится ни к одному из обычных понятий. Оно столь же таинственно, как таинственно Божество. Человек предназначен осуществить на земле то, чего нет на небесах. На землю приходят пострадать ради создания уникального проекта.

К

Чудесным образом уникальный проект выражен в сказании о Пигмалионе.

Равнодушный к женщинам, феноменальный скульптор создает из мрамора прекрасную женскую статую и влюбляется в свое творение. Статуя из белого мрамора неопишуемой красоты, девственница Галатея оживает от благословения жезла Афродиты.

Что это? Уникальный проект, созданный на земле! Плод воображения и творчества выдающегося мастера оживотворяется небом, принимается и благословляется.

Пигмалиону удастся создать то, что не смог сделать даже Сам Всевышний и Матерь Его Зодчая. Великий скульптор создает бесподобную женщину, в которую по уши влюбляется, и Всевышний признает продукт его творения даже превосходящим Его собственные божественные возможности. В знак чего оживляет статую и она становится невестой и супругой Пигмалиона.

К

Свидетельство Афродиты — абсолютное христианское. Афродита, Царица Брачного пира, призывает хромых, нагих, убогих и последних, понимая теогамическую высоту «уз Гименея». Муж ее Гефест в прямом смысле хромым. Но какую таинственной силой обладает! Огненнаяковка в его кузнице — сила вышней любви.

Руки Афродиты помогают высочайшие существа, жаждут проявленности вышней любви в рамках уникального богочеловеческого проекта. А Афродита выбирает самого недостойного. Зато как никто Гефест, грубый кузнец, может оценить любовь своей вечнодевственной супруги. И любит ее безумно.

Но Урания не ищет мирного спокойного брака в рамках обычно понимаемой семейной картины. Она вступает в теогамический союз с воинственным и кровожадным, безумным, злобно одержимым богом-варваром Аресом (место ему на адском дне, если бы не его олимпийская родословная) и побеждает. От их союза рождается таинственным и умонепостижимым образом нечто уникальное — Эрос (вышняя любовь, действующая в человечестве) и Антерос (страдание, понимаемое как страстное, связанное с неспособностью достичь вышней любви, ее вечный зов).

Дети Афродиты и Ареса отражают неспособность человечества принять вышнюю любовь. Спектр Гармония-Ужас-Страх, вечные метания, страдания и страстные муки ожидают тех, кто пожелает прочесть наивысшую тайну бытия. Но нет ничего слаще этой муки и выше теогамического креста.

И даже за Страхом и Ужасом, за Гармонией и неистовым безумством стоит страстная Урания, мать вышней любви, царствующая над всем творением и мирами видимыми и невидимыми.

К

По другому сказанию, во время охоты Адонис был смертельно ранен диким вепрем, которого наслала ревнивая Артемида. В поисках тела юноши шла Афродита по скалам и ущельям, ранив об острые камни нежные ноги. Найдя Адониса, велела богиня вырасти из его крови нежному анемону, там же где падали капли крови из раненных ног самой Афродиты

выросли алые, как кровь, розы. Сжалившийся над ее горем Зевс велел Аиду отпускать каждый год Адониса на землю, и с тех пор живет он по полгода с богиней Афродитой.

Божественная дева Диана и 50-миллионная свора псов Актеона

24.08.2005 Измир

Чтобы хоть что-то понять в греческих преданиях, необходимо учесть четыре ступени искажения Атлантиды — четыре объективации, превратные ложные лепки, приуроченные к греческому, римскому и атлантическому сознанию. Артемида времен древнеримских скульпторов, воинственная дева-амазонка, бесконечно далека от подлинной Артемос — непорочной, Immaculata богини, теотической девы Атлантиды.

Римская Диана приурочена к порочным нравам Рима. О европейском типе и говорить не стоит. Рембрандты, рубенсы представляют пантеон божеств (обоженных) как развратных куртизанок (единственный способ в пору инквизиторского католического пиетизма нарисовать нагое тело, используя греческий сюжет).

К

Каковы же они были — эти божественные девы, в окружении нимф, Ор и Харит совершавшие омовения в белых купелях? Необходим взор, проникающий в Атлантиду. О Атлантида! Великая морская держава откроет нам и сегодня выходящую из морской пены Афродиту, Афины-Палладу, Артемиду, Аполлона, Диониса, Гермеса...

Атланту населяли божественные существа. В этом ее основное отличие от последующих цивилизаций. Божества (обоженные, прошедшие лестницу восхищения в пренебесный мир), иномирные, иносоставные, иного порядка — мирно сосуществовали с земнородными атлантами.

В этом отличительная черта атлантической цивилизации, превратно понятой Грецией. Греческие образцы прекрасны. Боги выглядят на них девственно нагими, чистыми, великолепными, могущественными, сильными и непобедимыми. Но оригинальный колорит мудрых дев Атланты утрачен греками. Греческая скульптурная лепка не соответствовала атлантическому оригиналу. Реальность Атлантиды превратилась в миф. Греческий интеллект не мог вместить Атлантиды. Похотствующий Рим искажил Грецию. А христианская Европа впала в откровенный разврат и осквернение.

Так ничего не осталось от Атлантиды, кроме мифов и их художественных преломлений.

К

О прекрасные девы Атлантиды! Глядеть на них было невозможно. Взора их не мог выдержать никто. От них исходило небесное томление. Они неземные существа, что бросается тотчас в глаза, если мысленно их представить. Ростом превосходящие смертных, и от них веет божественным девством.

Девство столь безукоризненно и несомненно запечатлено на них, что не возникает мыслей и сомнений. Надо быть отменным хамом и отпетым подлецом, чтобы удостоившись запретного (видеть божественную деву), воспотствовать к ней или сравнить ее со смертной женщиной. Атлантические божества исполнялись праведным гневом и наказывали дерзких.

Это были девы премудрые. Божественный их ум отличался от человеческого. Они изрекали светлые истины. Пребывали в божественных сферах, хотя сходили и воплощались. И поскольку владели ключами перевода в страстное и крест (иначе названный у них кадуцеем, тирсом, скипетром), могли пресуществлять в иные виды земнородных: обращать

их в ланей, зайцев, оленей и т.п.

Их красота была неотразимой. Их совершенство — неземным. Ни одно смертное существо не могло без особого благословения и помазания взирать на атлантическое божество.

Атлантиды не понять без этой одной из тысяч ее величайших тайн: одновременное пребывание в одном физическом пространстве иномирных божественных существ и земнородных, стремящихся к обожению. Небеса в Атлантиде были непрестанно открыты. Божества (первообожженные помазанники) сходили на землю, наставляли ищущих обожения. Устанавливали справедливые порядки. Вершили суд. Являли идеалы. Устремляли к совершенству. И возвращались на сиятельный Олимп к божественным престолом славы Всевышнего.

О пребожественные девы Атлантиды! Они иконописно совершенны. Лики их прекрасны, как у Пресвятой Девы и Господа. Необходимы свои дионисии и андреи рублевы, чтобы запечатлеть их иконописное совершенство.

Их лики одно с архангельским и ангельскими. Они и есть михаил-архангельское воинство, сходящее на землю.

Ничего подобного уже не было в дочерней Атлантиде цивилизации греков. Но будет в Богоцивилизации-III. Без проникновения вратами Атлантиды не войти в нее.

К

Артемиды — ревностная девственница. Она богиня-хранительница девства. Копье в ее руках (бьющее без промаха атлантическое копье Грааля) направлено двояко. Божественной охотой Дианиона вовлекает в сети вечного девства предызбранных и прободает их сердца в кровотокающем страстноом.

Но может копье нанести и смертельную рану откровенным врагам девства, надругавшимся над ним или бросающим вызов ему. Копье Артемиды едва не настигло нимфу и подругу Калиосту, когда Артемиды заподозрила ее в измене.

Нельзя изменять вечному девству. Только так может быть понята атлантическая Артемиды вне греко-римо-европейских кривых зеркал.

В Атлантиде Артемиды была как величайшее божественное претворение, как неопикуемый высоты пренебесное существо. Охраняла она принесших обеты любви к Всевышнему. В Греции покровительствовала юношам и девушкам до их вступления в брак (и особенно — давшим обеты девства).

К

Актеон увидел Деву купающуюся, был превращен ею в оленя и растерзан сворой своих же псов, согласно Овидию. Актеон совершил великий грех: воспотствовал к богине-небожительнице. Счел ее обычной смертной. Не узнал в ней свою госпожу. Растерзал ее своим критическим взглядом, впился в ее девственные формы, осквернил их, покусился.

Может быть тайна красоты небожителей подобным образом вульгаризирована? О нет, никогда! Может ли кто-либо из смертных без особого благословения видеть омывающуюся Деву?...

О, какая это честь — встретить девственную красоту!

Мне посчастливилось. Моей «божественной Дианой» была мать Мария Орловская. Но в отличие от Актеона я не воспотствовал к ней, но счел ее воплощенной Богородицей. «Матушка, — говорил я крестной моей матери, — рамочку бы носить вокруг вашего лица. Вы — живая Богородица». Благоговел и почитал ее как Богородицу, сошедшую на землю.

Так должно быть и было всегда. Неожиданно появлялась Она и также неожиданно исчезала. Воплощалась и являлась на грешную русскую землю, а не только атлантическую, Пресвятая Богородица. Только многие ли распознавали Ее?

К

Гениальный сюжет о псах Актеона — вроде бы трагедия юноши. Незаметно для самого себя он превращается в оленя с человеческим разумом. Так божество, принимая человеческий образ сохраняет пребожественный ум. Но человек безумен и глуп, как собаки Актеона.

...Они настигают своего хозяина. Он говорит им человеческим голосом: «Ниса! Что ты делаешь, безумная? Не прыгай на меня! Или ты забыла, как я неделями проводил время около тебя подобно лекарю и исцелил смертельные раны, нанесенные тебе кабаном? Ларк! Ты обезумел! Я твой хозяин Актеон. Так ли ты отблагодарил меня за то, что я отличал тебя от остальных псов и всегда ласкал и беседовал с тобой? Вспомни, как ты преданно смотрел мне в глаза, сколько любви было в твоём взоре. Ларк, Ларк, безумный Ларк! Не впивайся в мое бедро...»

Но Ниса прокусила горло своему хозяину, не понимая кого закалает. Ларк свалил оленя на землю, что позволило остальным псам довершить свою работу.

Собаки не узнали в олене Актеона. Более того, они хотели угодить Актеону (своему богу) убийством его в образе оленя.

— Какая прекрасная добыча! — говорили сопровождающие охоту юного Актеона слуги. — Как порадует Актеон! Только где он?

А Актеон лежал растерзанный и истекающий кровью. Вместо речи собаки слышали глухое мычание. И только окровавленные человеческие глаза выдавали человеческий разум в глазах затравленного животного.

Как собаки со своим господином, Актеон поступил со своей госпожой — божественной Дианой. Совершилась высшая справедливость, суд богов.

Актеон, подобно своему псу Нисе, впился во все поры пребожественной девы Дианы, когда посмел без страха Божия созерцать ее наготу. Не то было страшно, что случайно увидел купающуюся богородицу, а то, что хамским оком видя ее, презрел ее божество. Счел обычной смертной и хотел было похвалиться друзьям, что видел неотразимой красоты божественное существо — богородицу Диану.

Свора из 50 собак впилась во все тело Дианы, когда наглый взор несчастного юноши остановился на ней.

Несчастный человек! Желая угодить своему Богу, как псы Актеона хозяину, впивается Ему в бедро и глотку. Сражает Того, Кому вчера еще служил, не в силах распознать в его коровьем, оленьем беспомощном мычании своего Хозяина... Так мычит весь род адемов. Глухой предсмертный апокалиптический стон.

Пятимиллиардная свора псов Актеона, растерзавшая Хозяина...

Заколают псы Актеона своего хозяина. Животное вопит в предсмертном человеческом стане: «Что же вы делаете? Так-то вы отблагодарили меня за то, что Я вас исцелял, любил, выделял среди других? Ниса! Ларк!» Не тут-то было. Желая угодить хозяину, его же убивают.

Великий парадоксальный приточный стиль Атлантиды и нашел свое отражение в религиозных мифах Греции, в сказании о богине Артемиде и наказании ею юноши Актеона.

К

О сладчайшая дева! К каким чудесным источникам сходишь ты для омовения, нагая в пребожественной красоте? Ты нуждаешься в омовении, будучи на земле Атлантиды. И никто не может видеть, как твоя девственная непорочная нагая красота преображается.

Сколько примешалось в мифах! Сколько в них представлений греко-римских собирателей, сколько привнесений, сколько лжи!

У греков она агрессивная участница битв с титанами (поразила стрелой одного из них

— Гратиона). Участница Троянской войны (вместе с Аполлоном богиня на стороне троянцев). Участвует в соревновании богов и не прощает Парису того, что он прекраснейшей из богинь признает не ее, а Афродиту. Уничтожает хитрым образом братьев-великанов Алоидов, осадивших Олимп. Вместе с Аполлоном поражает хамоватого Тития, кичащуюся своим многочисленным потомством Ниобу. Стрелы ее достигают великана Ориона, вроде бы покусившегося на девство гиперборейской жрицы Артемиды Опус, и т.п...

Упаси Боже принимать греческие образцы «охотницы на диких зверей»! Греческие мифы заимствованы из Атлантиды и изуродованы, как изуродован современными христианами Христос и осквернена ими же, не узнана в тысячах Своих ликах истерзанная и загнанная Пресвятая Дева Мария.

Да сохранится дева Диана как божественное теогамическое существо, как воплощенная Богоматерь!

Удостоимся и мы общения с нею, ее божественной беседы. Лицо ее сияет. Она мудра, сильна, прекрасна, неподкупна. Она преупокоенна и мирна. Не выходит из молитвы. Божественно высока и недоступна. Одновременно она ходит среди смертных, но ее никто в упор не замечает. А если и заметят недостойным образом, вдвое будут наказаны.

Боже, какой Грааль! Какая умонепостижимая реальность пятого измерения! Царство, никогда не оставляющее смертных в самых пагубных обстоятельствах.

...Кто знает, в каком образе обреченному зеку Второй Соловецкой Голгофы явилась Богородица? Как сестра милосердия? Как доярка? Как зековка?

Божественная «двумерная» реальность Атлантиды (божества среди смертных) продолжалась и в 84 цивилизации. Но только единицы из единиц могли рассмотреть и опознать. А прочие привыкали к 50-миллионной своре псов несчастного Актеона и удостаивались участи растерзать своего Хозяина, не зная кого они убивают, в кого впиваются их острые зубы. Ведь Божество, сходя на землю, принимает неожиданную форму. И все чудо в том, чтобы распознать его.

Не распознал Актеон в Диане божество и свою госпожу — не распознали и псы в олене своего хозяина. Неувиденная божественная метаморфоза повлекла другую, человеческую. Трагедия Актеона отразила страстное богов — трагедию божеств, сходящих на землю и вынужденных Последней Каплей осенять и питать евхаристически тех, кто никак иначе не может окормиться пренебесной благодатью и воспринять ее, как только впиваясь в горло своему господину в знак бесконечной благодарности к нему.

Боже, сколько тайн! Как может смертный Актеон видеть богодеву Диану, купающуюся в божественных светах? Разве может смертный воспринять свет без того чтобы ослепнуть, превратиться в пепел, прах и погибнуть? Каким образом божество воплощается на земле, ходит вслед смертных, незаметно страдает за них, никем не опознанное и не признанное?

Боже, сколько тайн! Каждая из них достойна трепетания...

Не было ни одного смертного существа на земле — от совершенного творения человека до последней козявки и шавки — которому не давалось бы божественное знамение, которому не являлся бы хотя бы однажды в каком-нибудь юродивом, понятном, доступном (или в непонятном и недоступном) образе Всевышний. Но не оказалась ли душа букашки в состоянии пророка, проспавшего в пустыне откровение божества?

Во время «совка» я диву давался, как две святые (Мария Орловская и Евфросиния Почаевская) ходили по земле и их никто не замечал, никто не узнавал. Сам Всевышний, Дух Святой открыл мне кто они. Потому я к ним не просто притек, а прилепился. Сочетался с Марией, как ни один муж с женой или друг с другом своим не сочетается. И припал, и пил от ее девственных сосцов. И взял от нее нечто большее ее самой. А потом так же — с Евфросиньюшкой Почаевской, удостоившейся нетленных мощей. А потом припал к соловецкой мощевой раке Серафима Преумиленного и удостоился вкушать ароматы ста тысяч превосхищенных, покоящихся нетленными мощами и удостоившихся царских огненных венцов, что просияют в Богоцивилизации-III.

О величайшие тайны бытия! Для меня поныне духовная жизнь и свидетельство

Вышнего остается загадкой, сколько бы его ни копировали, сканировали и подгоняли под рамки привычных и очевидных «житий» вампиры от религии — ученые фарисеи.

Девкалион, его жена Пирра и человечество родившееся из кости Грааля

24.08.05 Измир

Атлантическая версия потопа и ковчега выглядит намного духовнее иудейской. В центре предания — праведный Девкалион («девственное лоно») и жена его Пирра (мировая Евхаристия, Брачный пир).

К

Жители «медного века» злобой, развратом и бесчестием восстановили против себя Всевышнего. Юпитер решил погубить род человеческий за его непослушание. В противном случае люди уничтожат друг друга и впадут в еще более тяжкие скверны. Деревянный корабль был построен лишь для двоих: Девкалиона и Пирры.

Библейский Ной вошел в ковчег со своими родственниками и попарно ввел животных. Атлантическое предание более духовное. В основе его девственная благодать. Девкалион — не просто праведник, но совершенный девственник. Жена его Пирра — божественная дева. Обоих связывают узы теогамического брака. Оба устремлены к Всевышнему и непятнаемы в своем существе.

Семь дней носится корабль с Девкалионом и Пиррой по морским волнам, пока не причаливает к суше. Девкалион разбивает жертвенник благодарения Всевышнему и просит об одном своего господина, нескончаемо его благодаря: о продолжении адамова рода.

Прямого потомства, как у Ноя, у Девкалиона нет. Адамов род рождается заново свыше от Девкалиона и Пирры.

Господь слышит страстное прошение единственно переживших потоп двух девственных агнцев и говорит им:

— Возьмите камни. Идите и разбрасывайте их направо и налево. Из них родится новое человечество и ваше потомство.

К

Рожденное из камня человечество Грааля... Перламутровая кость Грааля, составы, напыления, частицы прилепления, расплавление жемчужины и пр., сопровождающее Грааль и учение о внутренней чаше, лягут в основу Богоцивилизации как белый камень, на котором написано новое имя Всевышнего.

«Послепотопное» человечество в своем внутреннем составе содержит тайну Грааля и подлежит обожению. Только перламутровая кость обглодана «псами Алкеона» — фарисеями и лежит незаметно у порога хозяйского дома. Ее бы поднять, омыть, облобызать, принять в сердце. Усвоить, что в основе человеческого состава лежит чудесная и бессмертная кость. По ней человек воссоздается после своего малого внутреннего потопа. Идет он, подобно Девкалиону и Пирре, двум своим мужеженским ипостасям, разбрасывая направо и налево камешки. Рождается от него нетленное потомство — богочеловечество.

К

В библейских текстах способ размножения обычный. От Ноя рождаются Сим, Хам, Иафет, и продолжается бесчестие.

Атлантида рисует совершенные образцы. Потомство, рожденное от камней Девкалиона

и Пирры, будет пить из Чаши Грааля. Это будут девственники (малые дети Девкалиона на брачном пиршестве вышней любви). Вместе с матерью, добрейшей и девственной Пиррой, прославят они Всевышнего в опьянении его блаженств среди земных скорбей, пустынь и меры страстного, попущенной для входа в брачные чертоги.

Божества приходят с таинственной целью: осуществить любовь, какой нет даже на небесах.

Орфей, или Сила девственной влюбленности

19.06.05 Деру

О девственная влюбленность! Величайший из ключей к обожению, ключ богосупружества!

Общее между Гермесом Трисмегистом, аполлоническим и дионисийским началом, Орфеем, Пифагором, Моисеем и Заратустрой, Иисусом Христом, пророками и помазанниками всех времен — их несказанная, боольшая чем у обычных смертных влюбленность.

Девственная влюбленность поддерживает мир среди богов Олимпа. Египетские и греческие (элевсинские) мистерии, даже дионисие-вакхические пляски женщин, предающихся высшему божеству — жажда найти выход частицам прилепления. Они как бы впервые были открыты Моисею и помещены в ковчег. В них суть всех существ, начало всех начал.

У каждой цивилизации свой ковчег и в нем сосуд с манной (кристаллизованное мирро), скрижаль, писание свыше двух влюбленных (богов и смертных, Бога и человека) и чудесный жезл расцветший (роза воскресения и вечной жизни).

К

Орфей — божественный певец из Фракии в ахейскую эпоху, сын сладкогласой музыки Каллиопы и божественного Аполлона.

В чем тайна лиры Орфея? Почему ей покоряются злобные псы из окружения Цербера? Почему адовы чудища и лютейшие ведьмы-старухи с торчащими во все стороны вместо волос змеями успокаиваются и внимают лире Орфея?

Орфей — вестник Всевышнего, помазанник Брачного чертога. Орфей принес в мир религию Царствия. Она составляет единственное во все времена Евангелие или подлинную весть.

Ничего мессианистического, «искупи-тельного», восстанавливающего Израиль в религии Христа не было. Мухаммед стопроцентно прав, когда говорит по откровению ему архангела Гавриила, инструмента божественной вести всех мировых религий, открывающих истинную весть Вышнего — веющую небесную любовь через непорочное зачатие: «Весть Христа отличается от ее изложения в Евангелиях! Она не понята и искажена!»

Но вернемся от Христа к Орфею. Божественный певец, провидец судеб, музыкант даром Божиим, мелхиседеков священник, дважды рожденный. Певец сияющего «протогоноса» (Адама совершенного), серафита неподвластного падению. Непричастный холоду падшего творения, Орфей исполнен ароматами вышней любви. Музыка Царствия звучит в его гармонических вибрациях и совершенный мир.

Непрестанная влюбленность — вот где тайна Орфея. Эта влюбленность творит чудеса. Орфей безумно влюблен в Эвридику, свою девственную жену. Он буквально боготворит, видя в ней олицетворение богини чистоты, заступничества, девства христианской Девы Марии.

Орфей — от 'ор' (др.-иуд. 'свет'): сияющий свет Царства.

Эвридика после укуса змеи в лесу умирает и попадает в царство теней Персефоны. Но любовь Орфея такова, что превосходит все рамки жизни, смерти, обретения, утраты. Скорбь, радость — все это пресуществляется в одно нескончаемое страстное — в гимн божественной любви. Орфей поет гимн славы, при этом безумно тоскуя о своей божественной возлюбленной. Совершая неслыханные парадоксальные поступки, он делает то, чего не мог делать никто до него: спускается в ад, умирят диких псов, мстительных эриний. Стражи Аида — псы с огромными челюстями, раздирающие на куски всякого, успокаиваются. Чудо!

В чем же сила воздействия лиры Орфея? Певец Всевышнего знает тайну, открытую помазанникам Лона (мировое превечное лоно как хронос или место пребывания верховного существа — основная тема орфизма). Зло в мире возникло из-за недостатка любви, в свою очередь вызванного фатальной ошибкой проточеловека — его отказом от креста, Древа жизни. Адам как бы естественно пал, поскольку его отказ питаться от креста (Древа жизни) отражал его низкую способность к страстному, вызванную в свою очередь охлаждением сердца.

Орфей делает противоположное. Как все пророки от Гесиода до Баха-Уллы, принимает бессознательный крест как универсум Премудрости. Входит в страстное, разгорячается в любви. И благодаря возженной свече вступает в заповедные пещеры адские.

Злобные псы — о, больные! они не знают вышней любви. Кошмарные эринии (их сторонятся даже демоны из низших сфер подземного мира) — и они умиряются небесной любовью как обделенные ею некогда. Ад приходит в движение. Отраженная сфера падения Адама: всеобщее отречение человека от креста, а значит от Брачного одра, от вышней любви. Ею одною Орфей покоряет преисподнюю. И по сути упразднив ад, т.е. прекратив адские муки, приведя Христово Царство в мир греческого Аида, великий певец совершает невозможное. Подобно Христу, он изводит из преисподней Эвридику.

Ни один из смертных не выходил оттуда до того. Неслыханно! Его впустили как вестника, а не как осужденного раба. Ему внимали как посланнику небес. И никто не восстал, хотя не велено олимпийским богам и ангелам Всевышнего спускаться в подземные обители. Ему удалось то, чего не удавалось вообще никому из воплощенных смертных: успокоить злобу адову. Водворился мир во вселенной.

Но и этого мало Орфею. Вершина вышней любви — победить не только смерть или страх ее и болезнь, но и ад, сего последнего врага. Победить же его можно помимо укрощения мстительной злобы адовой клещей, челюстей, жаровен и прочих орудий пыток опять же пренебесной любовью. И Орфей выводит Эвридику, руководствуясь ею, своей неоскудевающей влюбленностью.

Его останавливают. У него замирает сердце. Его искушают. Орфей побеждает одной своей влюбленностью. Она превосходит все нормы, суды, статьи закона, весы судеб и предначертанные уделы. Она побеждает весь тварный мир и возвращает его в дом Вышнего при одном условии: творение должно дать согласие не оглядываться назад, что означает забыть о первородном грехе.

Эвридика устремилась за Орфеем, но тени геенские гонятся за ней. Они ее усовещают. Ад обладает кошмарной силой притяжения. Его обитатели хотели бы покинуть это всеобщее тухлое яйцо и зловонную лужу, наводненную бактериями и душами съедаемыми ими. Но и здесь тайна орфизма, бесконечно близкая к христианству: души попадают в ад по своей воле. Эвридика так же покорена лирою Орфея, как и злобные эринии. Она больше, чем другие обитатели или стражи преисподней, способна внимать музыке своего супруга. Она привыкла к его божественным гармониям. Но даже ее чем-то привлекает греховный мрак. Эвридика беспокоится. Ее терзают сомнения. Ей плохо от мысли, что она опять увидит свет и мир Божий. Ээки подземные остаются в аду только потому, что сами того хотят. И дурно адаптированы под всеобщее космическое тухлое яйцо.

Эвридика начинает восставать. Она тянет своего супруга назад. Она его усовещает. Она не понимает, зачем и куда он ведет ее. Она боится погибнуть. Сейчас ее разорвут острыми

клыками злобные старухи. По ней плачет мать Персефона.

«Что ты делаешь со мной? Посмотри на меня. Вступи же со мной в диалог. Где твоя любовь? — кричит Эвридика Орфею. — Ты любишь всех кроме меня. Куда ты меня тащишь? Зачем ты нарушаешь волю Всевышнего? Разве воспеваемый тобой единый всевластный Бог не попустил мне быть укушенной ядовитой змеей в лесу и попасть в царство теней? Оставь меня, нарушитель закона, отступник от веры отцов!»

Орфею не велено вступать в диалог со своей супругой. Таково одно из условий, поставленных ему Аидом, хозяином преисподней. Он не должен оборачиваться и вступать в диалог с Эвридикой. Еще и еще увлекает свою возлюбленную Орфей, и его сердце наполняется нескончаемой превосходящей превосходящих любовью. Еще никогда свеча страстного не горела подобным образом. Орфей не просто в адском пекле. Орфей в преисподней преисподних. Его возлюбленная ввергает его в ад среди ада. Она терзает его сердце, нанося ему смертельные кровавые раны, упрекая его в холодности, равнодушии, в отступлении и измене. Орфей больше не может. Измученный и обессиленный, теряя рассудок, он оборачивается, чтобы показать Эвридике свое истерзанное и окровавленное от страданий лицо. Увидев его, Эвридика все поймет!

Но как только Орфей оборачивается, тени уносят Эвридику навеки в пропасть.

О Орфей! Даже вечная смерть не может разлучить его со своей возлюбленной. Значит, так хочет Госпожа его Пренебесная Влюбленность. Только похотным нужны соития, возбудительные игры и т.п. Девственная влюбленность не знает никаких границ. Смерть над ней не властна.

Орфей остается со своей возлюбленной. Он продолжает скитаться по земле и воспевает свою Эвридику везде, где бы ни был, какие бы страны ни посещал. Его пению покоряются странствующие аргонавты.

Но нигде не находит покоя Орфей. И вот страстная кончина. Орфей возвращается во Фракию, место особо ему дорогое, напоминающее об Эвридике и о юности. Здесь он встречает толпу безумствующих вакханок. Почтенные матери семейств, почитаемые дородные жены и девы, опьяненные божественным вином, предаются иступленным пляскам. Орфей проповедует среди них. Он вынимает свою лиру и поет вакханкам песнь божественной любви, отчего дионисийское иступление их становится вообще беспредельным. Эти вакханки искали того же, что и злобные псы из преисподней и змеевласые эринии — вышней любви. Услышав ее голос, вакханки буквально обезумели и в иступленном танце, влюбившись в божественного Орфея, разорвали его на куски, чтобы каждому достался весь он — царь, вестник с неба.

Легенда гласит, голова Орфея потом еще многие годы пророчествовала и пела. И воспевала сладчайшим образом любовь Всевышнего.

Сын Аполлона Орфей вполне вкушает чашу дионисийского страстного. Он, мирный певец, находится в непрерывном страстном. Он вынужден бороться с чудовищами, посещать ад, тащить оттуда душу смертной, нарушать все законы вселенной. И наконец это последнее таинство, превосходящее все эллинские мистерии, этот неслышанный танец жизни и смерти. Голодные по Вышнему Возлюбленному вакханки встречают его и находят нескончаемое утешение. Пожар небесной влюбленности приводит к тому, что они экстатически выходят из себя и раздирают Орфея на куски. Его бессмертные тела превращаются в солнце. И солнечный Орфей выходит из гроба своего как жених, озвучивая все позднейшие греческие гимны любви и оды вышнему Олимпу.

Ойнопия — остров святого Грааля в Атлантиде, или Пить нескончаемо вино из Неупиваемой Чаши

24. 08.05 Измир

У европейцев — Корбени и Монсальванш. У нас в России — Соловки, Соловьиный сад. В Эфесе — Соловьиная гора. А на Атлантиде — Ойнопия. Таковы названия дионисийских триумфальных городов сладчайшего вина, посвященных Чаше Грааля.

Где только ни появляются рыцари Неупиваемой Чаши, всюду вокруг них увивается свита нимф, ор, харит и морских дев. Наступает священное опьянение блаженством Вышнего, и мир охватывает любовь, какой нет ни на небесах, ни на земле.

К

Всевышний возлюбил Ойнопию как Свой Брачный чертог. И множеству прекрасных сыновей и дочерей дал пить от сладчайшей мессианистической виноградной лозы. «Оазисом мира» или «островом Виноградной лозы» именovali атланты Ойнопию. Мелхиседеки, хранители Чаши — «таинственным святилищем Всевышнего».

К

Любят охотиться олимпийские боги. Охотится Диана (уловляющая в сети и уязвляющая копьем Грааля сердце — стигматический удар, укол вышней любви ради помазания в страстноое). Охотятся Афродита, ее божественный сын Эрот, Аполлон. Любят превосхищенные божества Олимпа неожиданно обретать души, находя их невесть где: в захолустье, в запущенных местах, в египтах, в аравийских пустынях, в соловецких концлагерях.

И еще в ходу у атлантических богов священнопохищение.

Всемогущий похитил у речного божества Аспаса (от «аспасиос» — вождедеющий и непрестанно радующийся) прекрасную его дочь, любимицу речных хороводов Эгину (от «Эгуэ» — близкий, ближайший к Богу и «Экуас» — помолвка). Дочь морского царя Эгина, судя по ипостасному ее имени, была помолвлена Всевышнему. Девственная богоневеста, от речных потоков благодати и щедрот Всевышнего питающаяся, умилялась на ночной молитве дева Эгина, и охватывали ее потоки благодати Вышнего.

Атлантида называет чудное избрание (Диана от «Дианиома» — ловящая в сети) божественным похищением. О удел, выше которого нет — быть похищенным Всевышним! Разве не желает его душа? Быть похищенной из мира, исхищенной из родовых программ, из царства несущего искушения и полного соблазнов...

Вышний удостоил священную речную деву Эгину похищения. Изъяв ее из земной программы, Вседержитель отнес ее на остров Ойнопию (питание из Чаши Грааля, от божественной евхаристии свыше). И на Ойнопии от упоения Чашей Неупиваемой родился у Эгины непорочно сын Эаг (от греч. «агнуми» — ломать рамки).

К

Атлантида здесь указывает еще на одну высочайшую ойнопическую тайну — вино Грааля есть мировая страстная кровь нового зачатия. И от нее может зачать благорасположенная душа, несущая в себе начало Эгины, близкая к Всевышнему по духу, по составу («эгоэ» — помолвленная Ему от века).

К

Непорочнорожденный Эаг от рождения напоен Чашей Премудрости. По воле Всевышнего ему даже в загробном мире суждено стать судьей вместе с Миносом и Радаманфом.

О Эаг! Двойной Грааль питал его — сосцы непорочной матери, нетленное молоко Эгины, и брачночертожная благодать воздушных Ойнопии, где все напоено ароматами Чаши и

виноградной лозы. Пропитанный благодатью святой Крови Всевышнего, Эаг становится священником мелхиседековым. На Ойнопии его позднее выберут царем.

Он отличается любовью к последней правде. Не выпуская из рук чашу Вышней Любви, знает он чашу Мер и Сроков, чашу Справедливости — как бы производные от евхаристической. Знают на земле то, чего не знают даже боги олимпийские. Не потому ли (ведь от земли виднее!) великие Олимпийцы часто призывали Эага быть судьей в своих спорах? Одно — как они понимают свыше. А другое — когда божественная непорочная душа выносит суждение с земли.

Удивительно нестандартно мышление атлантов! Судьей, вроде бы должным выносить решение согласно законам, назначают они не радителя буквы, а поборника последней правды — Эага, чье имя «Ломающий рамки законов»¹⁴.

Выходит, только ломая рамки привычных норм и законов, можно судить человека судом праведным!

В этом тайна Эага. На небесах он судья среди Олимпийцев (даже им когда возникает уникальная, ни с чем несравнимая ситуация, необходим суд старца, суд Святого Духа). Затем судья в своем царстве наивысшей справедливости на маленькой Ойнопии, этом оазисе мира времен Атлантиды. И даже в подземном царстве, где так же учит подопечных своих вначале следовать законам, а потом ломать их привычные рамки и нормы, поскольку над Законом стоит Вышняя Любовь. В загробном мире вместе с Миносом и Радаманфом Эаг объясняет законы Грааля и приучает души из нижних миров питаться и искать причастия от верхних...

Эаг от рождения вкушает двойной Грааль: Грааль материнских сосцов своей непорочной матери, «речной Афродиты» Эгины и Грааль виноградного вина Мессии. От этого вкушения Эаг превращается в живое точило. Все его существо полно блаженства принесения себя в жертву ради вышней любви.

Столь полон благодати Эаг, что верхние и нижние миры избирают его своим судьей. Суд Эага — не суд добра и зла, грехов и добродетелей, а таинственный суд Премудрости.

Эагу как посвященному Грааля открыта чаша страстного. Его единственное мерило, как священника последней правды: понес ли крест свой? посвящена ли душа в страстное? исполнилась ли мера ее? Такими именно мерилami желают Аид и Персефона чтобы судили их камерных эзков подземных сфер.

Прекрасен Эаг, этот сэр Галахад древнего мира, отец мессианистической династии атлантических диспозинов! Во все века там, где сияет чаша Грааля, рождается свой Корбеник — замок из слоновой кости, украшенный изумрудом, ониксом, алоэ и полный богатств земных и небесных.

Мать его Эгина («близкая Всевышнему», «помолвленная Богу») учила о величайшем призвании человека — быть обрученным Богу, обрести божественные тела, составы, ткани, кости, мысли и волокна. В конечном счете человек судится этим именно судом — в какой степени претерпел страстное. А прочие мелкие его грешки, за которые может зацепиться дьявол и его козырные судьи, черные эфиопы, не принимаются во внимание.

Так разъясняет Эаг равно олимпийским богам и подземным камерным заключенным. И славит Всевышний премирный ум Эага, говоря: Сама Премудрость наделила его благодатью премудрого судьи. И дает Эагу суд над всеми мирами и церквями, суд Святого Духа.

О совершенный суд Эага! Царь Чаши, рыцарь двойного Грааля (молочного от матери и виноградного по отцу) судил не по грехам и добродетелям, как в земном суде, а по степени несомого креста, помазания в страстное. Суд предполагает знание конечных и последних целей. Стремилась ли душа испить от чаши познания Вышней Любви? жаждала ли помазаний и умащений маслами для воздвижения к Брачному Одру? Вот мерилa, какими пользовался Эаг, за что и был возлюблен олимпийскими бессмертными.

Ойнопия времен Эага стала солнечным мессианистическим царством. Неупиваемая Чаша напояла и давала все необходимое: плодородие пашням, преблагоуханные цветы на лугах. Ведь «ойно» в переводе «вино», а «пийно» — «напоить до тучности», сделать безмерно счастливым. На тучных лугах Ойнопии напояла жаждущих Чаша Грааля. И

звучало еще в дохристианские времена: «Будете пить со Мною из другой Чаши, Неупиваемой, вино мессианистическое, вино Царствия».

Амбары ломились от яств, и при мелхиседековом царстве наступило на Ойнопии совершенная святократия... этот остров блаженных сошло мессианистическое царство совершенных святых, где боги разгуливают одновременно со смертными. Ойнопию, где божества соединяются с земнородными, а земнородные восхищаются на божественные высоты.

Неописуема Ойнопия. Изобилует она плодами, растениями, благоуханием райских куш. Ни в чем нет недостатка у ее жителей. Особое поклонение воздается здесь чаше виноградного вина и последней капле небесной крови Урана. На Ойнопии совершается непорочное зачатие от страстной и мирровой крови Грааля.

Божественный остров Грааля рисует еще один способ непорочного зачатия: от Евхаристии! Знали бы христиане, что они вкушают — не «кровь омовения и спасения», а семя Авраамово и семя Христово! — родились бы непорочно свыше, как от скорбей Христовых Иосиф Великолепный от Марии Магдалины...

К

Но недостойна земля такого царя и царства. И возненавидела Гера (символически — Земля) Эага. Великое бедствие пришло в его царство. «Остров тучных» (Атлантида, Ойнопия, Эгина) окутал густой непроходимый туман...

Мессианистическая эра исчерпалась. Служение Духу сменилось служением букве. Постепенно жрецы, упившись благодатью Чаши, впадали в фарисейство, иерократию и иеромантию. Густой четырехмесячный туман — нашествие фарисейских заморочек, гипнозов, культово-обрядовых манипуляций и своего видения.

Чаша Грааля украдена. Наступает время чаши полной мерзостей. Ее в каждой подворотне подают священники, утучненные уже не божественным виноградным вином небесным, а тупорылой сытостью.

Ойнопия наполняется четырехмесячным густым туманом. Небо закрыто. Чаша исчезает. Возникают ее искривленные как в разбитом зеркале подобия и бледные копии. Надолго окутал туман своими тяжелыми влажными испарениями жителей священного острова, и они как бы ослепли. Призывают южный ветер, а он не освобождает их от бедствия.

Следствие тлетворного тумана — нескончаемое множество ядовитых змей. Кишмя кишат проклятые гады. Уничтожают все живое, пожирают все кругом. Наполняют пруды, источники, купели, баптистерии, алтари, как в египетской пустыне при исходе Израиля в земли обетованные.

Все колодцы, все сердца, всех мужей правды отравили змеи проклятым ядом. Навис фарисейский туман над Ойнопией, духовной столицей Атлантиды. Закончился золотой век, мессианистическая эра.

Так расплачивается государство, позволив напустить на себя четырехмесячный (тысячелетний) густой туман.

Прекрасное сказание Атлантиды актуально сегодня как никогда.

Густой туман нашел на несчастную Европу и Америку. Храмовые змеи, разорители святилищ Божиих, уничтожают все кругом и наполняют ядом жилища. Испив крови святых, отравляют они своими благословениями-проклятиями все живое.

Не осталось на острове никого, кроме единственного мелхиседека: священнодействующего Эага с двумя сыновьями. В отчаянии страстно воздел руки Эаг к Всевышнему:

«О всемогущий Царь, погибает Ойнопия. Разве не Ты мой Отец? И разве не Ты Отец матери моей Эгины? Разве не под Твоим началом и не от Твоего семени умножился этот остров? Разве не от мессианистического вина божественной любви мы вкушали из Чаши?

Что же произошло?

О, прости! Они восстали на суд последней правды и захотели земного судьи. Они восстали на небесного Царя и захотели им послушного, авторитарного и человеческого.

Я учил их жить вне рамок законов, поклоняясь уставу Универсума и трем его превосходствам: любви, Премудрости и страстноого. Они отвергли то, другое и третье, и Ты послал им в наказание змей. Проклятые гады закусали насмерть и пожрали всех жителей Ойнопии.

Отче Всевышний, подтверди же, что Ты истинный мой Отец и Отец всех истинных сыновей и дочерей Твоих. Что Ойнопия Твой остров от века, и до века Твое жилище! Если Ты, о сладчайший мой Отец, не стыдишься Своего потомства, верни Свой народ и не дай мне скрыться во мраке преисподней».

И Всевышний услышал страстной крик одинокого Эага, как если бы он остался один после потопа, подобно библейскому Ною или атлантическому Девкалиону.

На месте, где воздев руки молился Эаг, внезапно возник могучий, посвященный Мировержцу дуб (древо Первородной Непорочности). Вокруг него роились муравьи. Но что это? Муравьи стали расти и постепенно превратились в людей, в царство мирмидонян (муравей — греч. ‘мирмекс’) — служителей духа, работников на ниве Вышнего.

Эаг опять слышит людские голоса, каких не слышал уже долго.

— Что это? Не сон ли это? — спрашивает он своего сына Теламона (от греч. ‘ремень’: «препоясанный силой Вышнего»).

— Отец, — говорит ему Теламон, — какое великое чудо сотворил Всевышний! Уже нет больше прежнего народа, оскудевшего и погибшего из-за приверженности к фарисейству. Народился новый народ — мирмидоняне. Они как куча муравьев вокруг могучего дуба, возросшего от корня Первородной Непорочности. Змей не смеет их искушать. Всевышний гарантировал нас от искушений густым туманом их догматов, ритуалов, обрядов и садов.

— О радость! Родился новый народ! — восклицает Эаг.

И опять на глазах расцветает Ойнопия и появляется Грааль, Неупиваемая Чаша. И с нею муравьиное царство оживает и возвращается в образ мессианистического.

К

Боже, как исхитил Ты дочь Асопа Эгину и унес ее на Ойнопию, исхити душу мою из царства мира! Унеси ее на утопическую Ойнопию — царство Вышней Любви и питания морского.

Жажду я Чаши Неупиваемой, жажду от Твоих блаженств. Да будет плоть моя скована страстным, зацементирована физическими немощами, позвоночный столб истерзан немощами и все существо мое преображено в скорбях. Отнеси меня на Ойнопию и оставь в царстве мелхиседекова священства — с братьями и сестрами моими, с сыновьями и дочерьми вкушать от неупиваемых блаженств, из Чаши Твоего Грааля.

P.S.

Эаг увидел могучий дуб и муравьев в вешем сне, сбывшемся вскоре на его глазах. Увидел вещий сон и я. Рассеется густой туман над скованной дымкой современной Ойнопией-Россией. Уйдут проклятые гадюки, смертельно искушавшие человечество и некогда цветущую землю, полную райских благоуханий, превратившие в мертвую пустыню с колючими иголками. Слышима будет молитва Мелхиседека-Эага.

Гера, или Богосупружеские узы на Олимпе

26.08.05 Измир

О манящая Атлантида! Божественный атлант Христос пришел из Атлантиды. Христа не понять без Атлантического океана — не покоища морских вод, а духовной сферы, по которой распространяется веяние Атлантиды во все времена, во всех цивилизациях.

Грааль хранится на дне Эгейского моря в замке «78», в срединных «обителях блаженных»: купель в сиятельных светах, в несказанных зеркалах, среди сокровищниц и превосхищенных алтарей Морской Богоцивилизации.

Любой список утопического социума от христианского до коммунистического, от маразматически-первобытного до совершенно-технократического — цивилизация в любом своем состоянии от рождения до вершины и гибели тщится подражать Атлантиде, принять на себя облик этого совершенного прообраза богочеловеческого диалога, диогенетического (рожденных от Бога свыше) моста.

Египет реформатора-поэта, юродивого фараона Эхнатона и христианство в лучших дерзаниях византийских императоров остались утопией только потому, что не дерзали читать по белым свиткам Атлантиды, избивали пророков божественной державы.

Высшие греческие мифы запечатлели (как могли в приуроченных к эллинскому архетипу) духовность Атлантиды. И передавать их приточный, эзопов, таинственный, запечатанный язык понятиями преданий, мистерий и сказаний, ссылаясь на гомеров, эврипидов и эсхилов — нелепица, подобная пониманию Христа черными иерархами Московской патриархии или суждению о воплощении Сына Божиего по голливудскому фильму «Христос Суперзвезда».

Манящая кладезь кладезей, зеркало зеркал, всесовершенная госпожа, божественная Атлантида! Прекрасны твои горы и долины, голоса твоих нимф и ор, девственные твои хороводы, белые купели, в них же омываются всесовершенные богини, скрывая от смертных таинственную красоту небожителей и веселящихся блаженно во Царстве царств.

К

В католичестве — Таинственная Роза. В православии — София Новгородская, Матерь Премудрость сидящая на золотом троне с кадуцеем в руках и властно озирающая мир. Последняя иконописная ее персонификация — Российская Державная, юродивым образом крестьянкой Адриановой обретенная в подвалах храма Коломенского под Москвой...

Гера — на солнечном троне восседающая Царица Теогамия. Вершина премудрости атлантических белых старцев, «старица» (в прямом переводе), Гера — тучная гора Господня, гора Дома Божия, гора усыренная, гора всех гор. Недостигаемая вершина пути на атлантический Олимп, к христианскому Царству, к иудейскому Малхут Шамаим, где простирают вечные свитки первый восхищенный на небеса плотью Энох и после него Моисей, Илья, Серафим Соловецкий и сто тысяч старцев превосхищенных.

Греки «опустили» бедную Геру в свою мушиную липучку. Для них она ревнивая, злопамятная, завистливая хищница: чинит интриги, гонит одних, поощряет других и пр.

Гера — олицетворенная Премудрость Вышнего. Супруга Всемогущего Юпитера, сияющего Отца светов, Гера гонит и покровительствует одновременно; в этом одна из древних ее атлантических тайн. Геракл не совершил бы ни одного подвига своего, если бы не был гоним Герой до последнего смертного часа самосожжения на костре. А вслед за ним потомки его гераклиды.

Гера — Первосвященница Мелхиседекова, верховное олимпийское божество. Дочь Кроноса (Времени) и Реи (от «рео» — текущее во времени, воплощающееся в мерцающих человеческих измерениях), сестра Деметры. Таинница теогамических уз. Мать богосупружества.

Вместе с остальными детьми Таинственного Божества — Отца-Матери совершенных и помазанных, олицетворенной превосходящей любви, превосходящей доброты и превосходящей праведности — Гера была проглочена временным потоком Кроносом. А

затем по хитрости Метиды и Зевеса исторгнута обратно (в единое пакибытие). С Зевесом у неё тайная связь, хотя она считается третьей после Метиды и Фемиды (Основание и Закон) супругой Всемогущего.

Таинственные узы, сочетающие Юпитера и Геру — теогамическая жажда обоих супругов привести к лику обоженных как можно большее число сотворенных душ. О каждой из них попечение Всевышнего. И Гера — чудесное Зерцало Всемогущего. Она знает как кратчайшим образом привести душу к совершенству, хотя бы должна была она спуститься в царство мрачных теней, где подвергнута тяжелейшим смертным испытаниям, невыносимым скорбям, мрачным пустыням и адовым пропастям.

Сияющая звезда Геры — как утренняя Аврора, розовоперстая Эос, всегда перед глазами восходящего по лестнице блаженств к вершинам мудрости.

К

Насколько атлантическая мудрость превосходит иудео-христианскую видно хотя бы по сказанию о том, как Гея (мать-земля, покрывшая Жену Облеченную в Солнце во время погони за ней красного дракона) подарила Гере на огненную свадьбу ее с Вседержителем дерево с золотыми яблоками, позднее охраняемое Гесперидами в саду Геры на горе Атлас.

Иудео-христианство грехоцентрично упоминает «запретный плод» и «древо познания добра и зла». По сути, эта негативная религия борется с химерами и тщится законами Моисея и крестом Христа победить запретный плод. Но чем больше ищет избежать, тем фатальнее его распространение среди смертных. Солнцецентрическая светолитная преображенская религия атлантических Олимпийцев предлагает человеку три золотых яблока из божественного сада Гесперид, охраняемого змеем Ладонем.

Последний, самый трудный, величайший, неописуемый в человеческих мирах подвиг Геракла. Герой достает жалкому трусливому Эврисфею (царьку, которому в совершенном смирении служит он, богоподобный мужественный сын Зевса) три золотых яблока Гесперид.

«Золотой век» в описании гесиодовской «Теогонии» связан с вкушением из сада Гесперид. Человеку велено более чем «не вкушать запретный плод» негативной религии — вкушать благословенные плоды из сада Всевышнего, охраняемого дочерьми Атланта.

Не знают этих трех золотых яблок (первородной непорочности, премудрости и девственного зачатия свыше) иудео-христиане. В центре их учения лежит прооклятый плод и прооклятые змеи — отчего и распространилось тлетворное воздействие этого царства смерти на всю вселенную.

Религия Греции и Атлантиды позитивна. И на вершине пути открывается подвижнику Древо Жизни. Его впускают в пребожественный сад преблагоуханных Гесперид, расположенный невесть где, где-то на краю земли. Настолько далеко и запечатанно, что Геракл добирается с трудом до Атланта, держащего на себе шар земной (знак того, что земля повинуетя атлантическому идеалу и прообразу).

Дальше Атланта дело не идет. Даже Геракл — Илья-пророк и Христос атлантической эры — не попадает в атлантический Эдем, в сад Гесперид. Геракл убивает Ладона (змея не столько искушающего, сколько охраняющего вход в Царство), приставленного беречь божественные яблони от самих Гесперид, поскольку Гера обнаружила, что «потихоньку» райские нимфы крадут яблоки и запретным образом вкушают их. Но Атлант преподносит золотые яблоки Гераклу, убившему Ладона. И тот спешит вернуть их трусливому «чиновнику от веры», мелкодержавному царьку с дрожащими руками Эврисфею.

К

Вся напоенная благоуханием райских кущ, религия Атлантиды, поныне распространяемая от морской пучины и поныне бьющей о песчаное побережье девственной пенной, — в трех этих воистину золотых яблоках. Блажен вкусивший их. Запретный плод от

древа смерти никогда не коснется уст его. А если и придется проглотить ему яд аспиды или вкусить жало институциональной гадюки (проклятие от фарисеев), золотое яблоко из сада Гесперид — нимф-хранительниц наивысших тайн Всевышнего где-то «на окраине запада», во владениях Никты и Эреба, сладкогласых сестер Эглы, Эрифии, Аретусы, дочерей Гесперы, — помогут избавиться от яда и цементных саркофагов современного мира, достичь совершенного блаженства. Трудно представить лучший свадебный подарок, чем три яблока вечной мудрости, вечной жизни, вечной радости.

О начало богоцивилизации, яблоня Всевышнего с золотыми плодами! Отец Огненной Свадьбы анзерский зэк великий Иннокентий Балтский (Третья Ипостась, Царь Дух Святой на золотом престоле Славы) шествие Огненной Свадьбы с тремя возжженными свечами начинает с преподнесения трех золотых яблок всем гостям: «Вкушайте, гости дорогие!» И от этого граалева умножения яств столы ломаются от вин и сладчайших кушаний.

К

Самос, глядя на него с малоазийской точки Оздери ('earth' — англ. 'земля', деори — 'девственные ризы'), выглядит дышащей горой в сумеречных дымках. От Самоса распространяется благовоние первой теогамической брачной ночи Всемогущего и Геры. По сказанию Атлантиды, эта нескончаемая ночь блаженств в тысячах возжженных свечей и в многотысячных форумах отроков и отроковиц в белых одеждах длилась триста лет!

Гера, мать-покровительница и вершина горы восхождения к Всевышнему, выделяет для детей своих необходимые скорби, дарит их щедро. Учит возлюбить их не меньше чем харизмы, представлять их как внутренний жертвенник Всевышнего.

Пустыни, темницы. Глас вопиющего в пустынях. Одинокие опочивальни, изоляторы с фосфоресцирующим зеленым освещением, одиночество мира. Провокация проклятия от фарисеев, непрестанные гонения, клевета. Замолченность пророка с кляпом во рту...

Царь Царствующих на кресте. «Так-то ты отблагодарила меня, Ниса, за то что я как мать и лекарь выходил тебя после того как ты была смертельно ранена диким кабаном?» — умирающий в образе оленя Алкеон своей любимой собаке, впившейся в его горло...

Ничего не понять в происходящем без премудрой руки этой божественной Сказительницы бытия. Ей воистину как матери-супруге Всемогущего подчиняются Парки, Мойры (богини судеб). И сама сладчайшая Тюхэ (Фортуна) — божественная радость несканная, какой нет ни на небесах, ни на земле, поклоняется ей как Всесовершенной.

В своих непредсказуемых поступках Гера часто заимствует у Афродиты божественный пояс, чем увлекает на богосупружеское ложе даже своего господина, всемогущего Юпитера, чтобы сам Царь царствующих не охладил к Своему творению.

Сладчайший пояс Афродиты (Вышней Любви) — разгоряченность внутренняя, божественный Эрос, влечение к Всевышнему. Этого пояса и жаждали иерофанты древних мистерийных культов. По ночам на коленях простирали они руки горео, прося: «О царственная Гера! Всемогущая Госпожа наша СвященоТеогамия, Богосупружеское Ложе! Подари мне, хотя бы на час, огонь вышней любви! Позаимствуй у богини Афродиты солнечный пояс неопикуемых блаженств! Да препояшусь и я силой и любовью Всемогущего. И да будет зажжена во внутреннем моем алтаре негасимая свеча...»

Перечислять юридические (т.е. не постижимые однозначно очами непосвященных) поступки Геры бесполезно. Они непонятны миру без ее таинственных целей. Гера предусматривает каждому от непосредственно рожденных ею до всего человечества (сыновей и дочерей Брачного Чертога, порученных ей в силу ее теогамической миссии), каждому свой кратчайший путь по лестнице, ведущей к Брачному Чертогу.

Безмужне, подобно Деве Марии, Гера зачинает и рождает Гефеста, юридического огненного кузнеца.

Кузница Гефеста боготворна. Гефест скует одно из огненных бессмертных тел для подвижника и предоставит ему меч Грааля, копие Грааля, щит Грааля и доспехи рыцаря

Вышней Любви.

Сам же этот бог родится хилым и неполноценным и будет представлять собой самое убогое зрелище. Гера, заведомо зная на что идет, сбросит своего сына с Олимпа. Гефест упадет в море, где его подхватят Фетида и Эвринома, поселят в пещере. Гефест устроит в ней первую свою огненную кузницу и будет изготавливать для своих спасительниц и для всего рода Адамова необходимые предметы для победы в брани и обожения.

В благодарность за страстное (понимая сколь необходимы страдания подвижнику) он скует для своей матери золотой трон неопикуемой красоты, украсит его таинственными начертаниями и пошлет его матери. И та придет в восторг от подарка, достойного Теогамической Увенчанной. Гера пожелает сесть на трон, соделанный для нее «странным» сыном. Но не успеет она коснуться его поверхности, как ее обовьют несокрушимые узы теогамии. И уже никогда Гера не сможет встать, не сможет освободиться от них.

О, сколько придется матери олимпийских богов вопить со своего золотого трона, предуготовленного для нее Гефестом! Никто не сможет прийти ей на помощь.

Гера-Мати всего сущего, Гера-Дарительница бытия открывает высшую премудрость, ткет геральдические предметы для рода Адамова.

Связан человек на земле путами обожения. Фатум, рок, предписанность, зодиакальные программы (скорпион, козерог, рак и пр.) — жалкое ничто. В основе бытия лежит не предписанность, не фатум, а сладчайшее шествие по лестнице богосупружеских блаженств. Потому Гера преспокойно восседает на свой престол и никогда не сойдет с него, поскольку протекут миллионы лет и пройдут десятки цивилизаций, прежде чем ей удастся увлечь к престолу Священной Теогамии души смертных и они наконец взойдут к покоям обожения и разделят вместе с богиней теогамии ту священную брачную ночь на Самосе, длившуюся триста лет нескончаемо и непрерывно.

Гера породит кровавого и кровожадного Ареса, и его варварство будет подвластно чарам вышней любви Афродиты.

Гера коснется земли и породит чудовище Тифона — стоглавого змея, известного гонителя богов и героев. Всемогущий испепелит его молнией и забросит куда-то на дно Тартара. Но опять вернется неусыпный Тифон на землю искушать и обольщать, поскольку он страж Древа Жизни. И нужно и подвижнику вслед за Гераклом убить Ладона, чтобы добыть от Древа Первородной непорочности начала, субстанции и составы вечной жизни.

Гера благоволит Гераклу и гонит его, гонит нескончаемо. Благодаря гонениям Геракл и прочие герои совершают свои один за другим умонепостижимые подвиги.

Гера влюблена в Грааль и покровительствует Дионису — да так, что по ее приказу титаны разрывают новорожденного на куски. (Но так определено этому священнобезумцу божественной чаши и неупиваемого вина. Мать Геры Рея разыщет потом своего внука и, составив из кусочков его тело, вернет к жизни). Гера найдет на Атаманта, воспитавшего Диониса, безумие и составит для Диониса тяжелый крест, нескончаемый свиток унижений, противоборств, клеветы и проклятий. Везде, где ни будет странствовать богоблаженный царь Грааля и устраивать свои дионисийские мистерии, среди сладчайших восторгов будут появляться свои враги, принимать образ чудищ. С неба их будут разить стрелы Всемогущего, а из Тартара им будут покровительствовать граи, горгоны, змееголовые эринии и трехглавые церберы.

Прекрасная девственная Ио, восхищенная к престолам Всемогущего невеста Юпитера, будет превращена ею в белую корову и приставлена к стоглазому стражу Аргусу. Гера найдет проклятого овода, что не даст покоя ни днем ни ночью «божьей короле» Ио.

Покровительствуя аргонавтам, испытает верность Ясона, явившись ему в образе дряхлой старухи, просящей перенести ее через поток. Ясон будет единственным, кто смилуется над старой женщиной — и будет премного ею облагодатствован.

Можно было бы нескончаемо перечислять ее вмешательства в дела земные. Припомним, пожалуй, одно. Гера заимствует у Афродиты пояс вышней любви и препоясывает им тех, кто ищет золотое руно (Соловецкое золотое руно — бессмертное восковито-мощевое тело). Кладет это златотканное руно на мощи святой Евфросинии. И препоясывает жаром вышней девственной любви, этим божественным солнечным поясом амазонки Ипполиты, поясом Артемиды, поясом Афродиты тех, кто пренебрегает ничтожными земными ценностями, посулами и наслаждениями и жаждет вечных благ, вечных блаженств и вечных радостей. Им предначертает Гера путь на Олимп, полный скорбей. Но из каждой капли их крови, оставленной на земле, совершится непорочное зачатие и расцветет прекрасная лилия, нарцисс или гиацинт.

Геракл

26.08.05 Измир

Верх опошления Греции — рисовать богинь пышнобедрыми куртизанками и героев «качками». Геракл был, подобно Аскольду-Николаю, утонченным юношей, божественным сосудом Премудрости. Совершенные им подвиги и убитые чудовища — следствие величайшей духовности на этом царственном помазаннике превосходящей метки, которому покорен трехглавый Цербер (страж Аида), чудовища морские и подземные.

Геракл, как бодхисатва, как Будда — идеал для штурмующих Олимп. Гера — золотой престол Священнотеогамии. Геракл — устремленный к обожению помазанник. 15 совершенных им подвигов — 15 ступеней-искушений по пути на Богосупружеский Олимп.

Премудрость Божия, Священнотеогамия от рождения питает Геракла материнским молоком. Но судьба божественного мальчика складывается иначе, чем у Богомладенца Христа.

Геракл — сын Всевышнего, как и большинство божественных героев. Пока Амфитрион (амфетритос — ‘проходящий насквозь’, пробитый с двух сторон), муж Алкмены, со своим войском сражается, Всевышний является к Алкмене под видом её мужа. Вступает с ней в божественное общение и зачинает свыше Геракла.

Это таинство непорочного зачатия не менее уникально, чем пчела, умножение пыльцы, лебедь, ревностное девство, Последняя Капля. Юпитер проходит к Алкмене под видом Амфитриона. Муж праведной жены несет в себе амфитрическое начало. Он «сквозной», «пробитый с двух сторон»: Бог действует в нем. «Муж чина» — тот, кто зачинает ребенка свыше, от Бога. Женщина («жена чина») — та, которая несёт в своем лоне непорочно зачатого от Бога через мужа.

Зачатие Геракла — знак того, что и в обычном целомудренном и освященном свыше браке совершается непорочно зачатие, если супруги сочетаны друг с другом теогамическими узами. Уникально, что Юпитер Всемогущий, которому ничто не стоит принять любой образ, является под видом любимого мужа Алкмены (‘алкэ’ — щит, покров) Амфитриона. Алкмена ничего не подозревает. Вернувшись к ней, Амфитрион недоумевает: каким образом он «забыл» о том, что провел две ночи в супружеской постели?

Алкмена приготовлена к страстноому, к браку. От рождения воспитана она целомудренной девой. И хотя влюблена в Амфитриона, видит своим мужем божество. Амфитрион для неё проводник Всевышнего. И жена-дева помогает мужу стать воистину амфитриос — «сквозным», «имеющим два входа», каким и должен стать праведный муж праведной жены.

В супруге Алкмена видит самого Всевышнего. Брак для неё — брак со Всевышним через мужа. Муж для неё превосходящее совершенство, Таинственный Супруг, бог воплощенный. И Всевышний, видя эту праведную линию теогамического брака, приходит к Алкмене под видом мужа. Алкмена непорочно зачинает.

Никаких явлений Славы. Обычная вроде бы супружеская постель обращается богосупружеской.

Не в этом ли другая тайна Атлантиды? Нет нужды в каких-то неслыханных чудесах, девственных подвигах. В обычной семье под покровом богини домашнего очага Гестии возможно непорочное зачатие, если супруги подготовлены к тому.

Пример Алкмены и Амфитриона показывает, сколь высоко атлантами и посвященными среди эллинов была осознана тайна божественности брака.

Супругам предназначаются узы богосупружеские, путы теогамические. Но для этого оба они должны стать: она для мужа — щитом, покровом, ‘алкэ’, он для неё — проводником-‘амфитриос’ (Бог, «сквозящий» через него). Амфитрическое начало ценно в мужчине, «муже чина». Щит вечного девства (алкэ) — в женщине, зачинающей свыше от Бога через своего супруга.

К

О, как долго Гера будет потом «мстить» Алкмене за то, что смертная избрала в супруги Бога! Долго будет испытывать её богосупружескую волю.

Из страха перед Герой Алкмена отнесла ребенка в поле неподалеку от семивратных Фив и оставила его, положившись на волю Всевышнего. Здесь же мальчика увидела Афина Паллада. Как бы невзначай предложила она Гере пройти по полю.

— Посмотри, дорогая, какой прекрасный крепкий ребёнок! Кто та безумная мать, что оставила его на поле? Подойди и напои его своим молоком. Дитя божественно прекрасно. Покорми ребенка!

Гера смотрит на новорожденного Геракла и обнажает грудь.

О этот материнский молочный Грааль! От нетленных сосцов богосупружества пьет младенец Геракл. Пьет нескончаемо, так что Гера испытывает невыносимую боль. Она отбрасывает младенца, и от струйки молока образуется Млечный путь — небесное питание молоком божественных младенцев.

Гера поражена. С какой жадностью вкушает Геракл молоко нетления от её божественных сосцов! Теперь он станет полубогом. Знает об этом Афина и возвращает ребенка Алкмене, наставляя: «Воспитывай его как подобает».

К

Геракл проходит 15 испытаний по ЛЕСТНИЦЕ БОГОВ, совершает пятнадцать подвигов, восходит по пятнадцати ступеням лестницы и, непорочно рожденный смертный, достигает Олимпа, принятый в число бессмертных ипостасно.

«Алчуший» (Алкид — его имя по рождении) нарекается по второму рождению Гераклом («совершающий подвиги из-за гонений Геры») и становится солнечным божеством, без промаха поражающим золотыми стрелами зло и мрак. Как вавилонский Гильгамеш и финикийский Мелькарт, Геракл обходит всю землю в своих земных странничествах, пока через мученичество (священное самоубийство — самосожжение на погребальном костре) не достигает Вечного Царства.

‘Герайофрон’, ум старческий присущ ему от рождения, божественный разум, «ум христов». Не «качок дубовый» с палицей, а утонченный и изящный юноша, укротитель церберов и Эриний, гроза людоедов, жрецов и гипнотических чудищ. В завете с Всевышним как сын Амфитриона («сквозной, насквозь проходящий» = совершенный сосуд) он, будучи сыном божьим (сыном Всевышнего) совершает он одно за другим чудеса на земле.

К

«Сиамские близнецы» Молиониды Ктеат и Эврит, как и Диоскуры Кастор и Полидевк,

родились из серебряного яйца (способ непорочнорожденного прихода в мир из Морской державы). Отец их царь морского Грааля Посейдон — морская ипостась Всевышнего или царство Юпитера в Морской державе.

Молиониды победили Геракла и его войско. Геракл напал на них из засады и поразил братьев стрелами в сердце.

Будучи «сиамскими» близнецами, сросшимися от пояса книзу, они участвовали в Олимпийских играх, соревнованиях колесниц. Оба были женаты на дочерях коринфского царя Дексамена (кентавра) Веронике и Пьерифоне. Но непостижимо при этом «на две головы у обоих ниже пояса одна плоть». Но эти сросшиеся близнецы обладали неслыханной силой и своим сочетанием в мире, соединенным крестом, смогли победить самого Геракла.

А когда мать их Молиона за то, что Эврисфей не пожелал наказать Геракла за убийство ее сыновей, именем Всевышнего прокляла истмийские игры, ни один атлет из Элиды с тех пор в них не участвовал.

К

Геркулесовы столпы — величайший из подвигов Геракла (одиннадцатый). Эврисфей (символ трусливого, обывательского ничтожества мира сего, которому служат умаленные «кенотические» божества) требует от Геракла в очередной раз невозможного — достать три золотых яблока из сада Гесперид.

Никто не знает, где в физическом пространстве (в инобытии) находится этот чудесный райский сад. Атлантида погрузилась на морское дно. Но Геспериды продолжают охранять Древо жизни.

Обойдя весь мир, Геракл приходит к Атланту, держащему на своих плечах земной шар. Но доступа к золотому Древу жизни нет даже величайшим из святых, титанов духа. Старец из великой Морской державы советует Гераклу просить Атланта, чтобы тот добыл ему три золотых яблока. Взамен Атлант просит Геракла поддержать земной шар.

Величайшее событие! Земля переходит от Атланта к Гераклу, преобразается. Геркулесовы Столпы (атлантическая лестница обожения) подпирают землю. Земля преобразена. Атлантида становится вселенской.

Необходима всечеловеческая, а не личная только отдельных святых, метанойя. Не выдерживает Геракл тяжести земного бремени и возвращает хитроумным образом земной шар Атланту.

Титан добывает ему три золотых яблока из сада Гесперид (в атлантических категориях это первородная непорочность, непорочное начало и непорочное зачатие). Приносит яблоки, пройдя через страну гиперборейскую, трусливому Эврисфею, пришедшему в очередной раз в ужас.

Куда же этому обывательскому ничтожеству вкушать от Древа Первородной Непорочности! Ему ближе первородный грех и покаяние в жреческих нормах. Эврисфей трусливо отшатывается от золотых плодов из сада Гесперид. Геракл возвращает их покровительнице своей Афине Палладе, а та обратно в преблагоуханный сад вышней любви.

О, — учит Атлантида, — не может никто в настоящем вкушать от Древа жизни! Необходим другой род человеческий — серафиты, другая цивилизация — солнечная. В настоящем — царство тьмы, век жрецов и непреодолимого первородного греха, и связанное с ним тяготение порока и власть Люцифера.

Библия учит, от какого древа нельзя вкушать. Нарушившие запрет Адам и Ева вместе с потомством поплатились вечным проклятием. Но ни слова в Библии о Древе жизни. Только Иоанн упоминает его в Откровении: «видел я реку Жизни и посреди нее древо, дающее плоды двенадцать раз в году». Атланты были единственными, кто вкушал от Древа первородной непорочности, постигал другое начало (состав умащения в человеке непорочный) и знал тайну продолжения жизни вне греха — непорочное зачатие свыше.

Атлантическое сказание повествует: сад Гесперид (трехсотлетняя Брачная вечеря

Всевышнего и творения) отложен на неопределенные времена. Но пробьет час, когда вслед за Гераклом на поиск золотых плодов отправится поколение ищущих Всевышнего.

К

Величайшей была духовность Геракла. Его учителями в брани были царь Еврит (от 'еврапто' — «сшивать», зашивать, видеть вшитые в ткани Бытия тайны сущего. Познавший их в универсуме обладает властью над творением). Сын — дед Одиссея Автолик ('автоле' — «восход», питание не от прошлого, а от благодати будущего века). Как и Диоскур (Кастор) вместе с отчимом Геракла Амфитрионом («проходящий насквозь», приготовленный внимать Всевышнему) постигал Геракл науку многоочитой колесницы херувимовой — Меркабы Иезекииля, или великой тайны обожения, видения Бога воочию, прохождения через огонь Святого Духа. Лучшие сыны Эллады учили Геракла тайнописи прошлых времен и игре на кифаре (музыка Царствия).

Завершил свое образование Геракл в лесистых кущах Киферона, куда любили наведываться олимпийские боги. Здесь величайший из духовных столпов человечества постигал науку пастырства свыше (пас стада), девственной старческой благодати (преемство от святых).

Выросший в рощах Киферона Геракл еще будучи юношей убивает грозного немейского льва (искушения царством мира) и надевает его шкуру, накинув ее как плащ на свои плечи. Голова льва в дальнейшем послужит ему шлемом и предотвратит от многих бедствий.

Уже в начале атлантического пути необходима победа над царством мира. Необходимо победить своего немейского льва. На духовном пути нет нужды делать карьеру, достигать чинов. Лучше остаться последним. Грозный немейский лев уничтожает в духовных подвижниках стремление занимать первые места в священнической иерархии.

Меч Гераклу подарил Гермес (меч Вышнего). Лук и стрелы — великий Аполлон (наставник в брани против дьявола). Гефест (победа в брани силой огня Святого Духа) выковал ему золотой панцирь — стрелы лукавого не достигают. И сама воинствующая дева Афина соткала ему одежды (высвободила потенциал бессмертных тел), так что Геракл стал непобедим — непорочный, непятнаемый сын Всевышнего.

Премудрая дева дельфийского оракула предсказала Гераклу, что он достигнет высшей степени обожения и бессмертия, если будет смиренно двенадцать лет служить у Эврисфея и выполнит двенадцать подвигов (взойдет по двенадцати ступеням).

Эврисфей, который Геракла ненавидел и боялся, как положено обывателю, не жалеет героя.

Священнодева Антиопа, или мера страстного для достижения обожения

28.08.05 Измир

По, что для толпы греческая трагедия, театр со страстными масками, пробитыми фатальной пустоглазостью обреченных персонажей — для девы Атлантиды страстное.

Не было никогда на земле совершеннее цивилизации, построенной Богом. Не было человека прекрасней, чем в Атлантиде. И ни одно царство в мире не несло такое соборное государственное страстное, как Атлантида. Разве что сравнить со Святою Русью времен красного Гулага: вереница в 150 млн. эков, с коммунал-котомками через плечо и безобразными фибровыми чемоданами спешащих на станции «Тьмутаракань-4», «Коми-5», «Пересыльный пункт ОГПУ-Гулага №3».

Кому повелит Он войти в освенцимскую печь, кому поселиться в мертвой пустыне с обглоданными костями и адовыми упырями, кому пошлет пищу в пещере... Но всегда —

блаженнейшее утешение и вход в Брачный чертог.

Божия Матерь с Соловьиной горы: «Дитя Мое, передай человечеству 84-й цивилизации: вход в Брачный чертог здесь, на Соловьиной горе».

Восходя на Соловьиную гору переживали мы с о.Паисием страстное, пережитое Пречистой Девой. В Ее божественные стоны обернута каждая крупца успенских воздушных. Просила, стоя у Креста, разделить с Ним смертный одр. 15 лет сораспята разделяла Брачный одр здесь, на горе Брачной вечери.

К

Таинственные «семивратные Фивы», семь входов в Царство подарили миру много чудесных дев. Среди них Антиопа Беотийская.

Происхождением от речных потоков Беотии, дочь речного божества Антиопа ('антиао' — «выходить навстречу»: дева выходящая навстречу Жениху) жаждала с детства одного: помазаний. Наслушавшись рассказов о небесных опочивальнях, усыпальницах, о богах сходящих на землю, о 12-ти олимпийских великих помазанниках, Антиопа ничего не могла сделать с собой. Человеческая оболочка казалась ей брэнной и ничтожной. Чудесная сила действовала в ней. Антиопа переживала свое предназначение — стать невестой Вышнего.

Рожденная непорочно от божественных потоков целомудрия, от сладчайшего вина, разливающегося во внутреннем, Антиопа готовила себя к посвящениям. Ей предстоит пройти свои циклы «элевсинских мистерий»: победить подземных чудовищ (преодолеть родовые программы), счастливо отделаться от пряжи и нитей Мойр (богинь судьбы), поклониться священной Тюхэ-Фортуне, чудесному и умонепостижимому, счастливейшему уделу невест Всевышнего.

Могущество Бога для нее выражалось не в Его восседании на троне Вседержителя. «Пантократор» с жезлом в руках, всемогущий и недоступный, вызывал ее наивную улыбку. О нет, таков бог для непосвященных, профанов! Антиопа жаждала Брачного чертога. Сам Эрот вонзил в ее сердце золотую стрелу любви к Всевышнему. Сама Афродита вместе с Афиной Палладой облекли ее в чудесные одежды непорочности.

Земные телесные связи казались ей чем-то животным, чуждым и оскорбительным для высокого назначения человека — сочетаться славе Божества.

Как это непросто, Антиопа знала из наставлений своего учителя и пастыря. Нужно высвободить бессмертные тела, подготовить себя к великому страстному, ко вселенскому кресту. Человек должен преобразиться и пройти закалку в огненной печи.

— Боги обожгут твою греховную физическую плоть в олимпийских печах. И в час, когда горячее вино потечет по твоим внутренним сосудам, ты познаешь Вышнего, как Он прекрасен и в чем назначение человека.

Так говорил старец, и Антиопа внимала ему с благоговением.

Боольшую часть времени она проводила на священной горе Киферон, где внимала гласам Всевышнего Бога. Много передумала в одиночестве Антиопа, но не находила ничего слаще голоса своего Жениха, когда Он оведал ее райскою прохладою сада Гесперид и обоживал ее в чертогах вышней любви.

Отец и мать хотели видеть Антиопу обычной смертной, ждали от нее потомства. Но не таково было призвание девы.

Посвященная Всевышнему с детских лет, она отличалась неземною красотой, отвергала женихов, пиры, удовольствия, охоту, праздное времяпровождение в царских покоях. Дни посвящала созерцательной молитве, упокаясь и растворяясь в превосхищенных воздушных. Имя божественного Дио не сходило с ее уст.

К

Первородная Непорочность совершила в ней необходимую духовную работу,

приготовив Антиопу к Брачному одру. И дойдя до вершины лестницы обожения, Антиопа зачала от Всевышнего.

На руках у нее двое прекраснеликих непорочно зачатых сыновей, близнецы Зет ('зео' — «лепить», лепка Вышнего) и Амфион ('амфи' — «около, поблизости», 'он' — «божество»). Отец их Всевышний. Не нарадуется Антиопа, сравнивая себя с гиперборейской девой Лето, родившей от Всевышнего двух богов олимпийских, близнецов Аполлона и Артемиду. И готова как мать, родившая от Бога, как богородица, посвятить себя без остатка, пресуществиться в своих прекрасных мальчиков.

Воздевая руки горе, Антиопа молится:

«Отче Превышенебесный, подаривший мне эти непорочные создания в совершенстве Твоего творения! Теперь я познала каков Ты воочию и каково наивысшее призвание человека, и каков чин жены, женщины. Назначение ее зачать безмужне от Всевышнего богомладенца и войти в огненное страстное, обоживающее Твоих учеников.

Что теперь я должна сделать для Твоих детей? Родители гонят меня за тайнопомазанный брак мой и детям грозит гибель. Неужели от меня потребуют, чтобы я отдала детей им и больше их никогда не видела? Нет, моих мальчиков ожидает другой удел! Да вскормит их священная коза Амалфея, некогда заменившая Тебе материнские сосцы! Ее сломанный рог стал рогом изобилия. Пусть же из рога изобилия снизойдут дары Всевышнего на моих маленьких небесных вестников Зета и Амфиона».

«Услышана твоя молитва. Неси Моих детей на священную гору Киферон и отдай на попечение старца. Я позабочусь о них. Наши сыновья станут царями Фив. Прекрасная и совершенная династия утвердится от них. Оба великих героя, Зет и Амфион, прославят имя Мое далеко за пределами Греции. Фивы обретут великолепие и станут как Кадмея, высокая крепость, построенная царем Кадмом.

Великолепный город построят на земле наши сыновья, соревнуясь друг с другом в искусстве градостроительства. Амфион станет подобен Аполлону и Орфею. Высшего мастерства достигнет он в игре на златострунной кифаре, подаренной ему солнечным божеством. Зет же достигнет вершины старческой премудрости, и на нем просияет печать священника, пророка и мудреца. При мирном правлении Зета и Амфиона семивратные Фивы достигнут вершины теократии. Я возьму под Свой покров этот город семи божественных входов и выходов на время их правления. И Я преукрашу их отношения особой братской любовью и миром, подобно Диоскурам Кастору и Полидевку».

«Я готова, готова» — с великим трепетом и полным упованием смиреннейше склоняется Антиопа перед троном Никогда Не Оставляющего, в непрерывном откровении сынам и дочерям Своим Божественного Жениха. Украшенная одеждами богоневесты, с детьми в руках восходит Антиопа торжественным шествием на гору Киферон и в совершенном экстазе поручает детей Всевышнему. Она кладет их в маленькую корзинку, ставшую священной после ее молитвы, и препоручает детей Богу.

«Ты, Отче, знаешь как сделать их совершенными. Прошу Тебя об одном: да достигнут они вершины теогамической лестницы и пребывают в вечном блаженстве небожителей».

К

Всевышний был тронут верой Антиопы и послал к месту, где лежали двое мальчиков, духовника девы-матери — священностарца Ипполита. Ипполит духовно окормлял Фивы. По внушению Всевышнего пришел он к месту, где Антиопа вверила Богу своих двух «маленьких божеств» Зета и Амфиона.

Выросли братья в его страннической и отшельнической келье. Оба круглые сироты. Отец — Бог. Мать — затравленная и казненная невеста где. Ни слова о ней.

«Кто наша мать? Кто наш отец?» — спрашивают мальчики у старца Ипполита.

«Господь — отец, Всевышний — мать. Не спрашивайте о своем происхождении. Вы — мелхиседеки, не от земли родом. Всевышний с детства заботится о вас и вас ожидают

прекрасные уделы. Богиня Всемогущего Деметра и царственная воительница девства Афина Паллада подадут вам меч, шлем и прекрасные одежды».

Старец рассказывал им о семи вратах Фив, о царе Кадме и об основанной им крепости Кадмее, о Дионисе и его учениках, сатирах и вакханках.

Зет от рождения проявил чудесные дары духовного наставника. Ипполит души не чаял в своем ученике и посвящал его в тайны старчества: победа над духом мира, облечение в пояс Премудрости, ступени стяжания харизм, дары пророчества, победа над страхами, грехами, адскими тенями и тартарными наваждениями...

Много таинственных масел передал старец своему любимому ученику и во многие тайны посвятил его. Непобедимым духовным воином стал Зет. Демоны не смели приблизиться к его молельне, столь несокрушимый престол Славы стоял вокруг него.

Возлюбил Зет отца своего и наставника и пожелал во всем подражать ему. Пожелал стать таким же как он добрым светлым пастырем, чтобы потянулись к нему тысячи душ за наставлением и отеческим благословением. Что может быть выше, чем вести души ко славе Вышнего? Есть ли удел прекраснее чем девственника-пастыря, посвящающего себя без остатка людям? Как прекрасны и благодарны сыны человеческие!

Амфион с детства внимал гласам Всемогущего. Сама Царица Теогамия отверзла ему слух, а священная гора Киферон открыла гласы Всевышнего, слышанные его матерью Антиопой. Не выпускал Амфион из рук кифары, этой «давидовой лиры» Древней Эллады, и сочинял песнопения во славу Вышнего. Высокою тоскою исходила его душа:

«Где отец? Где мать? Где наша таинственная родина? Для чего пришли мы в этот мир? Бог не дал нам земных покровителей. Не познали мы материнской ласки и отчего благословения и наставления. Но приготовил нам удел выше смертных. А дорогой старец наш питал нас как мать от нетленных сосцов Премудрости и как отец покрывал в наших слабостях и лепил духовно».

Великую радость Амфиону доставляло укрощать злых духов пением божественных гимнов. Не было на земле и в подземном мире существа, которое не пленилось бы сладкозвучием его лиры.

К

Ненавидела Антиопу жена фиванского правителя Лика (‘ликмал’ — «уничтожать», «стирать с лица земли») Дирка (инквизиция, «другая невеста», кесарева). Дошел до них слух о двух непорочно зачатых ею детях. Оба, Лик (симфонический царь-уничтожитель) и подозрительная Дирка, искали только часа расправиться с Антиопой.

Дирка особо злобствовала, считая Антиопу мошенницей и блудницей, зачавшей близнецов от пьяного солдата. «Куда девала ты своих детей?» — домогалась у «ведьмы» эта мать-инквизиция на допросах. И фиванский царь Лик требовал указать место, где она бросила близнецов.

Оба как огня боялись детей Антиопы. Было им открыто, что мессианистические помазанники примут на себя правление Фивами. Тогда многие преступления, скрываемые Ликом и Диркой, будут открыты народу и проклянут их обоих потомки.

Но Антиопа выдержала допросы и пытки, не сказав ни слова. Лик приказал заковать ее в чугунные цепи и бросить в подземелье, куда не проникал луч солнца. «Не пройдет нескольких дней, как эта чертовка заговорит или спятит», — успокаивал жестокую Дирку ее супруг.

К

Дни и ночи проводит страстная Антиопа в подземелье фиванской тюрьмы, не в силах двинуть шеей, скованная по рукам и ногам тяжелыми железными цепями. Уже и руки поднять не может. Обернулась живая в каменную статую и сердце ее остановилось.

А во внутреннем горит свеча. Ангел Всевышнего посещает ее и поит из священного сосуда, облегчая ее страдания. Не в силах больше терпеть, Антиопа засыпает. А когда просыпается, силы возвращаются рукам и разум голове и сердцу.

Чуть больше полугода провела Антиопа в подземельях фиванской темницы. А любовь Всевышнего познала больше, чем в мирские свои дни. И уже не хотела слагать с себя уз тюремных. Ничего слаще ангельской чаши не знала.

Ангел прилетал и утешал ее. «Как мои мальчики?» — «Оба они на воспитании у старца. Ипполит спасет тебя и их обоих. Он тайный покровитель вашей священной семьи, Иосиф Обручник и Иосиф Аримафейский в одном лице.

Дочь моя, ты должна выстрадать царство мира в семивратных Фивах. Тогда народ изберет царями Зета и Амфиона вместо ненавистных Лика и Дирки».

«Как мои мальчики?» — «Священная коза Амалфея питает их из рога изобилия. Они прекрасны, как ипостаси Всемогущего. Боги покровительствуют им. Будь спокойна», — утешает старец Ипполит, являясь в темнице Антиопе.

К

При одном из явлений ангел уже не держал в руках чашу, но легким движением руки коснулся цепей и они спали сами собой.

— Выходи! Ты свободна.

— Как? Что? Нет, я хочу остаться здесь. Здесь Брачный одр. Закованная в цепи я не совершу ни одного греха. Душа моя, закованная в цепи, обретает крылья.

— Ты свободна!

— Ангел Всевышнего, ты не знаешь моего удела. Я должна томиться в этом мрачном подземелье, чтобы мои мальчики достигли вершины славы в Фивах и были отмщены отвратительные злодеяния Лика и Дирки.

— Ты свободна, Антиопа, — с улыбкой на устах повторил ангел. И узница, почувствовав что железные цепи больше не сковывают ее рук и ног, прошла сквозь стену чудесной аркообразной дверью и вышла на свободу. — Беги в горы, к священной горе Киферон, где внимала ты гласам Вышнего. Там старец Ипполит скроет тебя в своей пещере. Тебе еще предстоит длительный путь посвящений, дочь моя.

С этими словами ангел исчез из вида, а Антиопа как на крыльях понеслась к священной горе Киферон, где, как она знала, старец Ипполит воспитывает двух ее ненаглядных мальчиков.

Не узнала Антиопа своих сыновей. Не узнали и они в ней матери. Всевышний возвиг Антиопу на более высокую ступень страстного.

К

Дирка была неудачливой ученицей учителя Диониса. Вакханки гнали ее прочь от священнотайств, не зная как избавиться от своей царицы. Опьяненная злобой фиванка, блуждая по горам в венце из плюща с царским тирсом в руках, решила посетить гору Киферон и старца Ипполита. Чутье вело ее, охотницу за приключениями. Уж не здесь ли сыновья Антиопы?

Каково же было ее удивление, когда она увидела на горе Антиопу!

— Как?! Ты здесь, проклятая мошенница? Ты подкупила стражу, спала с охранником и он выпустил тебя!

Злоба снова вспыхнула в сердце Дирки, и она сказала себе: «Не выйду отсюда живая, пока наконец не уничтожу Антиопу».

Двое юношей сходили с горы. У одного в руках была златострунная кифара, у другого пастуший посох и свирель. «Зет и Амфион!» — мелькнуло в голове безумной Дирки.

Инквизиторское сознание ее избрало хитрый ход. «Кто вы?» — спросила непрощенная

гостя у юношей. «Нас зовут Зет и Амфион, — сказали прекрасноликие близнецы, и лица их просияли еще прекрасней. — А ты кто?» — «Я фиванская царица Дирка, ваша мать и покровительница. Я послана с неба для особой миссии. Предаваясь таинствам бога Диониса, я пришла сюда водимая рукой Всевышнего, чтобы наказать... вот эту женщину!» — и Дирка властно указала пальцем на Антиопу.

— Пока эта женщина ходит по земле, мировое зло не прекратится! Она источник всех дьявольских наваждений. Мошенница достойна злой смерти. Она крадет и убивает детей. Она ведьма с адского дна, змея в человеческом теле. Она носительница всех мировых пороков. Эта злодейка была скована цепями в подземелье фиванской тюрьмы, но заклинаниями своими околдовала стражей, и дьявол помог ей выбраться из заключения. От дьявола родила она кучу детей и в совершенстве владеет черной магией, насылая зло и смерть на всех, кого касается ее черный глаз. Мир погибнет и Фивы падут, если это адово исчадье еще хотя бы час продержится на земле. Посмотрите каковы ее замыслы! Эта жадная воровка пришла сюда окрасть вашего отца. Старец погибнет от ее чар, если вы не защитите его!

Бедные Зет и Амфион вспыхнули гневом. Ведь Дирка царица и ей велено подчиняться!

Антиопа между тем онемела от удивления. Слезы потекли из ее очей. Не в силах сказать она ни слова. Уста ее беззвучно шептали: «Зет, Амфион! Мальчики мои!» В цепях протягивала руки к Всевышнему и воздевала их горе. А здесь, свободная, не могла двинуть рукою и стояла как окаменевшая.

— Я научу вас, что сделать чтобы избавить Грецию от черной магии и наваждения этой злодейки. Привяжите ее к рогам дикого быка и пусть растерзает ее. Злодейка потеряет власть, когда бычьи рога вонзятся в ее плоть. Под видом священного быка сам Юпитер, всемогущий Бог, предаст ее смертной казни! — так фантомировала Дирка соперницу свою Антиопу.

И бедные юноши уже готовы были поступить как она сказала. Поймали они дикого быка, схватили Антиопу и хотели было привязать ее к рогам животного и предать лютой смерти. Внезапно их взору предстал старец Ипполит. Он точно сошел с неба, прекрасный, как святой Григорий Палама, изображаемый на византийских иконах.

— Остановитесь, несчастные! Зет, этому ли я учил тебя? Амфион, чего стоят твои божественные гимны Всевышнему? Еще минута, и вы оскверните свои руки чудовищным преступлением и не миновать вам мести Эриний и вечных мук в подземном царстве! Эта женщина — ваша родная мать. Она посвятила свою жизнь Всевышнему и родила вас непорочно. А затем дважды посвятила свою жизнь божественному своему Отцу и Жениху, пострадав за своих детей в тюрьме в подземелье Фив.

Пришел черед онеметь от ужаса Зету и Амфиону.

— Антиопа, наша мать! Мама, почему ты бросила нас и оставила круглыми сиротами?

Обрела дар речи Антиопа. Онемела Дирка, почувствовав приближение мести Божией. Вернулась ей приготовленная ею чаша проклятия, и злодеяния ее вместе с фантомами (собственными грехами, перенесенными на жертву) обратились на нее.

— Зет и Амфион! Всевышний, давший мне вас, повелел принести вас обоих на священную гору Киферон и преподнести Ему. Тот, Кто стал вашим Отцом в вечности, знала я, позаботится о вас и на земле.

— О мама, почему ты не осталась с нами? Ты могла спрятаться в лесах Киферона и хотя бы иногда посещать нас.

— Бог не повелел мне делать этого. Он сказал: вернись в Фивы и неси свой крест. По возвращении меня заковали в чугунные цепи. Фиванский царь Лик считал, что я сойду с ума, и на допросах требовал, чтобы я открыла ему место, куда положила своих детей. Но я молчала. Если бы я хоть раз посетила вас на горе Киферон, за мной увязались бы ищейки, и вы оба погибли бы.

— Мы больше не сироты! Мама, прекрасная наша мама, прости нас!

О, какие слезы! О какие объятия! О, какая радость! На сей раз слезами обливаются Зет

и Амфион. Целуют они рученьки и ноженьки матери своей — дважды святой Антиопе. Деве, посвященной Всевышнему без остатка. Деве, родившей от Юпитера и давшей им жизнь. Деве, посвятившей себя им.

— Мама, почему же ты не сказала кто ты, когда мы собирались совершить это самое страшное из всех возможных злодеяние?

— Бог запечатал мои уста, и я, сама не зная, что со мной, молчала.

Праведным гневом исполнились Зет с Амфионом. Связали Дирку, только что оклеветавшую их мать, и привязали ее к рогам дикого быка.

— О проклятая злобища, о лютая ведьмища! Наша мать святая. А ты — проклятая от начала змея в человеческом обличи, лжецарица! Теперь ты погибнешь той смертью, на которую обрекала нашу мать. Ты искала смерти нам и нашей матери, ты воевала против Бога. Да будет смерть твоя хотя бы малым искуплением за твою жестокость и клевету.

С этими словами отпустили быка Зет и Амфион, и на их глазах бык (и в его образе сам Юпитер) резким движением стряхнул с рогов злобную вакханку и затоптал копытами. Мучительной смертью, не успев вымолвить ни слова, на их глазах погибла Дирка.

Но на этом священный гнев братьев-близнецов не прекратился. Пошли они войной на Фивы. Собрали праведное войско, обличили фиванского царя во всех его злодеяниях и убили Лика. И народ избрал их царями семивратных Фив.

К

Одно только омрачало счастливое правление двух близнецов: где мать их Антиопа?

Зет и Амфион полагали, наконец-то они побудут со своей прекрасной мамой. Теперь они больше не сироты. Прекрасные материнские покои уделили они в фиванском замке для Антиопы. Но другой у нее удел. На еще более высокое страстное воздвиг Антиопу ее Божественный Возлюбленный.

По преданию, Всевышний наслал на нее безумие. Антиопа как тень слонялась по городам Греции, так что никто не мог ее найти. Посылали гонцов цари Зет и Амфион: «Мама, вернись! Мы тебя примем хотя бы и безумной. Ты столько претерпела за нас!»

Но боги так распорядились. Скованная цепями в тюрьме Фив, во мраке адовом Антиопа сохраняла светлый разум и сподобилась питания из рук ангелов. А вроде бы счастливейшая, обретшая своих сыновей, прославленная Фивами как великая святая — обезумела. Так говорит предание.

Ходит как тень Антиопа по городам и весям Греции и что-то шепчет. Никто не узнает ее. Антиопа потеряла разум. Но священнобезумие помазанницы — одна из высочайших ступеней к обожению. Разве не священнобезумен Бог, приходящий к смертным, страдающий из любви к ним? Разве не священнобезумны Олимпийские помазанники, приходящие к смертным несмотря на их тлетворные пороки, в нарушение логики и чаши мер и сроков?

К

О, мало кто понимает священнобезумие Антиопы!

Мать Зета и Амфиона сошла с ума из любви к Всевышнему. Она потрясена Его ходами. Она впала в безумие, когда смогла проследить линию своей судьбы.

Сколь счастлива была она, хранящая любимую своей богинею Деметрой! Всевышний подарил ей двух детей. Маленькое страстное, и мать должна оторвать от божественной груди их и оставить на Его попечение в горах. Какова скорбь матери, когда она сходила со священной горы Киферон! Никто и ничто не могло ее утешить.

И каково ее двойное горе, когда закованная в цепи, без слез (уже их нет и нечем оплакать свою скорбь) сидела в полном беспросветном мраке Антиопа, ожидая часа, когда разорвут ее чудовища... А к ней приходят ангелы! Всевышний освобождает ее из тюрьмы. И она спешит на гору Киферон. Она не знает зачем и что ее ожидает. Должно быть, старец

Ипполит пострижет ее в монахини и она посвятит остаток дней молитве о своих детях. Каков ее удел — ничего не знает.

И вот она встречает Зета и Амфиона прекрасными и юными. Но ее мальчики едва не убивают ее из-за клеветы проклятой Дирки. И опять Всевышний посылает старца Ипполита.

Дети отомстили за нее. Лик и Дирка погибают на ее же глазах. Фивы выступают на ее защиту. Ее хотят провозгласить живой святой, слепить с нее статую. Знаменитые скульпторы готовы выставить ее образ в центре Фив и совершать ей божественное поклонение.

— Нет! Я недостойна этой участи. Я никто. Мой божественный Возлюбленный, как мне благодарить Тебя? Тысячи жизней не хватит, чтобы воздать Тебе за то, что Ты сделал для меня!

И Антиопа впадает в священное безумие. Дабы избежать земной славы, остается где-то вдали, чтобы никто не знал, никто не видел священнобезумия любви.

«Я думала, нет удела прекрасней, чем быть закованной в чугунные цепи во мраке темнице. А теперь, после испытанного мною счастья, понимаю: нет выше удела, чем юродство и безумие».

Исцелилась от священной болезни Антиопа, упокоилась и провела остаток дней вдали от мира, славя таинственное Божество и непрерывно молясь о своих ненаглядных мальчиках Зете и Амфионе.

Знали и сыновья, что у матери особый удел. Простили ее и просили Фивы молиться о процветании града своего и о матери их Антиопе, поскольку ей Всевышний вручил удел фиванского царства, да и всего мира.

К

Я не смог бы вскрыть «кладовые» Антиопы и описать эту священнодеву, если бы не Вторая Соловецкая. Я вижу Антиопу как олицетворенную Вторую Соловецкую Голгофу. Тысячи старцев приходили к ней, и она беседовала с ними, исповедовалась им. А Зет и Амфион — это пять миллионов зеков соловецких. Дирка — римская инквизиция и вохровская сволота. Старец Ипполит — отец наш Серафим Умиленный. Священная гора Киферон — лагерь смертников.

Не увидел бы я страстного (меры креста) Антиопы, если бы не увидел крест другой соборной девы — Святой Руси во времена Второй мировой и красного Гулага.

История Антиопы показывает священнобезумие, юродство как одну из самых высоких ступеней приближения к Брачному одру (а на него взойшли 100 тысяч зеков соловецких). Сонм невест Христовых украсился страстным подвигом Антиопы. Тысячи российских зетов и амфионов, став управителями небесных градов, взойшли к славе Всевышнего. Исполнившись Святым Духом и праведным гневом, стряхнули с себя ярмо фиванских диктаторов Лика и Дирки, взяли в Фивах власть в свои руки и установили в них тысячелетнее царство Мессии.

А история Ипполита, Антиопы, Зета и Амфиона закончилась счастливо. Все четверо достигли вершины лестницы обоожения и поныне блаженствуют на Елисейских полях в веселении небожителей.

О, они уже не нуждаются ни в каких книгах. А я прохожу свое маленькое страстное...

К

В фиванской тюрьме Антиопа повторяла: «Я выхожу навстречу Тебе, Возлюбленный мой»...

Выходить навстречу Жениху (имя Антиопа от «выходить навстречу») означает пройти на земле путь, какой Он проходит сходя на землю: темница, страстное, одиночество, священнобезумие, клевета, фантомирование, разлука, несправедливость.

Так спускается с неба Христос. Его путь лежит через темницу, крестный путь, Голгофу

к Брачному одру. И таков же путь невесты, выходящей навстречу Возлюбленному своему.

Царь Мидас, или Протестант— ослиные уши Мидас, или Нищета мамоны

29.08.05 Измир

Поучительная история с фригийским царем Мидасом. Два начала с трудом совмещались в нем: любовь к правде и жажда наживы. Подобно многим фундаменталистам, протестантам и людям мира, для кого Премудрость соблазн, искал он совместить дар Божий и мамону. Разделял он то мирозерцание, что Бог любимцам Своим сулит деньги, а отсутствие их — знак неблаговоления Божия к такому-то. Тем самым нищета, каличество переходящее, юродство — брак и отступление, а «богатый юноша» благословен. Мидас принадлежал к тому редкому типу, что и Бога искал, и благоденствия в мире не желал терять. И к еще более характерному типу — расширять благовестие за счет капиталовложений, барышей и прибыли мамоны.

Однажды к Мидасу пришел пьяненький Силен — учитель Диониса, блаженный старец его и наставник. Притворившись подвыпившим и юродствуя, Силен стал рассказывать фригийскому царю об Атлантиде.

— О сын мой, где-то за потоком бытия и за пределами океана, вдали от Европы, Азии и Африки есть чудесная страна. В ней множество городов, населенных совершенными людьми. Между домами вьются виноградные лозы. Жители ее живут больше ста лет, следуя свыше дарованным законам. Нет между ними зла и похоти, не заходит война и зависть.

— Что же это за таинственная страна, — удивился Мидас, — и можно ли в нее попасть?

— Нет, сын мой! Нет и никогда. Страна эта как бы посольство Царства Божиего на земле. Попасть в нее можно только тому, кого изберут боги Олимпа. И еще блаженное вино Диониса ведет в эту страну долгожителей и искупленных.

— Силен, расскажи мне еще об этой прекрасной стране Атлантиде!

— Ничего о ней не сказать односложно. Закон в ней и действует, и нарушается. О ней вообще ничего, сын мой, нельзя сказать, поскольку она существует в другом измерении — пакибытия. И люди в ней другие, и составы их иные, чем у нас. Это как бы мелхиседеково царство, сошедшее с Неба. Попасть в него можно, только вкушая от сладчайшего вина.

— Почему же нельзя снарядить корабль и после долгих странствий по ветрам, дующим в направлении Всевышнего, оказаться на этом острове?

— Праздноискателей ожидает ужасный водоворот. Его не может преодолеть ни один корабль. Морская пучина безжалостно поглощает его.

— Что означает духовно 'ужасный водоворот'?

— Духовно? — задумался Силен, критически посмотрев на Мидаса и решая, сможет ли внять его словам фригийский царь. — Человека засосет в водоворот страстей. Оказавшись в море благодати, он не сможет держать прямой курс на остров блаженных. Его закрутит в родовых программах и утянет на дно морской пучины.

Слушай же: теперь расскажу я тебе о двух текущих рядом реках. На берегах одной растут чудесные деревья, возвращающие молодость даже глубоким старикам. На берегу второй реки другое древо, и плоды его горьки. Кто съест, начинает стонать и плакать безутешно, отравляется и чахнет на глазах.

— Что означает твоя притча?

— Две эти реки, первая — река Жизни, божественное вино из Царствия (религия светоцентризма, древо с плодами первородной непорочности). Древо на берегу другой — добра и зла и связанное с ним грехоцентрическое жречество. Сколько не искал бы ты избавиться от его плодов, остается только стонать, плакать, унижаться, оплакивать свои грехи, умиляться, смиряться. Но будешь только разлагаться заживо и терять надежду.

Удивлен был Мидас духовной высотой старца, да так заслушался его, что пять дней и ночей провели они в беседе. Старец почему-то не приходил в себя от пьянства, что приводило Мидаса в недоумение. Вроде бы он и вина старику не предлагал. Силен же постоянно находился в каком-то блаженном опьянении.

— Пустота, — завершил свои речи Силен. — Ты богат, и ты ничтожество. Ты нищий. Ничего у тебя нет. Помрешь, и в охапку уместится добро твое, хотя ты царь фригийский, а я бродяга пьяный и любой может ударить меня по голове.

Но заинтересовало учение премудрости Мидаса и не давало ему долго покоя. Впрочем, вскоре уехал старец и вернулся вместе с божественным Дионисом.

— Чего бы ты хотел от меня, царь Мидас? — спросил, сияя взором, Дионис. — Проси, и я удовлетворю твою просьбу.

Ум у Мидаса помешался. Бог — мамона... как можно больше денег, чтобы строить храмы... силой государства всех обратить к Дионису... Победить врагов можно только в богатом и твердом государстве. Оно знак благополучия. Бог покровительствует богатым царям, а нищих и банкротов презирает.

Рассуждая подобным образом, Мидас попросил у Диониса:

— Сделай так, чтобы все, чего ни коснется моя рука, превращалось в золото.

И вот по мановению руки олимпийского царя в золото превратились мебель, предметы культа, камни, вещи, книги, окна. И даже пища, которую ел Мидас. И вода. Из источника тек золотой ручей, а на подносе служанка подавала тяжелое золотое яблоко. Но только что с ним сделаешь? И как пить перенасыщенную золотом воду?

Понял Мидас, что просчитался. Золото сделало его умирающим от голода и жажды. И чем больше у человека денег, тем ближе он к смерти, тоске и голоду.

К

Рассказывают: однажды Мидас, видя соревнующихся в игре на кифаре Аполлона и Марсия, не согласился с судом речного бога Тмола, что Аполлон играет лучше. За это солнечный Олимпиец наделил его ослиными ушами. Какое-то время Мидасу удавалось прятать свои ослиные уши под фригийской шапочкой. Но тайну его выболтал цирюльник: «Господин наш носит ослиные уши!»

У мамоны ослиные уши. Под аккуратной кардинальской фригийской шапочкой — ослиные уши, а это означает: царь наш круглый дурак, если Бог сделал его ослом!

«Ах, — сокрушался Мидас, — не услышал я гласа Божиего, сулящего мне нищету духа и вечные богатства. И вот отросли у меня ослиные уши в наказание за то, что я круглый осел и дурак. Пойду-ка выкопаю ямку и скажу в нее: у царя Мидаса ослиные уши. Быть может, ослиные уши уйдут под землю и вернуться человеческие».

Сделал так Мидас, но на месте ямки вырос колкий тростник и человеческим голосом стал шептать всем прохожим: «У царя Мидаса ослиные уши! У мамоны ослиные уши!»

Не выдержал позора фригийский царь, напился бычьей крови и повесился.

К

Кто хотя бы однажды вкусит благодать Премудрости, для того нищета — безусловное правило поведения и свидетельства перед Богом. И нет для него ничего опаснее, чем «ужасный водоворот», т.е. круговерть мамоны, казино и непрерывное «зарабаты-вай-покупай». Считать мамону совместимой с Богом, прикидывая в уме, как бы заработать на ближнем, обойти его, обмануть, надуть (и в конечном счете убить) значит откровенно фантомировать Всевышнего образами «желтого дьявола» и приписывать тем самым Бога к врагам человеческим.

Юпитер Влюбчивый

60 лет святая мать, итальянка Луиза Пиккаррета, прикована к постели. Вкушает из Чаши, вопиет невеста. Просит Господа, чтобы Он лично вонзил в нее иглы и гвозди...

Что это? Мазохизм со стороны великой святой матери? Садизм со стороны Христа? Так может счесть профан.

Подобным образом трактуют и поведение Геры. Блюстительница брака и ревностная мать, Гера ревнует своего влюбчивого мужа и насылает нескончаемые проклятия на тех, с кем олимпийский царь богов вступает в любовные связи.

О пренебесная страстная божественная пара, состоящая в священнобезумном браке — Юпитер и Юнона, Зевес и Гера! Царь богов и царица, оба восседающие на золотых престолах. Вседержитель и миродержица.

Об Отце Небесном иудеи знают только, что «ходит среди херувимов и серафимов», «среди тем тьмущих». Греки, подобно профанам-евреям, интерпретируют Юпитера как громовержца, мечущего молнии... Но чтобы понять истинный характер Отца Небесного, нужно обратиться не к Элогиму и Яхве, а к горячему влюбчивому Зевсу.

Удивительнейшее и таинственнейшее божество! Состоя в священном духовном и вечном браке с Герой (символ их брака — подаренное землей Геей Древо жизни, дающее нетленные плоды, золотые яблоки) Юпитер не довольствуется своей супругой и показывает свой горячий влюбчивый характер. Ему, отцу богов и олимпийскому царю, хотелось бы стать отцом едва ли не всех героев. Его дочь Артемида постоянно охотится за достойными стать его невестами и оплетает их божественной сетью, а Афродита с Эротом пронзают их золотыми стрелами.

Гера кажется мстительной хранительницей домашнего очага. Юпитер не знает, что делать с ревностью своей супруги, недостойной звания олимпийской богини. Он даже придумывает шествие, при котором вместо очередной любви идет разодетая кукла. Гера набрасывается на процессию и, растоптав куклу, велит ее сжечь...

Ничего кроме отвращения подобная кривизна не вызывает. Преступно наводить кривые зеркала на великие древние священные предания. Сколько же можно оскорблять богов? Сколько можно плевать в сердце Небесного Отца?

Изумительный и несказанный образ нашего Владыки — Юпитер Влюбчивый. Чтобы узнать, каков Он, нужно обратиться к эллинам. Они при всем своем воинствующем политеизме и отвратительных извращенных связях гораздо ближе стоят к Отцу Небесному. Им понятнее пылкий, страстный характер Отца. Девственная влюбленность характеризует всецелое сердце Миродержца.

Так каков Всемогущий? «Сильный, державный» и прочий в рамках «двуглавого орла» и симфонической модели? Нет, ничего в древних сказаниях не понять непосвященному.

О Юнона, умощенная амброзией и источающая из себя алоэ, мирро и нектар! Тайна ее — СвященноТеогамия, священный брак с Всевышним.

Вместе со своим супругом проведя около трехсот лет в нескончаемой брачной ночи излияния вина любви из Морского Грааля, Юнона хотела бы, как и Отец, щедро поделиться божественными дарами со всем творением. И кому особо покровительствует вместе со своим братом-супругом — того видимо гонит, на того, как на воспитателя Диониса, насылает безумие или как божественную Ио, превращенную в корову, посылает в «гулаг» стоокого Аргуса.

Волоокая богиня символизирует священный брак неба и земли, схождение Божества, предуготовление творения. Чудесны ее символы. Лесная кукушка (священная птица Геры) — зачатие с помощью вытеснения другого из гнезда. Павлин — божественная красота девственного брака. Корова — молочные реки пренебесных осенений, сходящих на помазанников.

Гера преследует Геракла, да так, что ее ненависть к великому герою Греции смущает даже олимпийских богов. Всемогуший подвешивает супругу к небесному своду, прикрепив к ногам тяжелую наковальню, сооруженную для этого кузнецом Гефестом. В действительности же подвешенная к небесному своду с тяжелым грузом Гера — премирно распятая Богородица Атлантиды. Гера любит Геракла как сына своего и покровительствует ему. Несет за него премирный крест. Висит над сводом небесным, простертая, как христианский подвижник Иоанн Колов над своим городом. А тяжелая наковальня символизирует огонь ее сладчайшего теогамического сердца.

В миссию Юпитера и Геры, состоящих в священном теогамическом супружестве, входит передать священный брак или помазание вечного девства как можно большему числу смертных душ, тем самым возведя их на Олимп — в ряд обоженных, божественных существ.

Гера происхождением из морской пены и большую часть времени проводит в державе Посейдона. Она родом из Атлантиды. Эллины знают: море — перевернутое небо. Было бы невыносимо для богов-Олимпийцев лишить себя радости морского Грааля, морских нимф, харит, ор, nereid...

Рожденная (исторгнутая) из уст Крона, «павшая» во время, воспитывается Гера на краю земли, в обителях «седого Океана». С детства предназначенная для вышних благословений, Гера избирает затвор и покой. Даже олимпийское спокойствие не привлекает ее. Юнона столь прекрасна, что Юпитер возжаждал и похитил деву из покоев невест, призвав к своему брачному чертогу.

О! Скажем тысячекратное О!, входя в Брачный чертог после трехсотлетней священной ночи, называя его Брачным Одром и священнобезумием любви, таинственным сочетанием сердец, прилеплением бессмертных тел, изменением составов.

Теогамия раскрывается в замках пакибытийного Грааля тем, кто принес обеты вечного девства. Для прочих Гера — ревнивая дама, насылающая месть и проклятия на тех, кого вроде бы должна была защищать и покрывать.

Тайны Юпитера и Юноны столь велики, что Мiroдержец скрывает свой дар даже от помазанных. Таинственное супружество или наивысший венец теогамии Геры и Зевса столь высок, что недоступен даже олимпийским помазанным. На небесах немногие посвящены в тайну божественного брака.

«Матерью непорочных родов» нарекают ее в Спарте. В честь ее учреждают особые празднества дев и невест Всевышнего — герии. В Аргосе ей воздвигают статуи из чистого золота и слоновой кости работы знаменитого Поликтета, а в Коринфе и Олимпии чтут как покровительницу градостроительства Всевышнего.

Волоокая «корова-мать». Никто из посвященных не боится мести Геры, зная: путь к священнопомазанию, любви к Всевышнему лежит через многие скорби. Страстное для помазанных р а д о с т ь, а не фобия и ужас, чем и отличаются помазанники от простых смертных.

Юнона неописуемо прекрасна. Красоты ее не достаивается видеть никто из смертных. Хотя Парис в споре трех богинь отдает предпочтение Афродите, Юнона прощает его. «Лилейноокая», она отличается спокойным величием миродержицы и покровительствует богопомазанным царям и царицам. Всемогуший в таинственном завете с ней не просто управляет вселенной, ищущей богосупружества. По сути весь сонм олимпийских богов — Аполлон, Дионис, Артемида, Афина Паллада, Афродита, Гермес и 144 малых — ипостасные проявления и таинственные способы выражения важнейшей задачи и назначения человека: обожения.

Олимп ориентирован на богосупружество. На Олимпе знают крест, не знакомый христианам с их «орудием искупления». На греческом Олимпе знают Отца безумной любви и чтут его нескончаемые «романы» — девственные узы.

Гера в непрерывном страстном. Внешне спокойная, она просит Зевеса подвергнуть ее бичеванию (одно из Скорбных таинств Розария). Облечена она по сути бесконечной властью над всем творением, поскольку какой закон может быть на столь великую небесную любовь?

Великолепна ее солнечная колесница с колесами из чистого золота и спицами, сверкающими медью. Благоухание неземных ароматов разливается повсюду, где появляется Теогамическая Госпожа. И ей поклоняется все живое — ветви деревьев, кустарники, растения, небесные птицы, дикие животные и прирученные домашние водят свои хороводы вокруг теогамического престола.

Гера знает: все творение устремлено к браку с Творцом. О, это Юнона насылает священнобезумие на Ино, бросившуюся в море, и без супруга рождает «уродца» — юродивого коваля Гефеста! Одним взором своим и касанием руки Гера благословляет древнего змея — чудовищный Тифон и порождения его будет преследовать непорочно рожденных и будет уничтожен золотыми стрелами героя. Особо покровительствует Юнона духовным роженицам. Она по сути не снимает «пояс Афродиты» (один из теогамических символов древней Атлантиды, перешедший как сказание и предание в Грецию) — побуждение вышней любви в бессмертных телах.

На Самосе, где Геру чтут особым образом, ее изображают в виде белой доски с начертанными на ней золотыми таинственными знаками теогамических блаженств — кадуцей, масла, тирс, увитый плющом. На священной доске написаны имена удостоившихся всерадостного креста, благоухания богосупружества, распявших свою плоть и естество ради вхождения в чертог Всевышнего.

На Крите и в Кноссе, на Олимпе и в Коринфе особым образом почитают священный брак божественных Отца и Матери... Только иудеи и христиане ничего не знают о любви Отца Небесного к Матери-Премудрости, о священныхузах их блаженных осенений. Потому и не могут читать по самосским доскам — лишены пророческих харизм и не знают Бога воочию. Но да грядет Святой Дух и пристыдит иудео-христиан, послав их к эллинам — обратив взоры человечества к сонму олимпийских богов и вскрыв основную тайну Атлантиды: золотой престол богосупружества.

Кого Гера любит, на того насылает бедствия и гонения, того и посвящает в свое малое страстноое. После чего исхищенная Всевышним невеста научается выходить навстречу своему Возлюбленному. О, в свой час, препоясавшись поясом Афродиты, она падет в объятия Жениха и упокоится на Брачном одре премирной Усыпальницы. Открыто было отцам нашим на Соловках: Брачный чертог и Усыпальница для 100 миллионов жертв красного ГУЛАГа идентичны. Тайна музыки Священноусыпальницы в том, что в ней распевают хоры ангелы Брачного Одра. Смысл попущенного Небесами адового проклятия 100-миллионных Соловков XX столетия и 100 миллионов предсмертных стонов — в воздвижении премирного Брачного Чертога.

Вот он сходит с Соловьинной горы и медленно движется через священный остров Самос на Грецию, на Европу, на Святую Русь.

Священная гора Киферон (аналог горы Мориа) — излюбленное место молитв Юноны. И везде, где ни появляется царица-богиня, она распространяет благоухание девства. Олимпийские небожители почитают величайшим счастьем внимать ее голосу и созерцать ее умонепостижимую и невыразимую в человеческих измерениях красоту.

Гера распространяет вокруг себя лучи премудрости, девства, красоты, справедливости, страстного, покрова и помазания. Очи волоокой царицы полны неизъяснимого томления. Вся она страстная обращена к Всевышнему, готова к жертве. Нет, не может смертное существо видеть эту агницу агниц без того чтобы не впасть в священнобезумие, не отключиться, не упасть в обморок.

Ее порождение — ГУЛАГ, да. Ее порождение — злобный и воинствующий Арес, что означает неисчислимые миллионы анонимных невинных жертв, polegших на поле, с рождения невинно закланных на ацтекских, египетских, кельтских и соловецких алтарях. Промысел Юноны непостижим в падшем порядке первородного греха. Но те, кто ищет правды, «священники священнобезумия и моста между небом и землей» (в терминах апостола Павла «священники по чину правды и мира»), почитают мать свою Юнону. В страхе Божиим поклоняются и просят от нее таинственных помазаний.

II. Дневники, статьи

В Измире полтретьего ночи.

26.08.05 Измир

В Измире полтретьего ночи. Все мои сыновья проходят состояния отупения, цементированной памяти, парализованной совести. В страстном лежишь, обливаясь слезами. Ну последний придурок. Ну жалкий юродивый. Ничего не помню. Позабыл то, что вчера знал наизусть. Ни одной строчки из Евангелий, ни одной молитвы доселе известной... Но зато все миры отверсты, все врата небесные, когда диктует Дух Святой и сходит белый голубь с трепещущими крыльями.

Когда белый орел из Царства Всемогущего опускается в божественный ум, вскрываются глубинные слои памяти. Пребожественная совесть, связанная с выраженностью небесного потенциала, вступает в действие. И окрыляется внутренний человек.

Воистину, после страстного — этой духовной сковывающей смерти — следует воскресение благодатью Святого Духа и возрождение для вечной жизни. Оно невозможно без цепи цементных саркофагов, страстных воплей из какого-нибудь морского сундука, из чрева кита, из подземелья Гулага, из эковской камеры № 1305. Невозможно штурмовать высоты Царствия, не пройдя хотя бы малую часть опыта Серафима Соловецкого и не сподобившись Грааля Последней Капли своего предсмертного.

Боже! Посвящаю свою жизнь без остатка Тебе. Приношу благодарность на жертвенник Твой, как Девкалион и Пирра после потопа. Используй, Господи, Грааль Последней Капли ста тысяч превосхищенных Твоих и помазанных во благо человечеству и сотвори серафитов для Богоцивилизации.

И небо отвечает, как эхо озвучивая слова пророка:

— Грааль Последней Капли! Грааль Последней Капли!

И от его священной капли на землю, от «семени христовых» рождаются юные отроки и отроковицы с просветленными челами и с превосхищенными взорами. Взяв в руки оливковые ветви и мирро, превосхищенно шествуют они к первопрестольному городу Богоцивилизации, где ожидается таинственная встреча с божественным Возлюбленным. И Сам Христос придет на вечерю любви и посвятит их в тайны боольшие, чем те что им открыты.

К

Как важно быть неотмирским! Что бы ни делал — как небо говорит. Прийти из Царства. Преодолеть любые препятствия. Носить любые кресты. Дать согласие, чтобы тебя пинали ногами и превращали в ватную мумию, в гуттаперчевое чучело, в восковую куклу, во что угодно, в привидение и тень, чтобы тебя сплющили и расплющили... Господь вознаградит твою неотмирность дарованием благовестия. И в свой час услышат миллионы.

И напротив, будешь гоняться за химерами gloria mundi (славы мирской) — окажешься брошенным на помойку человеческой истории, никому не нужный и всеми забытый.

К

«О умасти, Приснодевственная Мать, брачный чертог мой мирро и амброзией, — молятся к Ней ученики Пречистой Девы. — О упокой меня в рощах Элизиума и дай коснуться золотого плода из сада Гесперид, вкусить от Первородной Непорочности. Да откроются глаза мои видеть красоту божественных существ. О, сколько их! О, сонм, собор, сонм сонмов! Нескончаемо их много.

О, наконец-то я прозрел! Наконец-то я постиг смысл и тайну бытия. Божественная Гера, сладчайшая дева, Юнона волоокая, королева Божия, напои меня от нетленных сосцов горячим молоком вышней любви и помажи все существо мое страстно, дабы исчезли страх и призраки родовых программ. О помощи отрясти прах и стать таким, каким ты лепишь меня, пребожественная Мать».

Так молятся прекрасной деве-матери Юноне ученики Всевышнего. И духовная Эллада наполняется благоуханием ночных свечей в торжественной процессии Агнца из 140 тысяч Его девственных невест...

К

Юродствуют боги Олимпа. Пока фарисеи рисуют своего институционального божка, инквизиторствующего злодея, прекраснотворческие божества страдают: висят подвешенными над миром, просят подвергнуть их бичеванию, преследуют (тайно покровительствуя) тех кого любят, порождают химер и тифонов, насылают нескончаемые бедствия на особо ими любимых.

Но порядок СвященноТеогами непонятен миру. Не понимает обычный смертный и смысл своего существования.

Если бы осознал и духовными очами обозрел происходящее с ним, потянулся бы к Богу юродивых и святых блаженных, теогамических, прекрасных. Ведь сама Олимпийская царица, проведя своего любимого ученика через скорби, посвящения, одиночество, страстное, привив его любовью ко Христу и щедро одарив нетленными маслами, привела в Чертог Всевышнего к неизреченным

О! Брачный Чертог О!
О таинственное Божество,
О выше нет ничего!
О мой Возлюбленный О!...

О, когда воскурение от престола СвященноТеогами распространится по всему творению, придут тверские проститутки, толкачи, биржевые маклеры, бомжи одинокие, полубезумевшие от страданий старушки в хосписе. Тогда предсмертный стон 100 миллионов обратится радостным гласом «Аллилуйя!», и человечество наконец-то найдет состояние снятия с креста. Страстное завершится и начнется сладчайшая Мессианистическая эра под знаком трехсотлетних теогамических блаженств Юпитера и Юноны, Отца Небесного и Матери блаженств, Премудрости Софии Огнекрылой.

К

Внешняя история Ветхого Завета, прочитанная очами Теогами, приобретает страстной характер. Плач Иеремии, страдания голубя-пророка Ионы в Ниневии. Пресвятая

Богородица Страстная в образе сестры милосердия в ГУЛАГе или принявшая вид страстной доски-иконы и просиявшая где-то над сибирской сосной перед взором поклоняющегося ей пятидесятилетнего возницы...

О Царица, вся вселенная наполняется дыханием СвященноТеогамии. Все творение просыпается и устремляется в объятия Всевышнего. В свой час Ты станешь символом поколения и песнь Тебе воспоют миллионы восставших от прискорбных обстоятельств, от похотных постелей, от пыльных белых простыней и от скомканных своих замороженных уделов.

Ты просветила их лики сиянием Божества и указала путь. И, облекши их в белые ризы, придала им обручальные кольца на левую руку и негасимую восковую свечу в правую. И вот они выходят навстречу и жаждут во всем следовать Жениху. И что делает Он на пути к ним, то делают и они на пути к Нему.

И их встреча — самая прекрасная и светлая из всех, когда-либо бывших на земле. Сретение Всевышнего.

К

О Бог мой, какие прекрасные символы! Меч, украшенный оливковой ветвью. Град Божий в солнечных лучах. Лазурное небо, и на нем — обрисовавшиеся лики дев. Сладчайшие олимпийские богини пришли к источникам омыться в белых купелях и помочь омыться в белых купелях. И вслед за ними в тех же священных водах омовения омоваются их ученики, удостоившиеся лика бессмертных за свою любовь к Всевышнему.

Один из них несет сосуд свежей воды, другой — чашу с нектаром, третий — стамну с манной, четвертый — Святой Грааль с Кровью и Плотью Божества Христа. Так и устраивается Его тысячелетнее царство, незаметно пришедшее, как бы помимо бедствий. Где они? Да прочь развеявшееся облако химер, ночной мираж!

Нет ничего кроме Него,
Возлюбленного моего.
Нет ничего кроме любви,
любви Его

Повторяй так, сын мой, дочь моя, в ночной молитве — и счастливо избежишь бедствий, хотя бы уже начались маленькие потопа, затопило центр Санкт-Петербурга или до третьих этажей Нью-Орлеан...

Ничто, ничто не воспрепятствует душе, хотя бы скованной чугунными цепями, славить Всевышнего. Ничто...

К

Турецкий солдафон, капитан стражи, запретил нам выходить за пределы допустимого туристского серпантина. Мы привыкли смотреть иначе, чем туристы. Избегая глазения на святилище, превращенное в коммерческое капище, восходили к благословенному месту, где Пречистая Дева поставила Свой престол и пребывает на нем.

Пришлось нам подняться с другой стороны горы. Миновали горшечную мастерскую со множеством скульптурных изображений каких-то рыб, лебедей, дельфинов и глиняных кувшинов. Поднялись по козлиной тропе к Соловьиной горе с другой, тыльной, стороны.

Вдали звучал колокольчик, привязанный к козе-путеводительнице. Навстречу нам весело шагала молодой пастух с длинным охотничьим ружьем.

В неопишуемой красоты морских далах солнце заходило за Самос, когда Царица указала мне таинственный туннель. Объяснила:

Первую великую тайну Я тебе открыла: отсюда, с Соловьинной горы, вход в Брачный чертог. Другая тайна нового Иерусалима: отсюда вход в атлантический Грааль.

Царица показала солнечный в световых переливах туннель, по которому Она с Соловьинной горы спускалась в Атлантиду, в белые морские замки Грааля. И восхищала оттуда к эфесским старцам, первомученикам Христа из Эфеса в Палестину, Александрию и по всему миру, где жаждали испытать блаженств Христовых Его и Ее ученики.

К

А страстно разгорается. Боже, сколько пыльных упырных апартаментов пришлось сменить! Сколько турецкой басурманщины вкушать вместе с чашей Грааля! Сколько тоски по несбывшемуся Отечеству, по счастливейшим моим детям и близким!

Третий смертельный удар нанесен был в июле на Элеоне. На этот раз Всевышний положил руку на позвоночник. Радикулит, седалищные нервы, смещение, невралгия.

Куда бежать в разгар сезона? В турецкую пустыню. Красный дракон гнался за нами три дня. Но земля покрыла нас.

Что пережили мы в разгар сезона! Ошалелое диско, бесноватые детские крики, ненависть «туркао»: не укладываемся в их семейно-родовые программы.

Квартир переменили за месяц не меньше пяти. Считали скорбно с о.Паисием, сколько жилищ сменили мы за 18 лет — обжили, кровь пролили, благословили...

Механизм «автоматической» адаптации к жилищу уже почти не может работать. Душа ищет себе постоянного подданства, да нет его. Душа восхищается в горный мир, а тело бежит за ней, не зная что бежит за душой своей. Ищет где-то осесть в земных небылицах и таинственных царствах. А их уже давно нет.

Тело спешит за душой, а душа — за Духом Святым.
Уже сказано. Осталось молчание
как божественной Ио мычание.

Священнодева Рабия и «Песнь песней» мусульманства, или Эра Бога-ближнего

08.09.05 Измир

Боже, какая война на видение в любви!

Суфия Яхаваза (X век) предадут смертной казни за дерзновение об обожении: «Я есть Он, Которого я люблю. И Он, которого я люблю, есть я. Если ты видишь меня, ты видишь Его. И если ты видишь Его, ты видишь нас обоих».

Мусульманская инквизиция сжигает его на костре в марте 922 г. Как кощунница и еретичка, стирается из памяти шарията и Рабия аль-Адбия.

О, сладчайшая Рабия вышла замуж за неведомого ей Христа! Так и осталась девой (умерла в 88). В дневниках писала: «О любовь ко Всевышнему, охватившая все мое

существо! О мой Возлюбленный, о! У меня не осталось ничего, чем я могла бы любить кого-либо кроме Него — и одного состава, ни одного начала, ни одного чувства».

Рабия достигала высочайшего экстаза (варджа) в непрестанном созерцании небесного Возлюбленного. Библейская Песнь песней выпевалась нескончаемо из ее сердца.

«О Возлюбленный двух мировых сердец! О Сладчайший! Я обошла весь мир. Я заступала тысячи порогов в нескончаемых домах. Я встречала прекрасных людей. Но ни в ком я не нахожу того, что есть в Тебе. Ты один достоин созерцания, Совершенная Красота. О моя надежда, о мой покров, о мое блаженство! Сердце мое не может любить никого кроме Тебя. Я сделала Тебя спутником всего моего существа».

Рабия разрывает с шариатом буквы и культа. Священное начало пути: Бог другой и познается на путях истины тарикат ('тарик' — путь последней правды).

В начале духовного пути Рабия «умирала чувствам», умерщвляла греховные начала. Но как ничтожна и мала эта ступень! Познала она другое — священное ушение, умирание от любви.

Аскеты умерщвляют плоть, чтобы достичь сверхчувственных блаженств. Наивная и детская ступень! Человек предназначен для другого — победить смерть и страх небесною любовью, для чего достичь ступени умирания от любви или наивысшей смертной тоски.

Рабия вошла в нее буквально в 20 лет. В пренебесном экстазе она писала:

«О Боже, ночь прошла и забрезжил день.

Душа моя томится.

Услышал ли Ты мои молитвы?

или Ты отверг их?

О только Ты, Ты один! Утешь меня!»

Любовь к Всевышнему исключает смертные образы и приращения корысти. Любить Всевышнего ради Него Самого.

Суфии готовы отказаться от того, что составляет существо «фарисеи». Милости, благочестие, здоровье, счастье — ничто это суфиям не нужно. Есть другая любовь — готовая страдать, соразделить крест, выйти навстречу.

Рабия — «мудрая дева» мусульманства. «Двух родов моя любовь к Тебе: себялюбивая и достойная. При себялюбивой любви я благодарю Тебя за достижения и дары, но остаюсь слепа. При достойной Тебя любви завеса снята и я могу взглянуть на Тебя каков Ты есть».

Снять завесу — цель суфиев. Завеса эта — материальное благополучие и буква окосневшего шариатского ритуала. Шариат (1) для суфия — детский сад. За ним наступает (2) тарикат — как бы отвержение очес. Открывается страстное Бога. Начинается сладостная песнь любви.

«О Боже, ночь прошла и день забрезжил. О Господи, звезды светят, сомкнулись очи смертных и цари позакрывали свои врата. Влюбленные уединились в брачных покоях. А я одна с Тобою. Сладчайший, если я служу Тебе из страха перед адом — спалию меня в нем. Если служу Тебе в надежде на рай — изгони меня из него. Если служу ради Тебя Самого — не скрой от меня Твоей вечной красоты».

Менталитет суфизма преодолевает рамки фарисейского страха перед преисподней и вожделенного рая. «Благодарю Тебя, Господи, что Ты не сотворил меня как того несчастного бомжа или как женщину» — молитва иудейского фарисея, вкрапленная в современный иерусалимский молитвослов. Тарикат предполагает понимание языка Всевышнего: простертую лестницу, срывы, падения, испытания, обеты, отречение от мертвых схем и стяжание воли Всевышнего.

К

Но выше тариката марифат (3), премудрость Марии (суфии — от Айн-Соф (Каббала),

‘познание бесконечной любви Всевышнего’). Марифат — высший абсурд, христианское юродство. Абсолютная неотмирскость при духовной практике «зикра» (у каббалистов зикрон, ‘духовная память’, у эллинов — Мнемозина) — мистическое воспоминание о Божестве. На начальной ступени зикра предполагается думать только о Боге и больше ни о ком и ни о чем. Но совершенный марифат — постигать колодцы бесконечной памяти Всевышнего. Из превечных тайников и пренебесных кладовых читать во внутренняя внутренних сердец и сочетаться.

Суфии от Хасана аль-Басри (основоположник мусульманского мистицизма, VIII век) до аль-Газари и последних мистиков, включая шейхов Хаккани и Раббани, познали Брачный чертог.

К

Марифат (Мария, женская ипостась Премудрости, поклонение Ей) приводит к четвертой высочайшей ступени просветленных умом и сердцем хакикат: пребывания в состоянии непрерывного откровения, жизни на земле как на небесах.

Суфии ссылаются на одну из сур Корана: «Те, кто верит, обладают великой любовью ко Всевышнему», заключая: вершиной пути Мухаммед считал любовь к Богу и веру сопрягал не с соблюдением ритуала, а с любовью.

Достигшие вершины пути хакиката восходят еще в земной жизни на небеса и видят истинный храм. С точки зрения тупоголовых фарисейских представлений они еретики, поскольку отрицают превосходство своей религии над другими и сметаю рамки институциональной гордыни. Суфии полагают: между религиями существуют только внешние различия, подобные изменению цвета воды в зависимости от того, в какой сосуд ее поместят.

В глиняном кувшине вода становится красноватой, в изумрудном — зеленой. Но при этом всегда остается прозрачной. Существо же истинной религии — любовь к Всевышнему. Не нужен храм — он в сердце верующего. Не нужна мечеть — она во внутреннем человека. Не нужно искать Бога где-то вовне: под куполом храма, в массовой молитве и в религиозном культе. Всевышний живет таинственно и юродиво, непостижимым образом в ближнем, в последнем, в страстном, в стонущем. И увидеть Его можно через озарение, что и составляет наивысшую ступень пути.

Достигшие хакиката окружают себя нищетой и поют нескончаемую песнь Всевышнему. Осознавая Его таинственные пути, ищут они просветления ума и сердца с подобающим страхом Божиим, зная: наивысшей ступени не достичь личными усилиями, необходимы помазания свыше. Даются же они не по достижениям и не согласно логическим представлениям суда и меры, а по таинственным и неизреченным путям кому Господь соблаговолит.

Но знают мистики ислама и другое: кому собственно благоволит Бог, почему приходит к этой таинственной девочке, или полупьяную проститутку почти мгновенно обращает в великую святую.

Для Всевышнего важнее не рациональная вера и не правильный обряд-обиход, а потенциал любви, заключенный в душе. Кто больше может любить, тот и дороже для Всевышнего.

Помазаницей становится душа идущая навстречу, ищущая, любящая, способная принять Премудрость. Прочие ее качества (частицы добра и зла, моральные достоинства и пр.) не принимаются во внимание. Существенно только одно: духовное мужество (способность снять завесу и созерцать правду несмотря на сопротивление внешней среды, давление усовещающих законов и институциональных норм) и нескончаемая жертвенность, агнчесть души, служение вышней любви.

Ничто так не ценит Господь, как способность созерцать откровение Его всежертвенной бескорыстной любви.

К

Рабия признает себя рабой и зеркалом. Ее любовь к Всевышнему лишь жалкая тень той любви, какой Всевышний любит ее. Осознавая это она встает в полночь, уже глубокая старуха при седых волосах, оставленная одними, не понятая другими («онемевшая бесноватая старая ведьма, живая преисподняя» — отзываются о ней окружающие). В одном белом хитоне, с возженной свечой и обезумевшим взглядом она встает с ночного одра и восхищает взор горео.

Всевышний ожидает ее.

Все ее существо — в немощах и болезнях, в скитаниях и вопрошаниях, в метаниях и падениях, несмотря ни на что вставать и выходить навстречу Ему с зажженной свечой.

Ее никто не может угасить. И никто не сможет свернуть Рабию с пути, указанного ей Всевышним. Он захочет — и она падет. Но Он же ее поднимет. Он захочет и отнимет у нее ум, но Он же и просветит его. Захочет — посрамит, ввергнет в смятение, в ад, в страстное. Но затем подаст блаженство, достойное Его.

Кто вкусил хотя бы каплю этого небесного блаженства, умирает ко всему прочему. Для него не существует супружеских одров, земных влюбленностей. Его уже не привлекает красота мужского или женского тела, перспектива земного брака или аскетическая практика. Одно только обжигает сердце: Божественный Возлюбленный. Нет никого выше Него! Одно только: постигать еще и еще Его любовь и купаться в волнах Его любви.

«Люди кажутся несчастными, — пишет в дневниках Рабия. — Они сами не знают чего ищут. Цепляются друг за друга, благодарят своих любовников и супругов за то, что те дарят им человеческую теплоту крохи любви. О если бы знали они, какую любовь дает Всевышний! О если бы полагались они на Него!»

Рабия захлебывается в лучах блаженства и становится на молитву о бедном мире. Она не просит о прощении и спасении, или об обращении грешников, или о врагах. Нет, она просит о другом, о чем просят мистики: чтобы любовь, открытая ей, излилась на других. И мир просветился бы в лучах этой вышней любви. И у Всевышнего появилось как можно больше любовников, невест, мудрых дев.

Внешние рамки ничего не значат. Однажды все люди встанут под один венец и сердца их откроются от горячих потоков божественного вина. Они опьянеют от блаженства. Они наконец-то достигнут ступени просветленных и будут услышаны. И тогда Жених будет сходить с неба и питать их Своим божественным составом, Своим пренебесным существом. И они будут откликаться на любовь Его с жаром и сочетаться с Ним еще и еще.

Немощная, уже старуха, Рабия на коленях склоняется перед Всевышним и провидит мессианистическую эру. О, придет эта эра, когда отомрет, навсегда исчезнет нужда в ритуалах, воскресных мессах, «рядовых» причастиях и пр. Настанет эра Бога-ближнего, что означает: Бог приблизится и станет ближе ближнего.

К

Разве не ищет человек близости? Разве не для того вступает в брак, чтобы достичь таинственного диалога?

Но Всевышний так далек и непостижимы путь Его и язык... Нет к Нему прямых путей. Никакие каноны и буквы не ведут в объятия Отчие. Необходима некая внутренняя перемена,

метанойя уже не личного, а сверхсоставного, вселенского порядка. Эта-то метанойя и называется на языке мистиков от ранних суфиев до Владимира Соловьева мессианистической эрой.

Ее существом станет не столько утопический «град Божий» (царство святых, сошедших на землю), сколько измененный порядок бытия. Всевышний «изменит Самого Себя» или, точнее, изменит Свою позицию по отношению к человеку. Изменится и слепленный заново человек. Всевышний решит по Ему одному открытым путям приблизиться к человеку. И человек также единственным упованием своим поставит сделать Бога ближним.

Это и означает мессианистическое «ближе» Бога. Уже отпадет нужда «выходить навстречу», как в притче Господней о мудрых и немудрых девах. Уже выйдут — и настанет таинственное Сретение. Но не как православный двенадесятый праздник, символически отражающий одну из вех земного пути Господа, а духовное сретение невест. Невесты встретят своего Возлюбленного, и тогда совершится их чудесная близость.

Бог приблизится. Бог станет совсем доступным (что приведет и к искушениям). Приблизится и человек к Всевышнему. И в этом основная черта Мессианистической эры. Прочее будет вытекать из нее: счастливые дни долгожительства, непрестанно возносимые молитвы, огражденность от врагов внешних и внутренних, преупокоенный мир в сердцах.

О тайне близости Божества и говорит Пречистая, раскрывая образы Богоцивилизации.

«Человек нуждается в лепке, и Я произвожу ее». Что закладывает в основание Царица? Таинственные пластины, некие антенки духовных нервов, способные слышать гласы Божии. И внутренние составы, из которых душа становится божественной возлюбленной и принимает образ мудрой девы, игнорируя все прочие, отмечая тысячи других, предлагаемых ей миром.

К

На второй ступени суфийского пути снятия завесы (тарикат) следуют многие прозрения. Это по сути «руководство к духовной святости».

Но на четвертой ступени, совершенных (хакикат), в действие вступает одна небесная любовь. На нее нет никаких законов. Она царствует во внутреннем, побеждает страхи, невроты, слабости, немощи.

Нет на нее и суда. Достигший совершенства, просветленный старец выглядит непонятным с точки зрения обывателя или (что стократ хуже) верующего обывателя. Он игнорирует ритуалы, выходит из себя, проявляет черты гнева и внешнего несовершенства... Но Бог прощает ему эти внешние вроде бы слабости, воспринимая их как язык юродства. Он хочет, чтобы Его невеста хранила печать инкогнито, была девственно сокрыта от мира, пребывая среди людей. Для того и насылает на нее различные маски и юродивые кривые зеркала, кривые юродивые образы. Но душа сочетанна узами брачночертожными с Всевышним. Она вступила в особый завет-брак с Всемогущим, и уже ничто не может их разделить.

Испытания невесты отличаются от иноческих. Всевышний попускает отступления при полном игнорировании буквы, но невеста убеждается в безусловном покрове своего Возлюбленного. И в конечном счете как бы тяжело ей ни было, каким бы тяжелым ни было бы отступление, сладчайший Жених приходит и дарит еще и еще Самого Себя и утешает неслезанно.

К

И совершенней исламского хакиката и католического францисканства — Бог, живущий в ближнем. Всевышний становится одно с ним. Нет нужды прозревать Всевышнего на далеких небесах, ожидать Его суда. Бог воплощается евхаристически, сочетая нас братскими узами.

Тайна суфийского, францисканского монашеского братства не в молитвенном общежитии и совместном делании, не в «ora et labora» (вместе молимся и трудимся), а в юродивом сказанном прозревающем видении Бога в ближнем, каким бы он ни был. Бог желает в ближнем унижаться, падать, поскольку ближний не только престол и седалище Всевышнего, но и мистическое зеркало, как бы отражающее твое собственное духовное состояние.

Идеально вступить в духовный брак не только с Божеством, но и с каждым из ближних. «Я пришел в этот мир вступить в брак с Богом через страждущее человечество».

Первый из «страждущего человечества» — ближний. Он рефлекторно выражает твои собственные слабости. Падает, запинаясь. Отнимается у него ум, теряется вера. И при этом нельзя восстать как на другого, понимая: ближний одно со мной. И более чем одно: он — я в божественном преломлении. Прекрасный ближний — зеркальное отражение моего собственного духовного состояния. Каким я вижу ближнего, таким Бог видит меня.

Лишь постигшие тайну ближнего могут вступить в истинное братство. Мессианистическое крестное ложе: как бы ни было тяжело, сколько бы помех и препятствий ни ставил враг, сколько бы ни уязвлял ближний дурацкими поступками, повторными глупостями, сколько бы ни отнимал здоровья, сколько бы через него ни действовал дьявол — понести крест. Не осуждать. Это означает: Бог испытывает. Верю ли я в реальность нашего врага? Имеет ли враг надо мною силу?

Нет никого кроме Него. И нет ничего кроме испытаний, которым Он подвергает идущего на пути. Ближний — россыпь этих чудесных дарований, милостей и несомненно испытаний.

Таинственное отношение к Богу и к ближнему сакрально. Их сочетание в одно — ступень к моему личному соединению с Всевышним.

К

Вижу мессианистические форумы. Миллионы в созерцании Всевышнего: прозрачны друг другу, сочетанны в едином браке узами брачночертожными. Не двое и не трое, а тысячи их, соединенных в одно золотое сердце.

Чает сердце человека на земле обрести жену, друга в ближнем. Насколько же счастливей он, когда обретает в ближнем своего Бога! Это особая ступень — земное пакибытие, особое помазание, обручение, помолвка с Всевышним. Каскад даров Святого Духа сыплется на него, и человек преображается всем своим существом, не выходя из диалога с Божественным Возлюбленным.

К

Томление невесты. Знает Рабия, знают и мистики ислама и христианства: ничто так не дорого Жениху как эти муки томления.

Не отступил ли божественный Возлюбленный? Не согрешил ли я чем? Не оступился ли, не оскорбил ли Его?

Что мое ничтожество по сравнению с Его величием! Не перестаю удивляться Его царскому великодушию. Как Он несказанно щедр! Отнял последнее: веру, надежду, разум,

смысл. Но сохранил стон. Стонет невеста, отрекается от Возлюбленного. А Ему этот стон страстной, предсмертный дороже молитв, как муки любви невесты. Провидит в них сладостные стоны в брачных объятиях. Воспринимает этот сокровенный стон как высшую музыку Царства, поскольку Сам, отдавая Кровь до последней капли (Последняя Капля Грааля), предсмертно стенает и стонет.

Не знает невеста последних испытаний, что предстоят. Они неожиданны, но готовиться к ним честь. И «ничего кроме любви».

Всевышний попустит это маленькое посрамление только затем, чтобы утвердиться превосходящей степени любви и возвести на еще более высокое мистическое ложе на нескончаемом пути восхождения в Брачный чертог, к Брачному Одру.

Рим Первый прежде «Второго» и «Третьего»

10.09.05 Измир

Взгляд со стороны на религию невозможен. Только изнутри. Но отстраненный взгляд невозможен даже «изнутри» религии. Неофиты, начинающие иноки и пр. остаются как бы «извне» и не знают существа собственной веры.

Христианство «со стороны» (известным клеветникам на все мировые религии иудеям и реформированным иудеям — мусульманам) кажется вопиющим врагом Божиим. Бог возможен в трех Лицах? Богородица — Матерь Бога? В храме святыни? С их точки зрения, вопиющее язычество и идолопоклонство.

И христианство, если не покается в «еврейском», клеветническом взгляде на другие религии, ожидает тот же удел. Его осудят сторонним мерилom и сочтут варварской верой, принесшей миру только кровавые бойни, наваждения и мрак.

Христианам предлагается измениться и начать жить «изнутри».

Сколько богов в греческом пантеоне? 3003, 303? Но посвященные сводили число к 33-м, а помазанные к одному, полагая прочие божества ангельскими иерархами, руководящими сложнейшей системой мироздания и посредующими между Творцом и тварным бытием. Посвященные каждой религии знали сложнейший механизм, каким Всеединный, будучи вечным и таинственным Божеством, не сводимым ни к каким формам и нормам, управляет миром.

Послушаешь «школьных» богословов, Рим — идолопоклонство. Храмы со статуями богов — нечестие и бесстыжее язычество. «Мифология», выдумка. Истинный Бог только у евреев и у их преемников христиан. Между тем последние смеют называть себя «Вторым Римом» (православная Византия) и «Третьим Римом» (самодержавная Россия). А спроси их о существе Рима, скажут: «империя...», «двуглавый орел...» или нечто в этом роде. Даже внешнего, стороннего взгляда не имеют.

В IV веке Рим принудительно обратился. Храмы позакрывали, сломали, сожгли или переделали в христианские. И содержание веры изменилось. Что представляет собой религия Рима, никто не знает. Ничего кроме огульного осуждения и суда со стороны.

Между тем римская религия представляла уникальный и сложнейший механизм. Некогда достигший расцвета в восприятии Греции и в своих сокрытых эзотерических формах заимствовавший Атлантиду и Египет, позднее он деградировал. Киевская Русь переняла выродившуюся религию «Второго Рима» — Византии. А христиане в IV в. попали под влияние деградировавшего первого. Объявив себя наследниками Рима, христиане вместе с мечом кесаря и симфонизмом восприняли дух, образ и форму веры Рима, переиначив ее на свой христианский лад.

Новый Бог Христос, мученики и святые составляют новый пантеон. Новые храмы, новая вера... но существо осталось прежним, деградировавшим, при том что пролилась великая благодать Премудрости от Христа и Истинной Церкви.

Две церкви шли параллельно. Имперская «римская волчица» (наследница худшего из иерусалимского фарисейства и латинского юридизма) и Церковь Брачного чертога и его истинных учеников, чьи священники не выпускали из рук Чашу Грааля и поклонялись отцу своему Иосифу Аримафейскому. Мессианистическая династия рожденных непорочно от Христа и Марии Магдалины — святые, мученики, исполненные Святого Духа, харизматические уникалы никакого отношения не имеют к «римской воровке» и «блуднице».

К

Рим первый погубила известная болезнь религиозных организмов: фарисейская мамона, жречество. От совершенной цивилизации Атлантиды Рим воспринял и сложнейшую иерархию управления миром. Число богов в иерархии римских посвященных превосходило 15 000. Существовали и еще более сокрытые книги, насчитывающие 150 000 молитв нескончаемому по сути числу божеств, управляющих всеми природными, физическими, космическими, духовными и божественными процессами. «» — древнейшая книга понтификов, подобная византийскому «Типикону», пыльный свод из 15 томов наподобие Четьих-Миней содержала перечисление и описание функций богов, «внешние» и «внутренние» (для посвященных) молитвы. Доступ к ней был только для образованных и умных жрецов.

Это «любящее первенствовать в собраниях и расширять воскрылия риз» сословие, блистательно описанное в 23 главе от Матфея, и погубило Рим. Смертельная болезнь римского жречества привилась и христианству по мере того как последнее осуждало и клеветало на свою матернюю религию — римскую.

Бедные новоявленные евреи, христиане восприняли Рим в его внешнем убожестве религии времен заката, и не разобравшись, отвергли и проклинали в целом. Проклятие им вернется. Еще предстоит им познать взгляд и суд «со стороны» на христианство (особенно в его православной, педофило-мамоно-симфонической версии). И тогда не избежать им совестливых укоров и краски стыда. Тогда зальются их лица кошмарной краснотой по предъявлению счетов.

К

Бросим же не сторонний (для иных, не римских верующих) и не внешний (для «простых римлян»), а духовный взгляд на римскую религию.

Особые свитки насчитывали нескончаемое множество — 10-15-150 тыс. — больших и малых богов. Перечислять их нет никакой возможности. Во главе их единый Бог Юпитер. Мир управляется с помощью десятков иерархий таинственных духов (большей частью космического и люциферианского происхождения).

Каста римских жрецов отличалась от простых смертных (риторов, философов, политиков, рабовладельцев и пр.) знанием невидимого мира. От люльки до могильной плиты рождение и смерть человека сопровождали тысячи невидимых существ. Атлантические nereиды, нимфы, оры и хариты приняли в ней образ несконченных ангелов и покровителей.

надзирает за беременными женщинами и присутствует при родах, чинно сопровождает само рождение маленького человека. Без («свет Всевышнего») ребенок не может выйти из

утробы матери и увидеть свет. Необходимо посредство этого духа. Нимфа дарит человеку жизнь. — чувство. (или) отверзает уста. Первый крик новорожденного связан с видением ангела, приступившего к нему. Добрейшая охраняет младенца в люльке. Посредство (от 'tupa' — грудь кормящей матери) необходимо, чтобы ребенок научился сосать грудь.

Римляне понимали: рождение живого существа связано с десятками пременений и пресуществлений. Из материнской утробы ребенок появляется на свет Божий. Из внутреннего принимает он внешний облик, облекается в другие и новые одежды. Без посредства множества духов эти процессы невозможны. Призывание их молитвенное с воскурениями жертвоприношений улучшает и оздоравливает процесс рождения человека.

На девятый день после родов римские жрецы, прикладывая амулеты новорожденному, читали молитву к (богине девятого дня), прося чтобы она избавила ребенка от дурных начертаний и дурного глаза. Затем давали матери мирт и оливковую ветвь, призывая стоящих рядом , и — трех богинь счастливой судьбы. Мать должна была трижды в день читать на непонятной древней латыни молитву этим трем счастливым фортунам, чтобы удел ее ребенка не омрачился мрачными предзнаменованиями и инородными вторжениями. Процесс кормления ребенка кормилицей или матерью также сопровождается особыми молитвами.

После отнятия от груди ребенок вступает в новую фазу своей жизни. Совершается очередное «пресуществление». Оно не происходит автоматически. Дитя не может оторваться от материнского молока, считали древние, без помощи добрых небесных духов. Их именно призывали, чтобы ребенок получился полноценным и избежал инфантильных травм и дурных последствий.

Богини и ведают процессами переключения ребенка с материнского молока на земные еду и питье. С помощью богини дитя перекладывают из люльки в обычную кровать. изменяет и укрепляет состав его костей. наблюдает за ростом мускулов.

Таинственны процессы мироздания! Далеко не так автоматичны и не просты, как понимает их внешнее зрение...

Вот время ребенку научиться ходить. Очередное пресуществление. Дитя осваивает для себя новые возможности и новые миры, и к нему приступают новые духовные покровители и наставники. и помогают ему не упасть и держаться на ногах при первых попытках ходить, держась рукой за мать или кормилицу. и учат смотреть вперед, побеждать страх и не возвращаться назад. и — смелому широкому взгляду на мир.

Необходимо выйти не только из материнской утробы, но затем и из родовой и домашней. Начинается духовное развитие и образование ребенка. Оно также происходит с помощью покровительствующих божеств.

помогает испустить первые звуки. учит различать в потоке речи слова. С помощью этого незримого «домашнего учителя» ребенок вслушивается в речь взрослых и опять же пременяется, пресуществляется, адаптируется. С помощью он овладевает сознательным потоком речи. Речь взрослых запечатляется в нем и находит осмысленное выражение. Но чтобы подражать речи взрослых, необходимо включение воли, ума, совести. Им помогают — духи здравого смысла, ума и нравственного начала: (бог сметливости), (бог мудрых решений), (богиня мудрых советов). В формировании воли участвует троица духов , и .

Но вот ребенок начинает «пресуществ-ляться» во внешний мир. Удивление не сходит с его лица. Детская впечатлительность уникальна. Душа пришла из Царствия в мир. Ей приходится адаптироваться к земной материальной среде. Она как бы недоумевает, изнемогает духовно и падает. Освоиться в этих условиях помогают , (первое проявление воли), троица богинь , , . С помощью трех незримых наставниц дитя начинает добиваться своего, приводить в исполнение задуманные решения. Без помощи ему не удастся избавиться от родовых страхов и полноценно вписаться в мир. помогает настойчиво добиваться своей цели. и — завершать начатое.

Наконец, подросток входит в порядок родовой, затем эротической и даже духовной любви. И здесь его ожидают многие духи. , , (божества вождения) и даже — богиня

наслаждения и блаженства.

Духи-путеводители различаются между собой на добрых и злых. — старая шлюха, мать чувственных и мерзких наслаждений. — богиня смущения и наваждений. Она наводит страхи и ночные кошмары.

Ребенок созревает для образования. Здесь к нему приступают другие духи. учит его считать. — петь. — вникать в мировую культуру. Ювентус и Фортуна Барбата («бородатая Фортуна») соответствуют периоду пубертации.

Затем юноша и девушка вступают в брак. Им покровительствуют новые существа. занята приданым. приводит новобрачных к супружескому дому. И так нескончаемо.

К

Одного нет в римской религии: превосходящей любви, Святого Духа, свободы и истины. Населив мир этими незримыми космическими даймонами доброго и злого происхождения, заимствованными из древних эзотерических источников, римляне не принуждали себя ни к какому духовному пути. Если возникала проблема, ее разрешали с помощью Индигитаменты — пыльного жреческого талмуда, содержавшего универсальные рецепты на все случаи жизни.

Вне жреца слева и жреца справа, этих двух ангелов-хранителей римского верующего, невозможно было сотворить ни одного священнодействия. Жрец слева читал молитву. В функции жреца справа входило следить, в страхе ли Божиим воспринимает молитву душа, дословно ли повторяет ее.

Иначе, имперская римская религия сводилась к посредничеству между сонмом богов и простыми смертными. Достаточно было выбрать правильного бога, а затем достойным образом прочесть молитву или преподнести и воскурить жертву, чтобы проблема была разрешена.

Духовный путь исключался. Никакой святости, никакой лестницы совершенства.

Византии досталась религия Рима в самом что ни на есть юридически-жреческом варианте. Сводилась она исключительно к обрядовой стороне. Каждый ритуал был обставлен множеством мелочных подробностей, из которых боже упаси упустить хоть какую-нибудь. Боги и богини в римском пантеоне любят твердое исполнение, и в общение с этим магическим миром можно вступить только дотошно и скрупулезно соблюдая каждую букву.

Специальный жрец римской иерархии приставлен наблюдать, как происходят жертвоприношения, не нарушаются ли при этом правила, точно ли выполняются жесты, прикладываются амулеты. Ритуал настолько заумен и недоступен, что само исполнение его требует едва ли не полувековой стажировки. И только жрец с сияющей лысой макушкой может похвастаться тем, что освоил принцип призывания богов.

Болезни, материальные и прочие проблемы, ссоры и иные неразрешимые вопросы относились к юрисдикции жреца. Тот прежде всего находил посредника, который мог разрешить данную проблему. Книги тайн и свитки посвященных помогали мудрым жрецам высших иерархий найти доброго ангела, после чего совершался ритуал жертвоприношения.

Римская религия не любила слишком любопытных. Духовное образование считалось едва ли не крамолой. Живая молитва отрицалась. Каждый шаг в храме сопровождался ритуальной мимикой и магией. Например, при призывании небесного храма в руках держали маленькую дверь. При произнесении слова «земное» касались земли, а при упоминании имени Юпитера смотрели на небо или били себя в грудь (римская «*Mea culpa! Mea culpa!*»¹⁴ перешла позже в католическую мессу).

Живая святость невозможна. Благодетельным с точки зрения жреца является не боголюбец-праведник. Благодетельство заключается в страхе перед жрецом, в исполнении

обряда и молитвы богам по законам данной страны. Необходимо «являться в храм в соответствующем одеянии» и в нужный момент (когда поет хор или жрец совершает магическое движение руками) «принимать предписанные законом позы».

Опытного прихожанина от профана отличали по тому, как он знал ритуальную «кухню»: когда класть поклоны, когда касаться рукой земли или деревянного парапета, когда пристраиваться к процессии жрецов, а когда смиренно стоять на коленях и призывать богов с распростертыми руками. При этом упаси боже думать или задавать вопросы. Боги любят смиренных и доверчивых. Излишнее любопытство могло быть покарано или названо крамолрой не только духовными, но и светскими властями.

По примеру римской инквизиции, жрецы могли передать дело в светскую инстанцию. И сенат мог всерьез рассматривать вопрос об отлучении от храма, лишении гражданства и предании уголовному суду.

Ничто не должно волновать душу помимо того, что предписано религиозным законом. Ничто не должно отвлекать римлян от действительности, могущества и имперского духа, выраженного в симфонизме и книгах наподобие Индигитаменты. Жреческая магия — основа благосостояния государства. Следующий ей — достойный римский гражданин. Подозревающий, сомневающийся — крамольник.

Какое-либо возбуждение, экстаз, чрезмерное почитание исключается. Необходима золотая середина. Никаких экстазов, никаких «Боже, я люблю Тебя!», никаких житий святых. Молитва должна быть как можно более холодной и исключает живое прошение — душу молитвы. На живую молитву и харизматическое вероисповедание жрецы смотрели как на оскорбление богов и ущемление их достоинства. Между богами и профанами стоят они, жрецы. Им известны ключи к власти над духами. Попытка в живой молитве горячо позвать Всевышнего или обратиться к духам-покровителям воспринималась как ущемление жреческой иерархии, как вызов духовным и светским властям и наказывалось как преступление, вплоть до смертной казни.

Смысл молитвы — достичь мира и гармонии, для чего она должна быть формальной, схоластической и холодной. Думают за человека духи. Личные усилия с точки зрения римского менталитета ничего не значат. Важно войти в согласие с богами, начать «консонировать» с ними, вибрировать на одной струне, прийти в божественное единомыслие и сочетание. Но сделать это можно не с помощью вакхических экстазов и живых молитв, а с помощью храмовых таинств.

Жрец берет в руку бумажку с написанным на ней на древней латыни гимном и произносит его, сам не понимая ни слова. Формально, также не понимая ни звука, слово за словом повторяет и паства.

Отношения между божествами и смертными носят такой же формально-юридический характер. Борьба с грехом бесполезна. В этом видят элемент гордости и свободолюбия. Человек лучше виден извне, со стороны. Боги знают его лучше, чем он известен самому себе. Потому желательно, чтобы было в нем как можно меньше личных проявлений и амбиций.

Желание познать Бога или постичь истину рассматривается как восстание на богов, «прометеево начало», и жестоко карается. В случае греха человек должен купить покровительство богов молитвами или жертвами.

Боги любят тех, кто поклоняется им (отсюда поклонение Христу). А приносимые жертвы и материальные вложения служат выкупом (отсюда римское юридическое искупление за совершенный грех).

Прощение также привязывают к ритуалу. Боги не прощают непосредственно.

К

Жреческий иерецентризм привел к вырождению римской религии. Но был дотошно, с

какой-то патологической стрункой воспринят христианами. Разорив римлян, они поступили с ними как фарисеи со святыми: заимствовали трофеи, скрыв, что сами — воры и разбойники.

Благочестие римлян было сродни иерусалимскому фарисейству. Христиане, увы, заимствовали от обеих «столиц» выродившейся веры, образовав неслыханную несуряницу. Включили Рим и Иерусалим в свой литургический культ и навязали его Христу, оковав тем самым боголюбивое Евангелие Христа и Павла тысячами мелочных предписаний и обрядов. «О, мать моя! — призывал очередной чувствительной сентенцией по повелению жреца римлянин. — Помоги моему убожеству». Римские еврей-христиане помножили подобного рода молитвы на «господипомильный» ритм кафизмы. И вышла православная литургия и католическая месса.

По сути, весь православный культ и ритуал, в том числе праздники, воспринят от прежнего римского храма. Любовь к обрядовости, холодная мертвая молитва, исключительный иереецентризм, классический идиотизм прихожанина, которому не велено ни вникать, ни думать, ни рассуждать, но только благоговеть перед богами-жрецами... Все перечисленное и еще десятки черт из римской религии почти полностью перешли в православное богослужение, приняв иной вид и формы уже на христианской основе.

«Рим» тем самым — имперская модель, работающая на мощь сильного государства и не заинтересованная в подлинном религиозном проявлении. Ритуальная жреческая магия, религия Люцифера, ведение запретных тайн, «сатанинских» глубин, ни малейшего отношения не имеющих к божественному миру, полному Премудрости и тайн вышней любви и помазаний в страстное, бескорыстное служение человеку.

Жречество обращает истинный престол присутствия Божества и сияние ангельских ликов в люциферианскую атмосферу склепа, злобы, страха, рабства, плебейства и нескончаемых гипнотических заморочек, коими ряженные лицемеры и убийцы окутывают с помощью кадил и ритуальных телодвижений, скрывая истинные свои цели.

Подобную религию и восприняли от первого Рима (имперского) «Второй Рим» — православный Константинополь, а за ним и «Третий Рим» — Москва. Вместе со жреческой магией и жандармской нагайкой был он истреблен на Второй Соловецкой Голгофе, откуда и родилась Огненная Иерархия святых.

Воочию Христос

14.09.05 Кемер

Я познал Господа вышней любви и больше ничего не хочу проповедовать.

Сегодня нет другой темы.

Протестантское God TV, католическое IVTN, римский менталитет и византийская виселица с подвешенным за ребро старообрядцем кажутся средневековым изуверством и каким-то древним атавизмом. Днем и ночью они говорят о Христе, бия себя в грудь. Исповедуют себя верующими. Хореографически шаманят, как манхэттенские негры на собраниях в концертных залах...

Но это Христос, видимый сквозь черную повязку на лице.

«Повязка не снята поныне», сетует Павел. И я скажу: Христа видят с тою же повязкой на глазах, с какой раввины видели Яхаве. Но явился Первопомазанник из Царства Превосходящей Любви и снял повязки с очей Своих учеников. И увидели Его, какой Он есть. Но ничего не могли увидеть, и тогда Он сказал: «Еще увидите Меня воочию».

Это безумие, и это причина того, почему Христос воочию не приходит человечеству. Когда Он явился во плоти, не было ни одного кто бы увидел Его воочию! Как это понять,

когда физически Его видели ученики, притом несколько лет подряд? И тысячами исцеленные Им? И при въезде в Иерусалим на ослике десятки тысяч устилали путь Ему свежескошенной травой?

Но видеть Его можно только очами Премудрости, духовным зрением. Это и означает видеть воочию, каков Он есть.

Но воспринять Превосходящую Любовь адамическое естество не может. В глубоком сне проводит время между кармой, тантрой, эросом, сторге (родственническая любовь). Фатальные программы, острые ощущения, экстрим, спорт, пьянка, нарко, токси, алко... Каждый по-своему сходит с ума. Религия предлагает догматического, харизматического или «со Святым Духом» Христа в стиле модернистов-харизматов... Одного только не вижу я: воочию Христа.

Его показала мне Царица на Соловьиной горе.

Его увидел я на какую-то долю секунды в 97-м году в Михайловском во время работы над книгой «Врата любви».

Какое же это великое осенение вышней любовью! Оно захватывает все существо человека, оно открывает тайники и кладези в нем.

Человек единственно нуждается в духовном солнце. Оно осветит его воистину добытийный сомнамбулистический снотворный мрак. Оно оживит его и воскресит из мертвых. Нет иного «воскресни, Господи!» и «воскресения мертвых», виденного пророком в Иерихонской долине, — нет иного воскресения помимо источения этого солнца пренебесной любви.

Спаситель показал мне, как во время Голгофы при затмении внешнего солнца вышло солнце духовное из Его сердца. Оно сияет поныне истинным Его ученикам, и те будут тшиться видеть Его воочию.

Как это возможно? В условиях девства — всецелого посвящения Ему, невестовства, богосупружества, вступления в Брачную вечерю.

К

Христианство развивается. Оно (истинное) уже на тысячу лет опередило старые конфессиональные институты: православие, католичество, протестантизм. Современные формы (харизматизм) ушли не далеко.

Мария (дочь моя покойница, взятая в Таинственную Церковь) отсутствовала полгода с тех пор как говорила мне в Гефсимании. И вот ожил престол наших блаженных, и Мария заговорила вновь. О чем возвещают ее уста из удела Божьей Матери?

«Человечество нуждается единственно в любви. Еще и еще, отче, изливайте небесную любовь, неустанно.

Не тратьте времени зря. Используйте сердце свое по назначению. Оно помазано соловецкими маслами, оно помазано благословением Самой Пречистой Девой на Соловьиной горе. Дьявол ищет его закрыть, запечатать, втеснить в него яд, проклятие и отраву. Змея — укусить. Злодеи — запечатать. Бешеные псы — закусать насмерть... Но помазание в крест дает возможность держать сердечные врата открытыми. И тогда с внутренней Голгофы, своей маленькой соловецко-соловьиной Голгофы личного крестного пути, и открывается миропомазанная любовь Христа для дев».

Почему дев? Конечно, возможна она харизматически, как озарение — не только для благочестиво-семейных и праведно-монашествующих, но даже и для грешных, поскольку Спаситель пришел, по евангельским Его словам, для спасения их, а не праведных (в спасении не нуждающихся)... Но это будет все то же видение через тусклое стекло, через наведенные линзы, через посредников, во сне. А речь идет о том, чтобы воочию!

Он хочет, чтобы Его увидели какой Он есть.

Это таинственно, поверьте! Сколько о Нем уже создано фильмов, сколько изображений от рублевского Спаса до католической «сладкой водички» с распростертыми объятьями и исходящими из сердца лучами... Но это лубок, подделка. Воочию Его можно увидеть только однажды — через озарение Святого Духа.

Стяжать Святого Духа и означает увидеть Христа каков Он есть. И застыть в этом блаженнейшем и пренебесном оцепенении вышней любви. Навсегда стать ее апостолом, не дать потерять ее из виду.

Просто ли это? Далеко не просто! Придется спуститься в подземный аид и как Гераклу укротить без оружия Цербера. Вывести его из преисподней и показать своему жалкому земному царьку Эврисфею, что выполнил послушание, и позволить Церберу вернуться в ад.

Вся преисподняя восстанет!

Сокровенный сосуд — сердце. Оно светильник. Держать его всегда открытым, как бы ни было тяжело, какие бы ни наваливались искушения, скорби. Как бы дьявол ни долбил ум проклятыми помыслами, как бы ни цементировал кровь и ни запечатывал уста — не находи другой темы.

Только эту. Человек достоин одного: быть осиянным лучами вышней любви. Облекать ближнего (любого, кем бы он ни был, без субъективного пристрастия или личной оценки) в свет вышней любви и составляет духовное апостольство Богоцивилизации III третьего тысячелетия.

К

Оглядывая прошлое вижу, каким сложным путем прошел я. Православный иску, иночество, монашеский постриг, ревность о святости, молитва о прощении грехов, ночное трезвение. Святая Евфросиния и ее чудесные источники (где ни появлялась, из-под земли начинал бить чудотворный. Святая вода! Не потому, что где-то в XV веке какой-то святой однажды пролил здесь слезу и являлся ангел, а от ее присутствия. Мать белых омывающих купелей в умиленных слезах).

Обращение в католичество. Печати Терезы имени Младенца Иисуса, францисканец Иосиф-Мария Шуберт, Екатерина Доэрти.

Сколько великих наставников послал мне Господь! Постоянно в ученичестве. А апостольство Вышней Любви пошло от помазания на Соловьинной горе. Царица призвала меня уже в четвертой жизни на гору Своего Успения и восхитила в Брачный чертог.

Таким путем прошел я.

Девство далось с трудом. «Совок победил непорочным зачатием» («В белых замках Грааля», рыцарская поэзия). Изображал из себя сумасшедшего — ревностный православный истинного духа. Стяжание Параклита. Первые литургии в юродивых ДК.

Двадцатипятилетнее юродство...

Но это мой путь. Дети мои уже пойдут иначе. Общее — преодоление родовых программ, зодиакальных тяготений и рождение свыше. Прочее — камуфляж, стирается со временем.

Несомненно: солнце вышней любви от Христа уже не первой, а второй Голгофы... Видел я, как во время затмения небесного солнца вышло из сердца Спасителя и разлилось, расплавилось в огонь новой вселенной. Из него родилась Богоцивилизация и вышел совершенный град Божий с множеством святых.

Увидел я и другое: как солнце вышней любви расплавилось в огненный Грааль Второй Соловецкой, и Голгофа умножилась на сто тысяч собора превосхищенных. От суммарной силы их вышней любви родится Богоцивилизация.

К

Отче Небесный, помажи сердце мое маленькой внутренней столицей Богоцивилизации III, чтобы из него источался нескончаемый светильник (евангельское: «если око твоё светло, то и тело чисто»)!

Как легко становится жить, когда понимаешь, охватывая происходящее очами Премудрости: эти кривляющиеся в «диско» вечные партнеры, нарциссы, гиацинты и кипарисы... Эти колющиеся нарко— и бедный зэк, опущенный в далекой саратовской тюрьме... И этот забитый насмерть симулянт из психбольницы... И одинокая старушка в хосписе, — Господи, Господи! — и пятнадцатилетняя изуродованная проститутка, и этот разочаровавшийся юноша с суицидальным неврозом... Все происходящее в мире обращено к излиянию Вышней Любви.

Дьявол, Тибет, ад, змей, фарисей? Ничего этого нет. Есть только одно солнце Вышней Любви, вышедшее из сердца Христа, и аллилуйя!

Вот какую проповедь хочет услышать сегодня человечество.

Мир пройдет через свои пропасти, через свои атомные пыльно-цементные пустыни, бетонные саркофаги и чернобыльские адовы пустоты. И однажды после одновременного вздоха миллионов: «О! мой Возлюбленный, о!», после стотысячного стога «Боже, где Ты? Откройся и приди, воскресни!» — взойдет солнце Богоцивилизации.

С горизонта морской державы взойдет оно в сопровождении тысяч ангельских огненных колесниц с серафимами и херувимами.

Пройдут «Три дня мрака» (последние очистительные бедствия), перевернется свод земной. Будет истреблено змеево отродье и все проклятое, поражен молнией гнева Божия Тибет как столица дьяволоцивилизации, закрыты люциферовы врата. Великое множество душ с непорочной меткой на челе сойдет в мир. Беременная Таинственная Церковь разродится тысячами святых.

И тогда человечество придет к подножию Соловьинной горы и услышит голос Матери Преображенной: «Царство Христово настало. Идите и пейте вино вышней любви нескончаемо». И напоит Царица Небесная нас из чаши Грааля Богоцивилизации. И хватит ее для тысяч жаждущих сирот. И испивший однажды уже будет нескончаемо питаться и забудет обо всем прочем питании, в бессмертных телах, евхаристических купелях, небесных градах на земле.

О, какая радость предстоит! Какая радость предстоит, о Боже!

К

Препятствия, мешающие стать апостолом блаженств Христовых, каковы они? Страсти, родовые программы, похоть, страхи. Личное нечто, непрощенное, саможалостливость, личная привязанность.

Помоги, Владыка мой, с помощью духовного старца и мастерства водительства взойти по ступеням лестницы блаженств на престол Царицы нашей Теогамии и обвенчай душу Всевышнему. О помощи!

К

...Я вижу их, корчащихся в танце диско-клуба юнцов, сладчайшими, в белых одеждах Богоцивилизации. Они еще не родились. Они не познали Христа каков Он есть. Он еще откроется.

Верь: эта вышняя любовь непобедима. Никто не может устоять против нее, слышите? — никто из адамова рода. Серафиты ею полны, а адамиты к ней стремятся. И только «змеи и отродье змеево» (то есть прооклятые, запретным образом пришедшие на землю) ненавидят ее и противопоставляют ей тысячи проектов дьяволоцивилизации. Но один за другим будут они сметены. И все ржавые металлокаркасы Люцифера брошены в огонь.

К

Сладчайшая блаженнейшая душа! Я еще не встретил тебя. Но ты мой последний конечный адресат, «провиденциальный собеседник» (Мандельштам). В сторону твоего сердца направлю я лучи Вышней Любви из миропомазанного светильника и понесу тебе сладчайшие масла от Серафима Умиленного и от Второй Соловецкой.

Откуда возьмутся они? Бог весть... Падут откуда-то с неба на канцелярском столе, в какой-то домашней пыльной дыре, на свечном ящичке. Бог весть. Но Всевышний пошлет.

И облеку тебя в девственные ризы, и покажу красоту возженного сердца. И познаешь один из законов Универсума: не могут гореть два светильника одновременно. Один из них пожрет другого.

Не может похоть соседствовать с открытым сердцем, а сердце полное вышней любви похотствовать по земному. Потщись поэтому угасить жупел. Для подвижников прошлого это означало «умереть миру». Для современных (сил у них вообще нет) важно другое. Смерть миру для них — угашение жупела.

Возможно оно только с помощью Пречистой Девы, для чего призывай Ее днем и ночью, приноси обеты и пройди путь отца Иоанна и всех верных его Церкви. Они несомненно (по словам дочери моей Марии, взятой в Таинственную Церковь) будут взяты в удел Божией Матери — стоять вечно под золотым венцом в созерцании лика Христова.

Я бы написал еще десять тысяч руководств и перечислил ступени нескончаемых духовных лестниц. Но их попросту нет или они уже мною открыты.

Перечисленного достаточно. Достаточно исповедовать себя учеником отца Иоанна и наследовать его печати. Масла останутся и после меня, и ими помажутся тысячи.

Я пришел в этот мир, чтобы сказать: нет ничего кроме Вышней Любви, и ничто не может ей препятствовать. Отрубите мне руки, ноги, а потом голову, скомкайте меня как клочок бумаги и бросьте в грязную воду, в горящую урну — ничего от этого не изменится. Вышняя Любовь сохранится, и купина ее никуда не уйдет.

Очнется душа и увидит опять перед собой сияние Божества. И с возженным светильником выйдет навстречу своему Возлюбленному.

К

Для меня человек — таинственное существо.

Например о.Паисий. Серафит, ангел. Ничего о нем сказать не могу. Пришелец с неба. Чистейшее око. В упор не замечает ни одного греха во мне, что делает меня святым как бы невольно. Не хочет видеть, запрещает. Притом сохраняет трезвость, ответственность.

Какая чистейшая душа! За двадцать лет общения ни одного помысла. Бескорыстное круглосуточное агньче служение. Радует его только живое слово Божие. Любит восходить со мной на Соловьиную гору и помазаться.

Одновременно (смотрю в его таинственные глаза) — Христос. Франциск, Евфросиния (цвет глаз совпадает с ее: серо-зеленые, прозрачные, светлейшие), Иннокентий (судя по

единственной его фотографии).

Двадцать лет мы душа в душу и копейка в копейку. Неразлучны. Ни одной претензии, ни одного счета друг другу. И... что я могу сказать о нем? Ничего.

Паисий остается для меня загадочным. Я его узнаю в вечности, когда увижу воочию.

О Боже, неужели нельзя в настоящем увидеть ближайшего ближнего воочию? Ужели не прекращаем этот сон, даже для девственников трезвенных?

Да. Так повелел Всевышний. Неудивительно: Он — Таинственное Божество, сохраняющее нечто потенциальное в Своей несказанной сверхпроявленности, большее чем может воспринять смертный реципиентный сосуд.

Таким же запечатанным божеством остается для меня и о.Паисий. Это запечатанное, это нечто большее его самого и большее меня и перейдет в вечность и раскроется, как небесный цветок поутру.

Видя и других моих сладчайших миропомазанных ближних. Матушка Таисия, молодой священник Илья сладчайший мой, отченька Илья старший... Что можно сказать о них? Люблю их безмерно. Но эта безмерность еще больше расширится в вечности, когда я их увижу и познаю каковы они есть.

Познание Бога и ближнего одновременно — сколь высоко! Кто-то ищет познать ближнего в беседе, кто-то в браке, кто-то в искушении, в драке, в сражении, в страхе, в братстве... А человек остается запечатанной тайной.

Вот откуда «не судите, чтобы не быть судимыми». Не может человек охватить ближнего в божественном потенциале. И желательно воздерживаться от конечного суда. Проявить нескончаемое множество любви. Изъявить море любви в ответ на искушения, на «посади за стол, он и ноги на стол» и прочее парнокопытное свинство, ожидающее распинаемого вестника любви. Но распятие для него — привычное блаженство. Свеча страстного от страдания разгорается еще больше. Клевета, проклятия не смущают его.

Но Дух Святой не лишает его и трезвения, и запечатывает врата Вышней Любви для змей. Они пришли не затем, чтобы познать Бога или ближнего. Они пришли искушать и звать в адскую пропасть. Им нет места на земле. Подите прочь! — говорит избранный таким, в какие бы ласковые и неожиданные лицемерные формы ни рядились они, будь то архиепископы, тибетские ламы, лидеры гей-групп, неонацисты или ньюэйджерские хаббардистки-сайентоло-гини.

Господи, прими в сердце Твое и в Твое лоно весь страждущий адамов род. Развенчай змей, сбрось их в пропасть, какой бы вид они ни приняли. Запрети им искушать Твое творение. Да примет оно печати Вышнего и Его истинных учеников, сошедших с неба. Распечатай для них пренебесные Твои кладовые, дай помазанникам жезл облекать в одежды солнечного девства миллионы. Не попусти искушения сверх возможного.

Час обращения пришел, ковчег открыт. Благослови войти в него.

— Смелей, смелей! Просыпайтесь и входите!

«В полночь раздался крик: Жених грядет! Вставайте, поправьте светильники свои и выходите навстречу вождьленному Возлюбленному».

О, какой хоровод! Какая закружилась литургия! Во Святах Дарах — признание небесной любви.

О мой Возлюбленный! О, выше нет ничего, чем вкушать любовный напиток, преподносимый из Твоих рук, и пережить всем сердцем Грааль последней капли Твоей Крови. Ее одной достаточно, чтобы высушить океан, весь мир обратить в пожарище Твоей любви.

К

Навстречу идет пара. Девушка в коротких штанишках и белой майке с надписью

смеется. Молодой человек сосредоточен и думает о чем-то своем. Куда они идут, проходя мимо помойки в сторону дип-диско с адской фосфоресценцией под названием «Inferno»? В ад следуют, что ли?

Нет. Эти холодные тени однажды испросят свечей Серафимовых и скажут: «Погибаем! Нам холодно, замерзаем в ледяных мировых пещерах. Дип-диско ничего не может нам сказать. И идеал старой семьи с родовыми детишками уже не устраивает и нас на последние времена».

Возжгите свечу страстного в сердце. И сойдет с неба Серафим, и с ним матушка Евфросинья и наши блаженнейшие. И возжгут свечи в их сердцах. И тогда они возрадуются, одежды их станут белыми. Девушка из спортивной купальщицы и отдыхальщицы превратится в деву с неснимаемыми белыми одеждами. И юноша преобразится в ангела — негасимая свеча в руках и с ней не расстанется днем и ночью.

К

Каюсь, Господи: сердце закрывается, не хватает любви. Не могу служить, отнимается молитва...

Пустое! Разве можно отнять любовь? Разве можно угасить негасимую свечу? Гаснет? Плохо. Слаб огонь, едва тлеет фитилек.

О еще и еще возжги! Прибавь составы целомудрия. Помоги счастливо миновать Геркулесовы столпы, Сциллу и Харибду, Химеру, Цербера и Лернейскую гидру. Помоги схватить и задушить своего Немейского льва, бросить камень в голову четырехметровому рефаиму Голиафу.

Отче мой, Тебя открыл мне Дух Святой. Я познал Тебя в образах Христа. В нескончаемых Его царствах, в белых Его палатах, в преблагоуханных Его брачных покоях. В голосе Его и в образах Его. Познал Тебя, восходя на чашу Твою — Десятигорье, Соловьиную гору.

Сколько тротуаров уже выходил я на улицах Рима, Кемера, Нью-Йорка, в блеклых неоновых отсветах мокрых ночных мостовых! Сколько мыслей оставил по себе! Скольких ближних! Сколько капель крови никем не видимого страстного!...

Господи, да произрастут плоды от этих посеянных семян и дадут многие всходы.

Дневники

05.08.05 Измир

Я всегда был, есть и буду вдохновение Святого Духа. Сколько бы ни отравляли, ни гнали, сколько бы на меня ни клеветали, как бы ни обзывали — не отнимешь искорку дара Божия. Ничего с ним не сделаешь. Отверз уста и Святой Дух славит Вышнего.

Вдохновением Святого Духа привлекли меня две осиянные старицы Мария Орловская и Евфросиния Почаевская. И ученики мои, вдохновленные от Святого Духа, о чем бы ни говорили: о Граале, богочивилизации — Святого Духа у них не отнимешь. Действует Он безупречно. Никто не знает откуда исходит и куда идет. Но голос Его различают ученики и овцы.

Благословенно пастырство Святого Духа, поскольку оно сверх краев наполняет благодатью Божества. Сколько бы ни провидел, ни предначертал я Богоочивилизацию, сколько бы столпов ни насаждал, как бы к Огненной свадьбе Соловецкую чашу ни возносил

— был и останусь...

Определить Богоцивилизацию можно односложно: преизобильное, нескончаемое излияние благодати Святого Духа, какого прежде никто не мог принять.

Чем Иннокентий, описанный мной, славен? Океанический поток Святого Духа. И ученики мои состоялись: уста отверзнут и Дух Святой глаголет ими. Афанасий, Феодосий, Тимофей, Николай, Дмитрий, Глеб, Александр (Киевский), Иосиф. И блаженные дочери-миропомазанницы, «христовы львицы».

А враги мои — дураки. «Стоят на стреме», бросают камни. И что ж? Какая разница, помилуйте: православный я или не православный, совершилось пророчество или отложилось? Что инквизировать и испытывать Всевышнего? Духа Святого не стяжали. А без Него пшик, пустота.

Стяжать же Духа — тайна великая. Нужна ревность огненная, девство непорочное, жертвенность великая, готовность оставить самое дорогое и пойти за Господом. Но и перечисленного мало, иначе были бы тысячи духостяжателей, а их и поныне единицы. Необходимо преемство благодати, недоступное «родословным» и метрикам Лувора.

Для несчастного моего оппонента, этой змеюги в дерьме вымазанной, лысого черта с Лысой горы, одно характерно: никогда не понимал действия Святого Духа. Не стремился стяжать Его. Непонятно было для его сосудов, для его проклятых составов. Его привлекала четырехгласая музыка с валаамскими распевами, святые отцы, книги, священство при родовой гордынке с воскрелениями, превосходствами, фарисейством и колдоватым наворотом. Дух Святой был для него как бы «между прочим»: сумасшествие, из-ряда-вон. Не оценил Его и ничего не получил.

Один — как из рога изобилия. А другой — пустышка, гниловатый пенёк.

И сколько б я ни менялся от грехоцентризма к светоцентризму, от параклитских литургий к белым замкам Грааля, в какие бы высоты ни прорывался, какие бы сферы ни штурмовал — был и остаюсь носителем Святого Духа. Горит возженная свеча, глаголет слово Божие, а как и какую форму примет — Бог ее благословит. И сколько б ни гнобило врагов моих «Луворишку», «Румяшечку» и прочих маленьких яичек, гнездящихся и тихо посмердывающих, сколько бы камней они в руках ни таскали — нет на них Святого Духа. И ничего не попишешь. Не вышло с ними «домостроительства». Не осенила их благодать Всевышнего. Потому ничего не оценили и легко оставили путь духостяжательства.

Хоть по 20 лет подвизались и стояли рядом, так ничего и не поняли. Смысл хождения с о.Иоанном был не в том чтобы слушать Слово, подражать его литургиям, а стяжание Святого Духа. Его же никакими оригинальными песнопениями и сладкозвучными литургиями не стяжаешь. Другие, таинственные пути предначертуют Его обретение. Им и должно было следовать, оставив фарисейство, эту пагубу всех пагуб, где Святого Духа не найти никогда и нигде. Сколько бы руин ни перебрал, в скольких бы пыльных помойках на месте бывлых святынь ни перерылся — нет в них жемчужины. Нет ее... А любую мою книгу возьми — россыпи Святого Духа. Слово Божией Матери, жития святых, проповедь, страничка дневника... Огненная мысль, искорка возженная.

Хоть горшки за мной выноси — благодать Святого Духа действует и любящий ученик получит. А к фарисею сколько ни приставай, сколько бы он тебя ни помазывал, сколько ни сулил бы тебе, сколько бы литургий ты не отстоял с ним — все пустое. Мертвые врата.

К

Фарисеи — дураки. Травят Святого Духа, а Он в гонениях еще сильнее. Помогают Ему своими носорожьими рогами и начиненными ядом лернейской гидры стрелами проявиться еще восторженнее, восхищеннее, нескончаемее, пленительнее.

Был, есть и останусь вдохновением Святого Духа. Таким меня запомнят. И при

упоминании имени моего Духом Святым исполнятся.

Других знамений не потребуется об истинности происхождения и печатях.

Таинственное Божество

Греки в афинском Ареопаге согласны выслушать Павла, и апостол Христа напоминает им о жертвеннике Неведомого Бога. Греки согласны принять веру во Христа, если она соответствует их пониманию Таинственного Божества.

Всевышний для великих древних цивилизаций — Некто больше Самого Себя. Объективная проявленность во времени и совершенная безусловность. Таинственное Божество, посылающее Своих вестников, объективируемое, персонализируемое (олицетворяемое) — и тем не менее не умаляющееся в Своей таинственной ноуменальности.

Удержаться в порядке поклонения Таинственному Божеству и означает, согласно религии атлантов, верить в истинного Бога. Язычество, кумирня — забыв про умонепостижимый и превышенебесный престол Таинственного Божества, придавать Ему антропоморфные, человеческие черты. Христос, собственно, призывал к тому же современных Ему «яхвистов» и «элогистов»: против примитивных фантомов видеть в Яхаве таинственное Существо, назвавшее Себя Эль Элионом, ревностным Возлюбленным.

Так же в категориях Таинственного Божества учит сладчайший Христос и о Духе Святом. Неведомо откуда приходит и куда идет. Но ученики знают Его глас и овцы смиренно следуют за Ним, различая среди тысяч голосов голос своего Пастыря.

К

Важно, прокляв каноны фарисеев, выйти к высотам Универсума. И тогда премудрый Универсум подарит 12х12 — 144 царских врат. Покажет, где и как Он служит, как проявляется. Всех своих рабов, слуг, проводников и вестников посадит Он за один стол и подаст им радость радостей. И возникнет чертог истинной веры на земле.

К

Ад выше рая. Смерть выше бессмертия. Болезнь выше здоровья — учат в элевсинских пещерах помазанники. Каждый возженный факел вставляют в сердце, чтобы никогда не гас он.

К

Как тяжело было Прозерпине спускаться в мрачный мир усопших после светлого Олимпа! Сосуды ее словно цементировало. Кровь становилась ртутной. Сердце останавливалось. Отнималась молитва, божественные ритмы, радость. Прозерпина погружалась в длительное круглосуточное страстное. Вместе со своей матерью Деметрой роняла слезы уже другого порядка, беря на себя вместе с мужем Плутонем грехи усопших.

Она кричала: «Боже, Ты оставил меня! Какая пустыня одиночества! Где молитва о подругах и друзьях? Где мои прекрасные спутники и спутницы? Что произошло с моим сердцем? Оно заперто. Где мои светильничьи глаза? Они ослепли. Вместо них у меня две

зияющих дыры. Где мой божественный разум и девственное сердце? Ничего этого нет. Боже мой, я оскудела. Я кончена. В аду я хуже последнего из грешников. Какой грех я совершила? Где?» Так терзала себя подобно Менаде Прозерпина.

— Какой грех я совершила? Почему мое сердце закрылось? На светлейшем Олимпе оно сияло как солнечный диск, а здесь как уголь прогорклый и отсыревший.

Плутон утешал ее как мог премудростью страстного, соискупительными страстями, взятием на себя.

— Прекрасная дочь Олимпа, среди несчастных теней ты еще прекрасней. Я полюбил тебя, услышав твой голос среди морских океанид и дев-нереид, о муза муз и нимфа нимф. Но, дочь моя, пребожественная госпожа и вечная супруга, здесь среди царства мрачных теней твоя красота раскрывается еще прекрасней. Тебя ожидает молитва, которой даже олимпийские боги не знают.

— Что говоришь ты, о мой супруг? — отвечала ему молодая Прозерпина. — Может ли быть что-либо прекраснее божественной молитвы олимпийских светочей?

— Да, дорогая. Потерпи только, — утешал Прозерпину Гадес (Плутон).

По прошествии двух недель Прозерпина радостно сообщала мужу:

— Плутон, мое сердце открылось! Мне вернулась молитва. Здесь, в аду я испытываю блаженство, какого не знают небожители. Ты был прав. Боже, как я вмещаю страдания узников, какая молитва дается обо всех стонущих и кричащих, мучимых и терзаемых!

— Твоя молитва бесценна. Ею прекращаются их муки. Посмотри: отвратительное чудовище не может больше заглатывать несчастные тела и выпивать их кровь. У Медузы отлетела окровавленная голова. Ядовитая кровь от нее стекает по желобам в бездонную пропасть. Посмотри, Прозерпина: царство усопших заснуло, как если бы его посетил сладкозвучный Орфей. Твоя молитва победила трехглавого Цербера, и змеи выющиеся вокруг его головы притихли. Твое пренебесное страстное доказано.

Прекрасно все под небом Вышнего. Таинственное Божество не оставляет никого. Куда бы ни была определена душа, она прославляет Таинственное Божество. Таинственное Божество назначило тебе удел среди светильников Олимпа. И он прекрасней всех земных уделов. Оно же, Таинственное Божество, сияние Всевышнего, назначило тебе еще более высокий удел — нести божественный свет в подземных адовых и сталактитовых пещерах. Здесь, дочь моя, твое сердце раскроется как нигде.

Я принял от Всевышнего удел владыки преисподней только когда Премудрость открыла мне тайну моей миссии, — говорил Аид. — Сходи и ты вместе с матерью своей Деметрой в подземный мир и помогай усопшим побороть их страсти. Возжигай вначале едва тлеющий фитилек, а затем свечу негаснущую в их сердцах.

В круглосуточном умопомрачении жаловалась и сетовала Прозерпина. И Плутон не выпускал ее прекрасную ручку из своей руки, укрепляя и стирая слезы. «Ум мой просветился как никогда», — говорила Прозерпина впоследствии и шла к своим подопечным полная любви, как Царица Милосердия к своим вечным экам соловецким...

К

Я нырнул в Атлантиду и дерзнул войти ее морскими воротами только чтобы еще больше и тесней познать моего любимого Христа. Заново прочитал белые свитки Древней Греции и Рима, чтобы увидеть Христа в Диоонисе и Богородицу в Афине и Деметре. Чтобы увидеть их умножающиеся лики в греческих обоженных. Неслыханные ипостаси непорочного зачатия в культуре, превосходящей иудейское спасение и прощение.

Христианство будущего превзойдет иудейскую догматику, искусственно навязанную Христу: Спаситель и Искупитель. Впитает в себя наивысшие образцы цивилизаций достигавших ступени обожения.

Читая заново, как впервые свитки Древнего Рима, привожу их как свод Семероевангелия, как превечнописьмо Святого Духа пред очи серафитов, грядущих жителей новой земли и нового неба в 85-ой цивилизации.

К

Основное отличие христианства от высших культур древности (Египет, Афины, Рим) в их акцентации на свет и конечной цели — обожения.

Сотериология (учение о спасении) в христианстве будет признана нелепостью, абсурдом, пережитком ветхозаветного маккавейства и среди грядущих учеников Христа отменена как мнимая доктринальность. Теотические перспективы откроют новое небо и нового Христа как Царя помазанников Святого Духа Бога.

К

Непорочное начало и девство (два начала основания божественной цивилизации) были оставлены церковью. Инквизиторы не поняли чего лишались, отвергая откровения Божией Матери. Речь шла не столько о «посланиях» или о постройке («Постройте здесь церковь в память о Моем явлении или исцелении»), а о насаждении зиждительных престолов. Девство являлось как образец свыше, бросало с неба небесные цветы и зароняло их семена в сердцах.

Отвергалось непорочное зачатие человека вслед за Богом. Отвергался его вечнодевственный потенциал, несомый таинственной Премудростью в Ее священных лонах. Отвержение церковным институтом того и другого под видом «отправления таинств» и привело к вырождению христианства (и вслед за ним цивилизации).

К

Выбор невелик. Тюрьма с кондиционером. Неадекватное состояние трехдневного страстного. Снятая адова квартирка в трех метрах от шоссе. Над ней ресторан люля-кебаб с пивнушкой. Справа врубленный на полную катушку телевизор. Над нами бесноватая старуха-турчанка, не отрывающая глаз от нашей двери.

Тюрьма с кондиционером — или сумасшедший дом с видом на море и детскими визгами (другая не менее «адекватно» снятая квартира). Маленькие турки визжат свирепо как дикие поросята, словно в них переселились духи совковых 60-тых и 70-тых. Слушать невозможно. Три ребенка вместе — сумасшедший дом, за полчаса (пока они резвятся) способный свести с ума всю округу.

Обычный выбор в мире сем: между тюрьмой и сумасшедшим домом.

К

Если бы наш дорогой Господь уехал из проклятой Иудеи в Грецию, как Он был бы понят, как воспринят! Как величайший Диоскур — Сын Божий. Как равный богам и превосходящий их. Как просиял бы греческий Олимп и проявилось Таинственное Божество Всевышнего! Как Он был бы услышан. Как воспринят.

Искали Его эллины — Сына Всевышнего — засвидетельствовать Таинственное

Божество.

К

В своем загробном странствовании душа потрясена, видя сияющие поляны, залитые светом. Неслыханные сферы превосходящей любви, которой и представить невозможно на земле, и существа, полные неземной мудрости, готовые служить еще и еще, прощать, окружать душу (только при условии, что она дает согласие исполнять заповеди и обеты, которые они здесь же ей предлагают).

К

Когда церковь отделяют от духовности, когда Аллах и деньги, Бог и мамона сопутствуют, начинается пустыня с вопящими голосами святых. Запустение водворяется. Когда из церкви вынимают духовность и влагают светское кесарево содержание под видом отправления культов и воспоминаний чьих-то откровений вековой и тысячелетней давности — вырождение, маразм. «Погибельное место».

Дневник

Где я? Боже мой, говенная пещерка на пути в Святой Грааль. Встречалось и не такое еще. Преследуемые драконом в предместье Измира, выбрали мы катакомбную квартирку где-то в полуподвале между рестораном и еще какой-то тьмою, захолустною и басурманскою.

Жару не выношу не меньше фарисейства. Предпочтение этой квартирке мы отдали по одной причине: тюрьма с кондиционером. Но оказалось еще с легкостью благоухание сменяется вонью... Две недели не могу привыкнуть. Духи хозяйки атакуют, не дают покоя. Боже, нигде нет покоя. Только внутри, только в сердце мир.

К

13.08.05 Измир

Вскружила земная слава голову Беллерофонту и счел себя равным богам. Но Премудрость наказала несчастного: Пегас сбросил его на землю. Вдохновение веры сменилось вдохновением поэта. Вдохновение божественной любви, жажда окрыленно взойти и плыть по небесам — желанием прославлять себя, женщин, природу, мир, человека.

Бог наказывает поэтов безумием. И они блуждают в долинах как лунатики, пока их не ожидает мрачный удел в царстве вечных теней.

Почему такой удел начертала Беллерофонту мистика атлантов? Искушения на пути. В свой час покается Беллерофонт. Возродится в нем солнечное божество, великий герой Древней Эллады. И Пегас по благословию Всевышнего вознесет его к солнечному Олимпу. Тогда поэты перестанут быть мандельштамами, ахматовыми, цветаевыми и бродскими, пушкиными и лермонтовыми, т.е. колдоватыми певцами женских ножек и прочих преходящих ценностей.

Древний миф рисует трагедию поэта. Если у него не хватает сил использовать данный ему дар для прославления Всевышнего, его ожидает безумие, одиночество, долина блужданий, в конечном счете мрачный удел.

Не по назначению использовал он дар Всевышнего и погубил самого себя.

К

13.08.05 Измир

У химерического Папы нет ни одного чада. У химерического института святости нет ни одного святого. За химерическими церквями не стоит ни один ангел.

Сплошные химеры института.

К

14.08.05 Измир

Клевета их потому возвращается, что они увидели Грецию (непорочную деву) развратной и навлекли на себя печать разврата. Фантомировали язычество и сами превратились в меч кесаря.

Все стрелы христианам — от века проклинателям всего божественного, высокого, святого, непорочного и премудрого — еще вернутся.

К

14.08.05 Измир

Одно из 12-ти бессмертных тел помазанника — страстное. Господь включает его в «мировых пустынях», приводя в страстное состояние неопикуемых, непонятных из вне скорбей как способ таинственных помазаний.

Благодаря страстному телу изменяется внутренний состав к обожению и умножается число частиц прилепления. Никак иначе они не умножаются.

К

Христианское яйцо с его клеветнически-химерическими чертами. От него осталась скорлупа. Зато сколько золы надо разгрести, чтобы из пепла восстали оклеветанные ими греки-«язычники» и им с лихвой вернулась государственная химерическая клевета на Бога и Его творение (христианство).

К

Знали греки тайну открытого сердца! Перед боем с Горгоной Медузой нимфы вручают Персею чудесную сумку. Она способна расширяться и сжиматься в размерах. Подобно этой сумке наше сердце. Ему придется не только перекачивать кровь и посредничать между 12-ю телами, но и расширяться до бескрайних пределов, чтобы вместить неуместимое. А иногда и сжиматься в состоянии страстной пустыни. Но и в состоянии сжатия огонь свечи пылает. Таков закон.

К

15.08.05 Измир

Мамона кружит голову несчастным и превращает любое предприятие в конечном счете мафиозное при самых благих началах и гуманных мотивах.

Современный мир опутан мафиозными концернами. Религиозная мафия отличается от подлинных святых тем, что не заинтересована в святости. Но напротив, заинтересована чтобы было как можно больше греха и «контора писала». Медицинская мафия отличается от подлинного врачевства и целительства тем, что не заинтересована в здоровье людей: поубавится пациентов. Кулинарная мафия не заинтересована в чистоте продуктов. Лучше чтобы были тучность и болезненность обжор (поставляет пациентов медконцернам).

Сплошной паук — образ переплетающихся мафий от религиозной до кулинарной.

Мафия заинтересована в конечном счете использовать человека (основной принцип мамоны). Немного давая, больше отнимать.

К

16.08.05 Измир

К прощению грехов, согласно грехоцентрической покаянной доктрине, приводят искренние слезы, трезвение и ревность. К обожению ведет другое — любовь какой нет на небесах и на земле. О, высвобождение ее дает смысл жизни и крылья человеку.

К

Историю Дедала и Икара поняли в прямом смысле. «Очередная» трагедия: сын не послушал искусного мастера великого зодчего-изобретателя отца. Слишком близко подлетел к солнцу, расплавились крылья, и он рухнул живым в волны моря.

Дедал — духовный старец. И изобретенные им крылья — в восковито-мощевых телах превосхищенная молитва и таинственные потенциалы.

Прекрасно складывался полет Икара, когда он следовал слову старца и не сбивался с дороги, видя впереди крылья своего отца. И как только решил идти самостоятельно в путь на солнечный Олимп, открыть его лучше чем его отцу, «слишком близко подлетел и рухнул».

Яйцо не больше курицы и ученик своего учителя. Олимпийская премудрость тяжело наказывает сыновей-отцеубийц.

К

Науки и искусства, согласно дельфийской школе Аполлона, должны способствовать обооживанию и познанию силы Вышнего. Увы, мир исказил их изначальное предназначение, приспособил под «свое».

Девять муз Аполлона — девять ключей к стяжанию Первородной Непорочности, духовная школа дельфийского учителя, солнечного божества Аполлона. Иной, эзотерический, таинственный взгляд на мировую историю, искусства и пр.

К

Великая тайна была открыта мне Атлантидой. Первородный грех (акцентированная точка опоры иудео-христианской цивилизации) и связанная с ним покаянно-господипомильная религия прощения и искупления — суть дьявольский перевертыш изначального Древа Жизни, именуемого Первородная Непорочность.

Первородный грех — тень от древа Первородной Непорочности, этого Древа богов, обоженных и истинных посланников с неба. Фиксироваться на древе первородного греха, этом дереве Добра и зла, означает обрастать сводом законов, канонов, ритуальных правил, химерических путей спасения и гипнотических воронок относительно роли религиозных институтов и «свечных» священников.

Истинная религия основывалась не столько на грехопадении, на первородном грехе, сколько на тайне более высокого порядка — Первородной Непорочности.

Евроцивилизация (иудео-мусульмано-христианство) прошла под знаком искупления первородного греха, совершенного прародителями. Ключи к преодолению его указаны в Законе Моисея, в Коране Мухаммеда и в Евангелии Христа. Премудрость сегодня открывает более высокую тайну — о древе Первородной Непорочности, бывшей не грехо-, а светоцентрической опорой цивилизаций, близких Божеству.

Подобно тому как вся духовность иудео-мусульмано-христиан возникла из эпизода грехопадения, так вся духовность атлантов, греков, а также во многом египтян (солнечные божества, культ вестников Света и т.д.) — связана с Непорочным Началом как зиждительным столпом цивилизации, корнем ее основания.

Невозможно достичь связи с Богом, акцентируясь постоянно на первородном грехе, на этой черной тени и кривом зеркале истинного Древа Жизни.

Древние цивилизации хотя и знали о слабостях человеческой природы и о дьявольских, змеевых, греховных и злых частицах, в нем содержащихся, но знали и другую тайну, открытую помазанникам-посвященным — тайну страстного, победы над грехом, тайну вышней любви и прочие благоухания райские, исходящие от древа Первородной Непорочности. Чудесно расцвело оно на Соловках как новая всемирная религия.

Ключ к постижению религии греков в этом. Боги Олимпа были великими стражами древа Первородной Непорочности и свет его несли в мир, погрязший в греховном мраке.

Важность этой доктрины исключительна, ни с чем не сравнима. Первородная Непорочность столь же значительное, безусловное явление, как первородный грех. Как первородный грех передается из поколения в поколение и делает человека по сути неисправимым грешником онтологически, Первородная Непорочность действует безусловно (несмотря на препятствия) и порождает культуру и цивилизацию обоожения, подавая силы победить свою адскую тень — первородный грех.

Человек, согласно превосходящей иудео-мусульмано-христианскую цивилизации, не может быть сведен к тайне грехопадения. Ему присущи более высокие предназначения: стать солнечным как Адам, стать непорочным как Христос и Мария и привиться к древу Первородной Непорочности.

К

Вижу, как разгорается огненный столп древа Первородной Непорочности. Какие великие плоды! Оно суть солнечный диск во внутреннем человеке. Делает его светильником. Расцветают первородные начала.

Как первородный грех распространился в тысячах грехов, так Первородная Непорочность распространяется в тысячах даров Вечного Девства. От этого древа Первородной Непорочности, древа Атлантиды и Эллады, и возникнет Богоцивилизация III. Старая будет полностью предана забвению как основанная на ложном основании, на кривом зеркале Непорочности — всеобщем грехе.

К

Человек остался привитым к древу Первородной Непорочности несмотря на грехопадение.

Учение Христа понято ложно, объяснила Атлантида. Спаситель не фиксировался на первородном грехе. Первородная Непорочность означает: в человеке есть начала неподвластные греху, но грехоцентризм их запечатывает навеки, делая смертного рабом порока и сыном дьявола.

Христианство в его современном виде — дьявольская секта, фиксированная на непрощенности грехов (что доставляет радость сатане). Премудрость сегодня диктует свыше ключи и способы развития начал Первородной Непорочности и высвобождения божественного потенциала.

Начало Первородной Непорочности присуще человеку от века, не утрачено и не зависит от грехопадения. Ведет тайную внутреннюю жизнь, спит и подлежит воскресению.

Истинные помазанники акцентированы не столько на покаянии (хотя понимают, что ключ к прощению грехов — раскаяние, и прежде чем освободиться от одержания грехами, необходимо осознать их пагубность), сколько на солнечных началах Превосходящей Любви, Вечного Девства, Первородной Непорочности.

К

17.08.05 Измир

Фарисеи-клеветники ввели в систему: «низшая» любовь эротическая (эрос), за ней филия — братско-солидарная, выше — родственническая, патриотизм (сторге) и над ними — агапэ, монашеская, небесная, духовная.

Ничего подобного. Градация крайне примитивна. Палитра чувств, их виды нескончаемы. Все виды любви суть не ступени, а каналы, проводящие Священноминэо.

Священноминэо — царственная Госпожа, Она царит над всеми видами любви и проникает их и обожествляет. Любая любовь божественна. Но есть приражения дьявола, и тогда Бог возвращает ее в истинное русло.

Любая любовь божественна, когда восходит к девственным идеалам. И напротив, суть дьявольское приражение, когда связана с похотью и непреодоленным эгоизмом.

К

Мы реабилитировали любовь! Монахи-инквизиторы клеветали на божественную вышнюю Любовь, присвоив ее себе. Они сняли с нее царские одежды. Но Она царит, проникает во все сущее. Все творение и все виды любви подчиняются Ей, Священноминэо, непорочной девственной Священнобезумице.

Вот лестница, по которой восходят души. Но на каждой ступени они испытывают действие Священнобезумицы-Священноминэо. Родственническая любовь иногда доходит до безумия. Эротическая — до безумия. Братская — до безумия, когда в ней проявляются трансцендирующие начала Священноминэо.

К

17.08.05 Измир

Цивилизация обоожения. Но что нужно для теосиса?

Омовение в белых купелях (1). Причастие к Первородной Непорочности (2). Обет Вечного Девства (3). Перевод в страстное (4). Помазание (5). И более перечисленного — минэо (6), небесная любовь, какой нет на земле и небесах.

Обоожение производится ею. Как покаянием спасение, так умонепостижимую страстною превосходящей солнечной любовью, невозможной ни на небесах ни на земле и единственно реальной, прорвавшейся из вечности, со светлого Олимпа, из Царства Небесного — обоожение.

Ступени от омовения (покаяние, обращение) до перевода в страстное и помазания, только ведут к нему. Полнота же обоожения достигается умонепостижимой любовью, безусловной, истекающей от Отца к Сыну и от Сына ко всему творению Духом Святым.

Блажен тот, кому открыты горные источники Священноминэо — рыцарской, вышней, вечнодевственной Любви. Тысячи ее преимуществ. Ближние ею не только спасаются, но восхищаются в горний мир, и раскрывается в них маленькое внутреннее Древо Жизни, меняются составы. И обооживаются они, приобщаясь к лику совершенных, христовых.

В Псалтыри, еще не искаженной Маккавеями и раввинами, сохраняется идея малых христов, помазанников. Смысл христианства — не поклонение Христу как Богу и даже не подражание Ему как совершенному примеру, а уподобление и сочетание Ему. Стать малым христом.

Как в буддизме Будда не бог, не идол для поклонения, а пример для бодхисатвы, для ученика его, так и в христианстве Христос не идол, а Царь помазанников, воспринимающий в Свое миропомазанное Царство истинных учеников и учениц Брачного Чертога, нарекая их мелхиседековыми священниками, пастырями по чину вечного блаженства и Премудрости Божией.

Аз же рех: боги есте
И сынове Вышнего вси.
Вы же яко человецы умираете
И яко един от князей падаете... (Пс.81:6)

«Падаете» — ибо фиксированы на первородном грехе и в симфонии с властями мира теряете последнее божественное. А Я говорю о вас: сыновья Божии, обооженные — «боги есте».

Псалтырь ближе к светлому Олимпу эллинов, чем к иудео-христианской маккавейско-кощеевой злобе.

К

17.08.05 Измир

Причина, по которой христиане возненавидели Грецию и Атлантиду, мифы Греции (реальность Атлантиды, перешедшая в область сказаний в Элладе): обличили фарисеев как сынов тьмы. И чтобы скрыть, что о идет речь, что в образах дракона Пифона, Медузы-Горгоны, Химеры и пр. чудовищ фигурирует мировое фарисейство, контора их ославила как язычников.

Это была месть фарисеев за то, что греки покрыли Божию Матерь на Эфесской горе. Синедрион атаковал Ее и требовал выдачи. Греки, укрепленные от Атлантиды, дали им отпор. Противодействием Пифону и Химере атланты в солнечных богах наработали силу противодействия сынам тьмы и передали ее эфесским христианам и грекам, обратившимся и не обратившимся.

Те и другие высочайшим образом чтили Божию Матерь. Не обратившиеся в категориях Олимпа полагали Ее даже выше, чем обратившиеся. Для христиан Она Матерь Иисуса Христа, Пресвятая Богородица. А для эллинов — величайшая из богинь, сумма всех женских божеств: Гера, Деметра, Афродита, Артемида, Афина-Паллада.

К

18.08.05 Измир

В конфликт вступают цивилизации Первородной Непорочности и первородного греха.

Атлантида вынуждена была сойти в Морскую Державу, в превосходном состоянии погрузиться на дно морской пучины только потому, что была окружена священниками падшего порядка. Необходимы семь белых огромных столпов Премудрости, чтобы удержался Делос — остров рождения светоносных и златокудрых Артемиды и Аполлона, чтобы религия божественного света и обожения могла противостоять Пифону — грехоцентризму, жречеству грехоцентрической ориентации.

Существовавшие цивилизации светоцентризма, обоожения и Первородной Непорочности воевали не с язычниками, атеистами и пр., а с грехоцентрическими змеями, которые затмевали небо благодати и утверждали свои ритуальные конторы. Во всех мировых религиях запечатлена война сынов Света, сынов обожения, и сынов тьмы, сынов дьявола, священников устрашающе-замогильной теологии.

Целые цивилизации, народы и религии были посвящены Первородной Непорочности.

К

19.08.05 Измир

Христос не мог Себя принести в жертву на небесах, поскольку там Он вечный бессмертный Бог. В Троице Он не может принести Себя в жертву и умереть. Чтобы умереть, Он должен стать смертным.

Христос воплотился в человеческом образе не ради искупления, а ради совершения подвига Агнца, т.е. явления той высоты, которой нет ни на небесах, не на земле.

Тем самым христианство не есть ни земная, ни небесная религия. Это религия вышенебесна. Она также не есть религия настоящего или будущего века. Это религия

грядущих времен. Она надстоит настоящему порядку и адресована серафимам, т.е. мировым, мироточивым душам.

Поэтому в молитве «Иисусе Христе, Парутический, Агнец» ‘парутический’ означает: Христос Второго Пришествия и от Второй Голгофы Соловецкой Огненная купина. ‘Богородица Добрейшая Добрых’ тоже имя Ее времени Второго Пришествия. И Агнец — неслыханная Любовь, умножившаяся в ста тысячах превосхищенных.

Уникальный феномен Богоцивилизации, возникший на земле: сто тысяч агнцев. ‘Агнец Второй Голгофы Соловецкой’ означает ‘умножившийся’, величайшая любовь, которой нет на небесах и на земле.

Почему Агнцу поклоняются ангелы? Будучи бессмертными, они ограничены в возможности продвижения на небеса. Они не могут совершить то, что может сделать Агнец. Агнцы соловецкие поставлены выше ангелов. Потрясающая тайна смерти, которой можно достичь высших миров! И тайна страдания — величайшая тайна страстного.

Ангелы не могут войти в страстное. А смертный человек при его уязвимости дьявольскими стрелами и болезненности его смертных тел, может войти в страстное, дающее ему благодать, превосходящую ангельские чины, благодать агнчью.

К

В русском народе различали между священником и попом. Кто свят, тот и священник. А поп — от египетского Апопа (древний змей, живший в низовьях Нила, извечный враг бога Солнца Ра).

Русское словечко ‘поп’ происхождением не от латинского ‘пара’, а от Апоп, египетского змея древнего, жившего в низовьях Нила, извечного врага Божьего.

К

Блистательные египетские женихи доказывали Данаю, что в Египте почитание креста большее, чем у христиан. «Как это? — говорил Данай. — Христиане единственные правильно почитают Крест как орудие искупления и спасения человечества!» — «В Египте, говорили сыновья Египта, Крест почитается как Анх, таинственный амулет в форме греческой буквы тау, „Г“, с петлей наверху, означающей вечную жизнь. Крест — более чем орудие искупления. Он есть то, что выводит в вечную жизнь».

Христос учил о Кресте в традиции египетского анха, а не православного восьмиконечного распятия.

Петля есть пространство вознесения Креста на небеса.

К

20.08.05 Измир

Чтобы войти в блаженство, Божьей душе достаточно усвоить (сакрально и позднее теогамически) смысл страданий — лепкой Агнца войти в любовь, какой нет на небесах и на земле. Тогда скорбь, стесненные обстоятельства, гонения открываются как преимущество, и рассеиваются тени «искупительной» доктрины...

Вхождение в Священноминэо, в эту умонепостижимую, невозможную и превосходящую себя саму и небесный мир любовь дается только через помазанные скорби,

крест и страдания. Научиться в них блаженствовать. Понимать их как язык превосходящей божественной любви.

К

21.08.05 Измир

Во все времена идет лютейшая война на непорочное зачатие. Атлантиду не поняли как суммарно непорочно зачатую морскую деву. Греков дискредитировали. Мифы предельно опошлили.

Например, Леду представляют как какую-то полулебедь-полудеву, сходящуюся с Зевсом. Можно ли принять подобный маразм? Лебедь — символ Грааля, вечного девства. Леда — вечнующая дева.

Но вселенная девства запечатана для яковов голосокеров, кондрашовых и составителей античной мифологии. Принимая сказки за правду, упускают духовность стоящую за эллинской мифологией. Дальше Гермеса Трисмегиста с его космической каббалой не идут.

К

Христиане сделали страшную вещь: перевели диоскуров — сынов Божиих, светлейших богов Олимпа, покровителей древних цивилизаций — в ранг бен-элогимов. Тем самым себя, бен-элогимов, возвели в достоинство «сынов Божиих», сынов света.

К

21.08.05 Измир

Крон, заглатывающий своих детей. Земля-Гея, оскопившая Урана. Зевс, охотящийся за девами и изменяющий ревлившей жене... Великое дьявольское искажение святой Атлантиды.

Греция и мать ее Атлантида дошли в похотливых, отвратительных, искаженных образцах, каков Яхаве в трактовке фарисеев, раввинов и Христос в видении попов. Ну да есть Оливковая Ветвь и истинная Церковь, и неискаженные образцы из чистейшего и вечнодевственного Лона! От них питаюсь, в них пребываю.

Аполлон в переводе (‘апо’ — ‘от’ + ‘лон’, лоно) — ‘от Лона’. Аполлоническое начало дополняется дионисической неистовостью Вышней Любви и блаженным умилением от вкушения из Чаши Всевышнего.

К

Язычество, иудаизм, христианство, многобожие... Никакого «христианства» и «язычества» не существовало. Существовала единая религия Бога (Таинственное Имя Всевышнего) и Его мелхиседекова Церковь, сфера помазаний — и дьявольские искажения.

Господь готовит сети Диоктины (имя Артемиды, ‘Уловляющая в сети’). И дьявол уловляет церковь в свои сети. И тогда рождаются «-измы»: архаизмы, иудаизмы,

христианизмы, кесаризмы... Но они суть целлофановые пакеты, летающие в воздухе и начиненные взрывчаткой. Горе тем, кто однажды уловится на них и коснется их рукой.

Никого и ничего, кроме религии Всевышнего — во все времена, во всех цивилизациях — ее дьявольского искажения, какой вид и образ они ни приняли: тирренских морских пиратов, стимфалийских птиц, кишмя кишаших змей, летучих мышей.

У них своя религия. Свой Бог — воинственный и агрессивный. Таким они Его видят. В огонь бросают они оливковые ветви и объявляют войну помазанникам.

Змей Апоп в Египте — первый враг Осириса, клеветник на него. Дракон Пифон преследует Латону с двумя божественными близнецами на руках (Аполлон и Артемида)... Знают греки высоких олимпийских вестников Всевышнего, ипостаси Всеединого (Таинственного Божества). Знают и супротивный мир и нарекают его своими именами: бешеный кабан, сумасшедшая собака, проклятый, ядовитый плющ, горгона со змеящимися волосами и дико выкаченными глазами.

Греческая преисподняя полна тех самых чудищ, какими наводняют институциональные жрецы свои храмы и паноптикумы. Иначе, преисподняя есть то, каким видят Бога очами грехоцентризма. И души следуют в подземные миры по вине священников-змеев — этих дьявольских «уловителей» в преисподнюю безысходного греха и повального порока при нагромождении видимости своих «искупительных таинств», «спасительных догматов», освободительных атрибутов и книжных заморочек, вводящих в соблазн тех, кто желает следовать святым образцам, ничего общего не имевшим с институциональной бесовщиной и питавшихся непосредственно от источников Всевышнего.

Написано в каракосских термах (турецких банях)

К

Когда исчезает высший дар Атлантиды (поклонение помазанникам) -т.е. трагически не совершается мессианистическая эра, начинается религиозное поклонение царям, предметам, киноактерам, плоти, человеку. Любой предмет может принять характер религиозного фетишизма. Но только это — черные тени, отбрасываемые в платоновой пещере.

К

22.08.05 Измир

Павел говорил о них: молятся с черным покрывалом на лице, как при Моисее. Трагедия Христа была в том, что Он проповедовал среди наследователей грехоцентрической религии. Призывал учеников стать сынами света и Брачного Чертога, а они не могли.

Грехоцентризм несовместим со светоцентризмом. Первородный грех довлеет как царство и необходимо запечатать его полностью, чтобы распечатать другой мир — Первородной Непорочности.

К

22.08.05 Измир

Рассматривая древние цивилизации, особенно Атлантиду, ее наследницу Грецию и уже дискредитировавший эту ветвь Рим, я увидел, что все мировые религии перехватываются

бен-элогимами, бенэлогимизируются. Христианство, начавшееся как светоцентрическая религия обожения, Брачного чертога, теогамии, уже с IV века превратилось в религию змея и бен-элогима: грехоцентризм, фарисейство, ксенофобия, фундаментализм, догматы, ритуалы, иероцентризм (жрец в центре богослужения) и т.д.

Нечто подобное произошло со всеми мировыми религиями. Мифология, т.е. духовность Греции, дошла до нас в бенэлогимизированном виде. Воспринимать ее как разврат среди богов (козлоногий Пан, обхвативший богиню Артемиду и похотствующий к ней и т.д.) — все равно что принимать христианство в современном варианте от московской патриархии.

Все мировые религии бенэлогимизированы. Необходимо непорочное зрение, чтобы увидеть их изначальный высочайший олимпийский свет, прежде чем они подверглись перевертыванию.

Необходимо зеркало — неущемляющее зеркало. Зеркало, наставленное на солнце, чтобы безущербно отразить изначальный облик религии. Когда нет зеркала, возникают кривые зеркала. Идет искажение в сторону злобы, похоти, войн, агрессии.

Каким останется христианство в памяти потомков? Религия педофилов и маммоновцев. Змеи. Подобным образом Греция запечатлелась в памяти потомков по последним изуродованным бенэлогимизированным жреческим образцам.

Истинный взгляд должен быть брошен на изначальное Древо. В основе истинных религий лежит светоцентрическое древо Первородной Непорочности и благоухание Непорочного Зачатия и вечного девства. Оно лежит в основании всех мировых религий.

К

Афродита влюбляется в Аресас Боги потрясены. Почему Афродита вожделеет не к сонму олимпийских богов, а к богу кроважадной войны, место которому, если бы он не был бессмертным сыном Всемогущего, в Тартаре со страшнейшими преступниками и грешниками, запятнавшимися в крови?

Тайна вышней любви в том, что она стремится к варварским сферам. Арес символизирует варварское начало в человеке («мужи кровей»). Страстная Афродита-Беатриче, рожденная из пены и крови Урана (Неба), оскопленного Хроносом (Временем), от небесных капель страстной крови Отца Небесного, упавшей в море и в морской державе растворившейся в виде морской пены, оставляет сонм богов и идет к варвару. Варварская цивилизация — современный мир, не способный принять вышней любви.

Это миф атлантический, миф восходящий к райскому Эдему.

Трагедия современной цивилизации в том, что она остается в варварском состоянии, ослеплена варварскими низшими страстями. Но подобно тому как Христос оставил Царство, небесная любовь оставляет совершенных олимпийских богов, которым подобало быть проводниками Минэо и агапе, и идет к варварам (к Аресу).

По таинственному приказу всемогущего Юпитера Гефест (супруг Афродиты) приковал их невидимыми сетями к скале. Их общение происходило на страстном одре. Они стремились друг к другу, не понимая что прикованы сетями и не могут приблизиться, находились в каком-то таинственном диалоге. От такого диалога (прикованных чугунами сетями) родились у Афродиты и Ареса пятеро детей.

Имена их бесподобны. Что может произойти от схождения вышней любви в варварское лоно? Греция учит, что плоды уникальны. Сокровища Атлантиды сокрыты в этом.

Каковы же пятеро детей Афродиты и Ареса?

(1) Эрос. Эрос — следствие вышней любви. Эротическое начало в варварских цивилизациях — вышняя любовь, которая в какой-то степени находит отклик. Варварская цивилизация откликнулась и породила эротическое, дионисийское. Неверно понимать Эрос

как похоть. Ничего подобного! В рамках Атлантиды Эрос — бог вечной юности, метаящий золотые стрелы любви к Всевышнему, вышней любви.

(2) Антерос (анти-Эрос). Полная противоположность. Антерос — мировое фарисейство, восстание на вышнюю любовь. Антиэротическая догматика, иерархия (иереецентрическая религия). Она антиэротична, схоластична, рациональна и воюет на религию вышней любви. К религии Антероса принадлежат все мировые фонды.

(3) Деймос (Ужас). У многих вышняя любовь порождает ужас. Они столкнулись с чем-то невероятным. Необходимо стать героем, рыцарем вышней любви, посвятить себя, отречься от родовых страстей. Этот демонический ужас присущ варварским цивилизациям, соприкасающимся с высшими тайнами христианства.

(4) Фобос (Страх). Фобии — страхи, связанные с несением креста. Ужас перед лицом вышней любви и страх креста (обывательство).

(5) Гармония — гармония между небом и землей. Вышняя любовь, падая на варварское начало, скованная чугунными цепями брачного одра, порождает гармонию между Богом и землей. Но необходимо вмешательство Афродиты, непорочно зачатой из морской пены.

К

Артемиды. Другое ее имя Дианиона — расставляющая охотничьи сети и пробивающая копьем тех кто попадает в ее сети. Вначале Артемиды — Дианиона расставляет охотничьи сети, а затем бьет копьем (чудесное копьё Грааля, которое попадает без промаха в сердце).

Артемиды — божественная охота на непорочные души. Артемиды, сестра-близнец Аполлона, непорочно рожденная на Делосе от Всемогущего гиперборейской совершенной девой по имени Латона (у римлян Лето), особо славится своей вечнодевственной красотой. Она неопишимо прекрасна. Ее девство столь высоко, что даже Афродита не имеет над ней власти. Ни Афродита, ни Эрот не могут пронзить ее стрелами.

Однажды после охоты, намазав ее маслами, девы вели Артемиду на омовение. Ее увидел юноша Алкеон, охотившийся с 50 собаками, и пленился ею и завожделел.

Артемиды разгневалась и обратила Алкеона в оленя. Алкеон бросился бежать. Его собаки устремились за ним, не понимая что охотятся на своего хозяина, решив что их хозяин хочет убить оленя. Они долго бежали за оленем, наконец настигли его и растерзали. Божественная Премудрость и Артемиды способствовала этому и пронзила предсмертным воплем сердце Алкеона.

Как понимать сказание? Что в этом: злоба, наказание, месть? Ничего подобного. Это высшая справедливость.

Артемиды показала, что как Алкеон был затравлен своими псами, не узнавшими в нем хозяина и продолжавшими охотиться, так всякий похотный взгляд, неспособность в страхе Божиим воспринимать божественную красоту, ничтожная низкая похоть и запретное знание (познать тайны Всевышнего прежде сроков) травят Бога.

Что сделали собаки со своим хозяином, сделал Алкеон своим хамским взглядом. Он затравил божественное девство.

Человек — пес Божий и должен быть в страхе Божиим. Алкеон обратился в оленя (олень — еще одно символическое божественное животное). Собаки стали охотиться на своего хозяина, не понимая этого, и затравили его.

Таков человек. Он не видит в упор Бога, не способен благодарить Его. Когда он не замечает Бога, обращается в Алкеона.

Когда люди не видят Бога, они травят Его насмерть, как псы.

К

Уран-Небо (Афродита — Уранос, Небесная) оскопляется своим сыном Кроносом. Премудрость, входя во время, претерпевает окровавленное страстное. И из капель крови, из мирового уранического Грааля порождается совершенная любовь, афродитическая цивилизация совершенной любви.

К

Даже Господа фантомировали: «Исцеляет силой Веельзевула». А Премудрость фантомировать не могут. Потому Она ключ к победе над ними и открывает тайны Бога.

К

24.08.05 Измир

В Афродите нет человеческого. Она состоит из последней капли оскопленного неба. Пренебесная любовь, оскопляемая Временем...

Этот мир может только оскоплять небесную любовь. В оскопленном виде она приходит на землю в виде последней капли крови Небесного Отца. Грааль дает ей раковину, и на раковине-корабле она причаливает к небу, выходя из чудесной белоснежной морской пены. Морская пена — символ и аналог атлантической сферы.

Будучи богиней чистейшего света и вышней любви Афродита совершает один за другим совершенно безумные поступки. Выходит замуж за бога-калеку Гефеста (хромоногий, неполноценный кузнец). Но в огне Святого Духа он выковывает мечи и копья для будущих рыцарей вечного девства.

Среди олимпийских богов она, царствующая во всем мире вышняя любовь, предпочитает Ареса, кровожадного бога войны. И побеждает варвара вышней любовью.

Кровожадный бог, неистовый, злобный, достойный тартара Арес, находясь в узах Гименея, в духовном непорочном теогамическом браке преображается. Они порождают пять детей. Эрос — сын Афродиты и Ареса, неистовая вышняя любовь. Наследует девство от матери, неистовство от отца. Антерос — противоположный, холод, безлюбивость, без жажды любви. Деймос — ужас перед лицом любви. Фобос — страх. Гармония — восприятие любви.

К

Атлантиду постиг такой же удел, какой постигнет христианство. Через 500 лет о христианстве будут говорить одно: благополучно закончилась цивилизация грехоцентрических педофилов-жрецов, выдумавших чудовищную форму религии: адова помесь грехоцентризма, вечных мук, содомизма.

Что крестоносцы и Рим сделали с Грецией (осквернили и дискредитировали ее), произойдет с христианством. Оно запечатлится в вечности в самых низменных формах. Так отомстит Премудрость. А память об истинном христианстве войдет в Богоцивилизацию.

Богоцивилизации будет дано зеркало против кривых зеркал. Только божественное зеркало, наставленное сегодня как рефлектор в мое сердце, дает истинный образ Атлантиды, которая, как сказано, есть литейная форма для всех цивилизаций.

Эта совершенная цивилизация богообщения и богосупружества погибла не по причине греховности. Она чудесным образом родилась в морскую державу, в измерение «4,5» или «4,8».

Она поставлена прообразом и матерью всех возникающих цивилизаций на земле. В той или иной степени они должны соответствовать божественному идеалу, достигнутому Атлантидой. Это матерняя цивилизация.

К

После Грааля открылась Атлантида — цивилизация Грааля, место, где хранится Грааль. Мы живем в 500 метрах от эфесско-смирнской пещеры. И Божия Мать несла сюда Грааль из Атлантиды.

Я первый из числа земнородных, воплощенный на земле, открыл миру Соловки и Грааль. Сейчас Атлантида говорит мне.

Наша церковь несет в себе атлантический ларец, атлантическую сокровищницу.

К

Греция — символически выраженная Атлантида. Атлантида не могла говорить напрямую. Она запечатлелась в Греции, своей дочери, в мифах.

Все имена богов — ипостаси всемогущего Юпитера. Всемогущий Бог сидит на своем престоле. Греческие боги, как архангелы и ангелы, тоже носят ипостасные богослужебные имена.

Потрясающие высоты непорочного зачатия. Богиня Афина Паллада рождена из ума Всевышнего. Дионис рождается из огненного столпа славы Всевышнего. Афродита рождается из последней капли оскопляемого Отца Небесного. Лето зачинает от Отца Небесного в образе лебедя вечного девства. Неопишуемые формы. Ио — божественная корова, млкопитательница сущего. Афродита — детопитательница, а Ио — млкопитательница, зачинает непорочно.

Греция осквернена беспредельно. Нельзя к грекам относиться через мифы и легенды. Надо понимать, что Греция это запекаясь, оскопленная Атлантида. Отсюда образ оскопления Урана (Небо) Кроносом (Время). Входя в человеческое время, небесная любовь может быть представлена только в оскопленном виде.

Но существует зеркало, по которому афродитическое начало, вышедшее из морской пены — истинная божественная церковь. Небесная монархия сходит из морской державы в чудесных одеждах вечного девства. Пена — символ вечного девства морской державы. Особый таинственный девственный состав, именуемый белоснежной пеной. Пена — квинтэссенция морской сферы.

К

Насколько превосходит Атлантида христианство! В христианстве существует только одна великая тайна — непорочное зачатие Христа безмужне от Девы Марии.

Здесь выше. Не безмужне, а безматерне от Отца Небесного.

15 форм непорочного зачатия, одна другой совершеннее, идущие от Отца Небесного. Огромное количество совершенных дев, преданных Отцу и рожающих свыше. Сонмы олимпийских бессмертных богов.

Бешеный вепрь, растерзавший прекрасного Адониса, стимфалийские агрессивные птицы, львы, пантеры, пифоны, древние семиметровые змеи... Все до одного — образ грехоцентрического жречества. Светоцентрические солнечные начала подвергаются атаке грехоцентрических жрецов (они именуются сынами тьмы и всегда имеют образ скорпионов, гидры, пифона, древнего змея, дракона, летучей мыши и т.д.).

Христиане осквернили величайшую цивилизацию. Атлантида, наряду с перечисленным, поклонялась Таинственному Божеству, запрещая называть Единого Бога каким-то именем.

Бог остается Таинственным, несмотря на Свою проявленность. Единый в Двух.

К

Из божественной Афродиты сделали девицу легкого поведения, окруженную голыми жирными купидонами.

Была особая красота девства в наготе. Атлантида была настолько совершенная цивилизация, что в ней не было греха. Тела были прекрасны и статуи совершенны. Славилась красота девства равно в мужских и женских телах.

Но средневековый пиетизм счел Грецию бесноватой. В средние века церковь запрещала рисовать обнаженные фигуры. И пошлые художники (Тициан и подобные ему) брали римские легенды и в образе олимпийских божеств запечатляли на полотнах современных им куртизанок.

В действительности пиетизм, девство и святость во многих прошедших цивилизациях были несравненно большими, чем в христианстве. Напротив, христианство отвергая светоцентрические столпы вечного девства, рождения свыше, очень повредила девственное начало человека 84-й цивилизации и привела его к полному вырождению.

Это сделала церковь. Небеса сейчас предъявляют ей счеты. Лурд — «Я Непорочное Зачатие» — никем не понят. До сих пор ватиканские злодеи запрещают понимать смысл Лурдского откровения.

Никто кроме Максимилиана Кольбе не мог сказать, что Зачатие означает Начало. Бог есть Начало, рождающее свыше непорочным образом все творение, ведущее к преображенному богооткровенному состоянию, именуемому теогамическими узами богосупружества. Теогамическое зрение — единственный ключ к Атлантиде.

К

Атлантида никем не была понята. Светоносные помазанники в Атлантиде, сходя с неба к земнородным, поднимали выше неба и обоживали их. Кто боги Олимпа? Обоженные.

К

Пишу о греческой цивилизации будучи в ее центре, в Эфесе. Здесь была почитаема Пресвятая Дева. Здесь стоял огромный храм Афродите Небесной Любви. Эфесская община, не отрекаясь от Афродиты и поклоняясь ей как богине высшего света и покровительнице родов, плодородия, вечной жизни, Пресвятую Деву считала выше Афродиты и олицетворением, воплощением (реинкарнацией) Афродиты на земле. Ей поклонялись как Афродите.

Греки поняли кто такая Божия Матерь гораздо больше, чем евреи. Евреям надо было

четырежды вытянуть себя за волосы из грехоцентризма, как барон Мюнхгаузен из болота, чтобы понять, что Пресвятая Дева непорочно зачата, что Она непорочно зачала.

Грекам это было понятно. Подобно пеннорожденной Афродите, Пресвятая Дева вышла из морской пены. (Мне действительно было показано в Эфесской пещере: Она вышла из морской пены и пошла по радуге в эфесско-смирнские пещеры, где кормила из Грааля первых старцев).

К

24.08.05 Измир

Артемида обращает юношу Алкеона в оленя... Воплощение божества, согласно атлантам, есть «метаморфоза», претворение. Пресуществленные существа обладают даром пресуществлять других.

Бог пресуществился в человека. Значит и человек может пресуществоваться в оленя, в зайца, в какое угодно живое существо, верили в Атлантиде.

К

25.08.05 Измир

Артемида-Дианиона. Ее имя 'уловляющая в сети' божественных экстазов: Божественная охота, Божественное похищение, Божественное зачатие.

От Атлантиды идет светлая наука деогенезиса (от 'диогиогномае' — рожденный от Всевышнего). Деогенетическая линия — атлантическая «мессианистическая династия». Только в рамках Атлантиды и ее совершенного общества, ближайшего ближних божеству, где боги воплощаются, а смертные обоживаются можно вести речь о деогенезисе — прямом божественном происхождении избранных от Всевышнего.

Диктические сети

Диктина (Артемида) — от 'диктоун' («ловящая в сети»). Одна из божественных охотниц уловляет в диктические сети учеников Всевышнего и щедро награждает их божественным происхождением. Наделяет «семенем авраамовым» — костью Грааля. Переменяет их состав. Они становятся, в терминах эзотерической Эллады, «дипаол-тос» — дважды потрясенными, дважды огненными: находятся в удвоенной потрясенности и непрерывном озарении творящихся с ними благ.

Дважды потрясенность — величайшая черта атлантических адептов. Первая потрясенность от непрерывно творящегося чуда сменяется удвоенной, нескончаемой, вечной. Двойная потрясенность, дипалтический экстаз и подает вечную жизнь.

К

Как священнонепостижим язык Атлантиды! Имена олимпийских помазанников не соперничают с эгидой Всевышнего, но ипостасно выражают ее, подобно ангельским чинам Яхаве в религии Израиля.

Дионис — победа с Богом ('дио' — Бог, 'Никэ' — богиня победы).

Деметра — домостроительство в божественном плане ('демо' — строить, воздвигать; 'метрео' — мерить).

Аполлон — выходящий из лона ('апо' — из).

К

Диана — ревностная дева. Не было в Израиле и христианстве столь ревностных поборников вечного девства. Насчитывались единицы. Их прославлял Эль Элеон, Бог истинных учеников Христа, блаженных Брачного чертога. По иной версии, она дочь не гиперборейки Латоны (рим. Лето), а самой Деметры, матери-домостро-ительницы сущего в мире.

Диана поставлена хранительницей девства против сетей разврата. Она охотится за душами предназначенными для божественных чертогов и уловляет в сети богосупружества. «Блаженны уловленные в сети Дианы!», поют оры и нимфы, окружающие свою богиню.

Юноши и девы до вступления в брак становятся под покров Дианы. Она чудодейственно хранит их целомудрие и чистоту. Цари и мудрецы поклоняются ей как вестнице Всевышнего.

Непорочнорожденная указывает единственный ключ к обожению — вечное девство и его обеты, победа над препятствиями на пути к обету вечного девства, будь то прельстительные личности, фатальные родовые программы и пр.

«Охота» Дианы двояка. Как Дианиона она уловляет в теогамические сети. Как мстительница Вышнего уничтожает тайных врагов рода адамова — ненавистников девства, «снайперов в кустах», учителей порока и разврата. Их поражает она своим без промаха бьющим копьём Грааля.

Она готова предать публичному позору и пронзить острым копьём нимфу Калиосто только за то, что та, как показалось Диане, нарушила обет вечного девства. Она набрасывается праведным гневом и поражает своим царским кадуцеем тех, кто, «устав» от девственных обетов, ссылаясь на похоти мира, задумывается: не лучше ли ему или ей жениться или выйти замуж.

Неустанно напоминает святая дева Диана о подлинном предназначении человека: о браке с Всевышним, о тысячах преимуществ вечного девства. О том, каким благоуханием и мудростью наполняются бессмертные тела, когда обладатель физического тела приносит себя в мысленную жертву на алтарь Всевышнего и принимает образ мудрой девы и священной невесты.

К

Мифы, что Диана мстит Парису, признавшему Афродиту красивее ее, поражает своими стрелами великанов и циклопов, участвует вместе с Аполлоном в Троянской войне и т.п. — греческие объективации. Артемида (Диана), Венера (Афродита), Эрот, Деметра (Церера) интересны не как греческие божества, а как атлантические пришельцы с неба, атлантические помазанники.

Греция — цивилизация деградировавшая в византийской «православной симфонии». Греческие мифы интересны не как архетипы или сказания, но как запечатанная реальность «пятого измерения» Атлантиды. Греки мало что поняли в Атлантиде и эллинизировали ее в своих стальных шлемах, воинственных тирсах, мужеподобных ликах богинь.

По грекам, Артемида — богиня амазонок. Последним нравится, с какой легкостью она расправилась с юношей Актеоном. Но таковы уже кривые зеркала.

К

Актеон, этот «богатый юноша» из древних сказаний, случайно набрел на купающуюся Диану... и не увидел в ее божественной красоте ничего особенного. Уже готов был он разболтать своим друзьям, что видел нагую богиню, что она прекрасная женщина, во многом подобная обычным смертным, как не успев разинуть рта превратился в оленя с человеческим разумом. Уста его надулись, лицо затвердело с двумя рогами. Раздалось глухое мычание вместо ладной человеческой речи.

Диана сверкнула молнией праведного гнева, и 50 псов Актеона погнались за своим хозяином.

О неслыханно! О неисповедимо! Псы и охотники из свиты богатого юноши гонятся за оленем, не зная что губят и травят своего хозяина. Желая угодить своему богу и господину Актеону, псы и слуги его же убивают.

«Какая богатая добыча! — кричат слуги Актеона. — Травите его, псы! Актеон будет счастлив!»

«Наказание» Дианой Актеона открывает, какое страстное несут божества, воплощаясь в человеческом мире. Каков огонь Последней Капли, если от нее рождается новая вселенная, растворенная в океане морской пеной.

Собаки Актеона травят своего хозяина, даже не подозревая что они делают. Ниса, любимая псина Актеона, вцепилась в горло.

«Что ты делаешь, Ниса, моя любимица? Разве не выходил я тебя как мать после того как тебя насмерть закусал дикий лесной вепрь? Одумайся, Ниса! Это я, твой хозяин Актеон!»

Но обезумевшая Ниса из желания угодить своему господину и богу убивает его же.

«Ларк, Ларк! Ты сошел с ума! Бешеная пена на твоих устах. Ты закусал меня насмерть. Еще один шаг и я упаду, — кричит Актеон. — Ты забыл, как я выделял тебя из огромной своры псов? Как я ежедневно ласкал тебя по холке, смотря тебе в глаза? Сколь радушно ты благодарил меня за мои ласки и отвечал мне взаимной любовью... Ларк, остановись!»

Но пес уже сбил с ног оленя, а Ниса смертельной хваткой вцепившись зубами в горло Актеона, нанося своему господину смертельную рану.

...Собаки травят своего хозяина из желания угодить ему. Таков универсум премудрости Атлантиды. Диана, пользуясь законом божественного зеркала, всего лишь «перевернула», претворила ситуацию.

Актеон — атлантический пес. Ему должно было ластиться у ног своей госпожи и поклониться ее божественной красоте, неизъяснимой тайне божественного девства. Актеон должен был пасть на колени и восхититься в пренебесное в экстатическом «О... о... о». Перед ним была девственная богиня. Наделенная сладчайшим ликом, божественной премудростью, сладостью, неземной красотой, благолепием, величием Дева пришла к источнику омыться от человеческой пыли.

Боги не могут без омовения внутренних. В купальни их сопровождает девственная свита. Но ослепленный несчастный Актеон затравил своим похотливым и горделивым взором нагую Диану. Он вцепился в горло богине. И превратив его в оленя, она всего лишь показала чего стоит смертный человек пред Богом.

Не распознав в упор свою госпожу, приняв ее за похотливую охоту своего человеческого воображения, Актеон нанес Диане смертельную рану в самое сердце. Отчего богиня, сверкнув праведным гневом, показала внешним образом юноше, что он сделал с ней внутренне и невидимо.

Не смеют люди «обозначаться» относительно божественного происхождения помазанников. Иначе псы-инквизиторы, желая угодить своему господину Всевышнему, вцепляются в Его же вестников.

Участь Актеона понятна. Жалкий юноша падает сраженный насмерть своими же псами. Песья охота на господина оканчивается трагически. Но какой удел 50-псовой своры, церкви православно-католических «нис» и «ларков», когда превратная картина обернется трезвенной правдой?

Псы Актеона — фарисейские священники. Актеон в упор не узнал божественную Диану — Пресвятую Деву. Стал надмеваться над ней: «обычная смертная» — и похотью фарисейской пожелал объяснить, кто она.

Пребожественная наказала его. В образе оленя его загрызла собственная песья свора. Таков удел фарисейский.

К

25.08.05 Измир

Исследователи «мифов и легенд Древней Греции» всерьез приводят детективные сюжеты, выдумки поэтов. Убитый женою и её любовником Агамемнон. Месть Ореста — убийство матери... И эти театральные мистерии, снабженные изрядной долей похотливого любопытства, соседствуют с божественными иносказаниями.

Что если бы в наше время писания Нестора Летописца смешали с персонажами «Преступления и наказания» Раскольниковым и Софочкой Мармеладовой да «Братьями Карамазовыми» с их Смердяковым и Сороконожкой? «Бесы» Достоевского с их Шатовыми и Ставрогинными никак не вяжутся с истинной историей России, хотя кровавый детективный сюжет, связанный с непреодоленной похотью, отвратительной перед очами девственников, духовно соответствует ей и передает её. Большинство греческих сюжетов высосаны из пальца. Несчетные исследователи перемывают косточки персонажам и заимствуют один у другого «утки», слухи и мнения и выдают их за реальность. Но существуют на этот счет и другие суждения.

Греция — это запыленные и разбитые кривые зеркала, трижды перепроданные и валяющиеся в скупке у старьевщика. Между тем их выдают за магические линзы времени и накладывают на прекрасные, возвышенные, неземные сюжеты о происхождении Афин и Атлантиды, об охоте Артемиды, о таинствах Гермеса, о свите Аполлона и дионисийских блаженствах...

К

26.08.05 Измир

Ночь. Брачный Чертог. Покоятся души в блаженстве. Не удалось Лернейской гидре, Тифону и Пифону угасить свечи в сердцах.

Как они прекраснолики, сыновья и дочери Брачного чертога! Какие терпят они скорби! Дьявол только тем и занят, чтобы закрыть врата их внутренних семивратных Фив. Знает враг извечный, что все до одного 12х12=144 врат Царствия находятся во внутреннем и чтобы войти ими необходимо держать сердце открытым «не смотря на», что бы там ни произошло.

Знает и чинит по благословию Теогамической Царицы свои проклятые козни. Не отступает от подвижника. Тысяча демонов, стоящих у его левого плеча, не менее ему необходимы, чем тысяча ангелов. Ангелы реют над Царскими вратами. А демоны помогают

входить ими, преодолевая страх и ропот, уныние, малодушие и помыслы.

К

29.08.05 Измир

Атлантиде был открыт Брачный чертог. Тяжек путь к нему, но возможен.

Олимпийские бессмертные существа обитают в мире, сочетаются, «сходятся», рожают гибридов, кентавров, минотавров, являются в виде премудрых добрейших быков, похищают юношей и дев (Ганимед и Леда) только затем, чтобы помочь смертным восходить по лестнице Священнотеогамии.

Не успевает Геракл научиться ходить, как Премудрость подсылает ему двух змей. Подползают гадюки по мраморному полу, уже готовые задушить новорожденного. Но змей (первородный грех) не имеет никакой власти над миропомазанным сыном Бога. Геракл доказывает это, задушив рептилий двумя руками.

К

31.08.05 Измир

Почему брачное пиршество Геры и Зевса на Самосе длилось 300 лет? Им предполагалось богосупружество всего человечества. Юпитер, вступая в брак с Юноной, давал обет в лице своей жены сочетаться со всем творением. Потому земля, Гея, преподнесла в дар их священному браку райский сад из золотых яблок Гесперид, т.е. непорочное начало.

К

08.09.05 Измир

Молитва:

Царица Небесная, благослови утешительную весть о
наивысшем призвании человека к Брачному чертогу.

К

Сказать, как христиане вселенских соборов, что Христос, рожденный без «семени мужа», был непричастен первородному греху, значит сказать только то, что Он не есть. Христос от века пришел причастный первородной непорочности.

К

Страстное — это Брачный Чертог в аду.

К

09.09.05 Измир

Греческая цивилизация как дочь Атлантиды была подготовлена принять девство Христа и Божией Матери, религию Первородной Непорочности. Что и вышло: Всевышний отошел от Израиля, и христианство просияло в Греции.

Но христианскую духовность, как и духовность атлантическую, погубила одна и та же болезнь кесаря. Христианство подверглось той же деградации, что и греческая религия в эпоху Древнего Рима.

К

Историческое христианство, по сути, есть в дурном смысле иудео-римская модель. Чем более христиане клеветали на Рим и на Грецию, тем более заимствовали те самые дурные деградирующие черты, с которыми пришел вести борьбу Спаситель.

Римская религия времен начала христианства представляла собой вырождение истинной религиозности в имперскую кесареву модель, государственный культ. Русские восприняли деградировавшую модель византизма, «второго Рима», как христиане восприняли деградировавшую модель Рима первого.

Никто до сих пор не знает, что такое Рим. «Второй Рим» — Византия, Константинополь. «Третий Рим» — Москва. А что такое Рим «первый»? В чем состоит римская религия?

Случайно ли то, что никто сегодня толком этого не знает? Вроде бы мифы, сказания...

Матерняя религия¹⁵.

Христиане позаботились: римская религия де — идолопоклонство, многобожие, жертвоприношения, жрецы. В чем состояла суть этой религии, запрещено знать. Но при этом православие и католицизм полностью заимствовали форму римского языческого идолопоклонства. Заимствовали, более того, имперский дух и форму. Заимствовали даже содержание многих обрядов именно римской религии, одновременно оклеветав свою «мать» и скрыв, что у римлян, помимо мифов, существовала сложная религия.

«Заслугами» христиан никто, повторяю, до сих пор не знает в чем она состояла. Вроде бы какое-то идолопоклонство, языческие капища, которые надо разрушать и заменять христианскими храмами... Но языческие храмы, разрушенные и замененные православными — хуже трудно что-либо придумать. Это уже открытое антиевангельское антихристианство.

К

Что же такое Рим? Какова религия-мать, давшая начало «второму» и «третьему Риму» и никакого отношения к христианству и ко Христу не имеющая?

Вся римская религия¹⁶ сводилась исключительно к обрядовой стороне. Какая-либо духовность вообще исключалась, считалась зловредной для имперского сознания, действительности и порядка.

Обряды — чистая магия. Поскольку боги вступают в магический диалог с молящимся, ни одна из мелочей ритуала не должна быть опущена. Нужно дотошно, скрупулезно, буква в букву исполнять обряд, чтобы боги многочисленного римского пантеона услышали.

Не стопроцентное ли это современное православие! Жертвоприношение (центр ритуальной практики) совершается по четко проработанному ритуалу, имеющемуся в книге «Индигитаменто» (свой типикон). Молящегося, приносящего жертву богу, окружают два жреца. Слева стоит жрец, читающий ритуал и смотрящий за тем чтобы приносящий жертву

(«прихожанин») трепетал при исполнении буквы. Справа стоит жрец-надзиратель, смотрящий, досконально ли исполняется ритуал.

Полная бездуховность! Римский менталитет предполагает, что единственная забота молящегося состоит в том, чтобы точно выполнить правила, предписанные ритуалом. Больше ничего не нужно. При этом сам закон настолько сложен и противоречив, что правильно исполнить ритуал составляет огромную заслугу. В частности, в римском пантеоне существовало несколько тысяч, даже десятков тысяч иерархически расположенных божеств. Божество, приступающее при рождении, божество при родах, божество первого земного вздоха, божество похорон... Вся жизнь человека окутана тысячами божеств. Каждому божеству положена своя молитва. Каждая ситуация предполагает обращение к определенному божеству. А знать когда, к какому божеству и как следует обращаться, может только жрец.

Абсолютная ритуальная казуистика — вот существо римской религии.

Православные римский пантеон заменили святыми. К святым обращаются за помощью в таких-то проблемах. Этот святой помогает в этом, этот святой помогает в том.

К

Римлянину всегда полагалось молиться в фарисейском страхе (свой вариант «страха иудейска») относительно того, что он не сможет выразить свою мысль сам. Человек, чтобы его услышали боги, должен прибегать к букве, составленной жрецами, превосходящими знаниями всех. Думать и пытаться молиться самостоятельно было вообще запрещено в римской обрядовой практике.

Сама молитва имела дотошно расписанную форму. Жесты и движения помогали исполнению. Например, при произнесении слова «земля» римляне касались земли, при упоминании Юпитера поднимали руки к небу, при раскаянии били себя в грудь (этот прием древнеримской практики полностью заимствован католиками). Когда хотели посвятить себя храму, брали в руки символическое изображение дверей и тоже совершали какой-то ритуал.

Вся молитва состояла только из внешних ритуальных движений, надзираемых жрецами. Душевное настроение, внутреннее состояние полностью игнорировалось и ничего для диалога между богами и земными существами не значило. Внутренний человек, составляющий существо христианства (Царство во внутреннем), полностью исключался.

В этом заключалось существо имперской римской религии. Внимание обращалось только на внешнюю ритуальную сторону. Более того, благочестивым (в этом римское благочестие полностью совпадает с иудейско-фарисейским) считался не тот, кто живет свято, любит Бога, борется с грехами или достигает каких-то совершенств. Нет. Благочестивым и богоугодным считался тот, кто лучше других знает обряд и исполняет его по законам своей страны.

Для исполнения этого закона, согласно римскому ритуальному религиозному кодексу, «гражданин страны должен в свой час прийти в храм в соответствующем одеянии и принимать предписанные законом позы» (цитирую).

Такой угоден богам и боги помогают ему. Никакое другое благочестие не предполагалось.

Этот подход полностью заимствован у Рима православием. Все православное богослужение в этом. В свой час прийти в храм в благочестивом одеянии и принимать предписанные уставом позы: когда на колени встать, когда руки воздеть, когда коснуться земли, когда поклониться и т.д.

Римская институциональная религиозность не только не поощряла истинной набожности, но относилась к ней с подозрением. Набожность считалась тайным врагом имперского двуглавого орла, разрушающим активность, действенность и практичность римского жизненного уклада. Мистическое созерцание и неотмирность вызывали неприязнь

и подозрение. Напротив, поощрялась усредненность и порядок. Нужно, считали римские жрецы, избегать того, что приводит в возбуждение. Смысл культа — успокаивать душевные волнения, а не вызывать их. Какие-либо эмоции, экстаз, восхищение противоречили римскому религиозному менталитету.

Чтобы не возникало вредного свободомыслия, думать во время отправления культа вообще запрещалось. Поощрялась как можно более холодная молитва, лишенная живых слов и живого обращения. Никакая благодарность богу, экстаз, слезы не допускались римскими жрецами. Свобода, составляющая душу молитвы, исключалась сознательно в пользу мертвой буквы. Более того, считалось богоугодным навязывать определенную форму молитвы, и чем более она туманна, тем лучше. Вместо того чтобы человеку думать, он должен читать заумные непонятные ритуальные молитвы, и чем меньше он в них понимает, тем лучше.

Например, т.н. «арвальские братья» для богослужения брали бумажку с написанным на них древним гимном, в котором они не понимали ни слова. Но это несколько не мешало им усердно повторять его до самого конца империи.

К

Откуда идет идея искупления (лютерасис)? Из характерной римской идеи: нужно принести выкуп за любой грех.

Смысл ритуальной молитвы — принести выкуп, «купить» покровительство небес молитвами и жертвами. Покровительство небес покупается не праведностью, не святостью, а обрядами и жертвоприношениями. Боги, согласно римским представлениям, любят как раз тех, кто воздает им поклонение и приносит жертвы. То и другое контролируется жрецами. Слева жрец ритуальный, справа жрец-надзиратель.

Чтобы грех простился, нужно не раскаяться, а принести выкуп. Чувствуете свечку, свечной менталитет? Принеси выкуп: приди в храм и поставь свечку.

Обряды были исключительно многочисленны. Каждый обряд имел свою надуманную форму, изложенную в книге «Индигаменто». Между жрецом и простым смертным лежала пропасть. Жрец знал дотошно все детали обряда, а простой смертный должен был в страхе трепетать и смотреть на лысую макушку жреца, благоговей перед ним.

Ритуальная казуистика помогала выработать страх у прихожан. Все сводилось к тому, к какому богу в данной ситуации обращаться и какую молитву лучше прочесть, чтобы удовлетворить богам.

Мучиться из-за совершенного греха не было необходимости. Специальные божества (типа Фортуны с ее 12 разновидностями судеб) были снисходительны к тем, кто сетует по поводу своего греха, читает молитвы и приносит жертвы.

К

Идолопоклонство и язычество это не поклонение каким-то другим богам, чем те в которых веришь ты, а поклонение букве и ритуалу. Православная вера — одно сплошное римское идолопоклонничество, язычество с полным заимствованием римского менталитета, образа веры и самой молитвы. Вся римская религия полностью перешла в православный культ. Чем больше римлян называли язычниками и идолопоклонниками, тем больше походили на них.

Христиане, переняв еврейское чувство своей мессианистической избранности, клеветали на всех остальных, одновременно воспринимая от них самое худшее. Взяли фарисейство от евреев и обрядоверие от римлян. Стремление к экспансии и вселенскости, глобальному захвату — подсознательное выражение бенэлогимского происхождения исторического христианства: бен-элогимы хотели бы опутать собой весь мир.

Древнеримский языческий менталитет был перенесен на Христа. Будто бы Христу нужны жертвы, молитвы, ритуалы, жрецы-надзиратели, жрецы-буквоеды. Какая подлая подмена! Какое отношение это имеет к христианству вообще и ко Христу, к Евангелию? Все Евангелие полностью противоречит этому римскому обряду.

Христа распяли иудеи и римляне по приказу римского прокуратора Пилата. И вот — какое осквернение! — христиане уподобились тем, кто распял Христа. От иудеев они взяли веру в единого Бога. А от римлян — дотошный ритуал, имперскую модель, юридическую идею искупления с необходимостью принесения жертв ради прощения грехов...

Осквернение, злобное осуждение христианами других религий привело к осквернению христианства. Все зло, которое они (как правило, клеветнически) приписывали древним религиям, они принимали на себя, согласно духовному закону: грех от осуждаемого тобой переходит на тебя самого.

Вся имперская дьявольщина полностью перешла в эти дворцы. Но римская религия была очень толерантна. Ты мог исповедовать любую религию, если признаешь римскую. А нынешние ее наследники совершенно нетерпимы: кто не с нами, тот против нас! Все наоборот.

Во времена римлян святые ревностно исповедовали христианство, отказываясь поклоняться имперским алтарям. А сегодня, в век фундаментализма, свят тот, кто может сказать: у римлян была такая же истинная религия, как у евреев и у христиан¹⁷.

К

11.09.05 Кемер

Как тепло прощалась Атлантида! Неописуемо. Просто источались волны любви. Приглашала, благодарила.

Атлантида открыла тайну:

«Бог, которому поклоняются сегодня православные, католические и мусульманские фундаменталисты — дьявол. Поэтому нельзя употреблять имя Бога: пересекаешься с теми, которые этим именем тебя проклинают. Когда ты это имя употребляешь, проклятие начинает действовать, поскольку их бог дьявол. Упоминаешь имя Бога — примешивается враг и начинает действовать.

Только Премудрость!»

К

Рождение ребенка как бы имитирует сотворение Богом человека, таинственный божественный акт. Мать — Матерь Адама Премудрость, Богородица, а отец — само Божество.

Не знаю ничего таинственной зачатия и рождения ребенка, приведения в мир души, облечения ее в плоть человеческую и дальнейшего ее обожения как возвращения в Лоно Отчее.

К

Атлантида открыла, что то же было и с другими пророками. Приходили на закате духовности, и говорили: «Ваш бог — дьявол». И запрещали упоминать имя Бога, открывая новое Божество, постоянно обновляющееся таинственно в Своей проявленности.

Атлантида сказала: «Бог этого мира — дьявол и тебя проклинают именем Бога. Поэтому когда ты упоминаешь имя Бога, стрелы их проклятий доходят. Премудрость — вот

твой Бог.

Все сатанисты сегодня поклоняются Богу. Бог этого мира — дьявол. Когда упоминаешь Бога, именем Которого они проклинают тебя, ты приобщаешься к их числу и их стрелы доходят. Поэтому не упоминай имени Бога, поскольку делаешь себя подверженным ударам дьявола и пересекаешься со змеями. Твой Бог — Премудрость.

К

О врагах:

Надо не их, а их бога проклинять.

К

Молитва против змеев-фарисеев:

Проклят ты и проклят бог твой — дьявол.

К

14.09.05 Кемер

Святые на небесах проходят также свои прозрения, чтобы сподобиться более высокого порядка откровения. Нас в церкви ведут ошеломляюще быстро, поведут еще быстрее. Очень много нам хотят открыть.

К

Медитация о диско:

‘Дип’ — с погружением, глубокое. А Христа «глубокого», «с погружением» где обрести? В Церкви Божией Матери Державной и блаженного Иоанна, преображающегося вместе с его Сладчайшей Госпожой.

На Соловьях сказала: «Мое преображение закончилось. Я преобразилась в „хозяйку Соловьинной горы“, Мать Богоцивилизации III. Отними проклятые образы и кривляющиеся маски».

Время 3:20 ночи. Мир. Блаженный сон по снятии с креста. Успение и Пиета.

К

Десять домов сменили за последнюю поездку. И в каждом с половой тряпкой в руках приходилось отдраивать вековую пыль от вчерашних постояльцев. Вкушать их запахи, их мысли. Адаптироваться далеко не автоматически — простирается, как Иоанн Колов над древним городом.

Боже мой, Боже! Брать на себя, принимать эту пыль в свои легкие... Какой крест! И какое великое страстное утешение в последний день поездки!

К

Человек в этом мире как мотылек пролетел. По телеэкрану, через похоть и астральные

выходы, киберпространство и пр. Тибет хочет заманить их в четвертое измерение. Соловьиная гора, столица Богоцивилизации покажет им Царство небесной любви. И отрясут прах дешевого космизма.

О любить еще и еще, безумно! Глупость, будто есть мера любви. Люблю тебя безумно, в тысячу и миллион раз больше, чем ты можешь себе представить. Это и есть «Еще и еще прими от Плоти и Крови Моей» Христово и ответный Грааль последней капли.

Господи, раскрой сердце мое, чтобы источилось из него миро еще и еще на ближнего моего! Раскрой, раскрой еще в эту иерусалимскую кемерскую ночь сердце любви!

Исчезните, тени похоти и маски проклятого маскарада, кривляющиеся уродства мира и козлоногие уроды. Приди, Сладчайший мой Христос и утверди царство девственной любви во внутреннем моем. Все существо мое преобрази. Пройди по 144 замкам Грааля и сочедай меня Твоей любви. Да стану я ее сосудом.

К

Боже мой, Боже мой, что же еще не сказано? Какие сны недовидены? Какие еще в ближнем не востребованные кладовые не явлены?

К

Почему фундаменталистские секты (патриархия, инквизиторский Рим, мусульманская Аль-Кайда) столь агрессивны в последние времена? От них отступил Бог — к ним поступил сам дьявол, враг рода человеческого.

Каждый террористический акт надо рассматривать как вселенское бедствие, вызванное отступлением Бога от традиционных церквей, выродившихся в свою противоположность.

Всегда причину искать надо в отступлении ангелов от церкви, некогда стоявшей под их покровом. Война в Сербии и Хорватии вызвана Московской патриархией, никто не видит источник ее причин.

К